

Галина Гончарова

ИНТРИГИ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА

Но чтобы не забыть итога наших странствий: От пальмовой лозы до леяного мха, Везде —
езде — везде — на всем земном пространстве Мы видели все ту ж комедию греха: <...
> Мучителя в цветах и мученика в ранах, Обжорство на крови и пляску на
костях, Безропотностью толп разнузданных тиранов, — Владык, несущих страх, рабов,
метущих прах...

Глава 1

ВАРЕВО ЗАКИПАЕТ

— Марс, ваше сиятельство.

Лиля сверкнула глазами, но деваться было некуда. Сама подставилась.

Ганц Тримейн вообще отлично научился играть в нарды. И выигрывал у бедной-несчастной графини примерно три партии из пяти. Хорошо хоть не на деньги.

— Пропуск хода.

Лиля задумчиво посмотрела на доску из простого некрашеного дерева.

Вот так вот. А кто бы мог подумать еще год назад?

Жила-была девочка. Училась, радовалась жизни, может, даже замуж собралась бы в скором времени. Ан нет. Ничего этого судьба студентке меда Але Скороленок не отмерила.

А вместо этого подсунула автомобильную аварию, бред, боль, беспамятство — и в результате чужое тело и другой мир.

И они девушке сразу не понравились. Мир был натурально средневековым. Ни теплого туалета, ни водопровода, ни даже приличного стекла в окнах — слюдой стеклили. Грязь в три слоя, и даже оброк еще не изобрели, так барщиной и обходились. Интернет? Телефон? Телевизор?

Это чаво это вы демонов-то призываете, ась?

К телу тоже были претензии.

Воспитанная СМИ двадцатого и двадцать первого века, Аля привыкла к тому, что стройность и красота — синонимы. А тут — тушка весом поболее центнера. Куча болячек и проблем.

Кубики простучали по доске. Лиля бросила взгляд и покачала головой. Еще бы. Даст ей Ганц так просто из ловушки вырваться, жди...

Одно хорошо — что графиня. Ее сиятельство Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон, вот даже как. Но и графиня — одно название. Замок — развалюха. Мужу на графинюшку наплевать, управляющий ворует, родные далеко... короче, все печально. Хотя сейчас уже и не настолько.

Замок ремонтируется, управляющий был выкинут за ворота, а что до мужа... ну Лиля и сама не рвалась его видеть. Хватило ребенка. Любимицы мужа, единственной дочурки от второго брака.

С точки зрения Лили, девочке не помешала бы крепкая порка. Но — вовремя вспомнился дедушка Дуров. И принялась графиня воспитывать падчерицу теплом и лаской.

Вроде бы пока получалось. А что будет дальше — бог весть.

Но к чему тут муж?

А к тому, что под его чутким руководством малявка выросла капризным избалованным чудовищем. То есть детей товарищу доверять уже нельзя. А если человеку не доверишь ребенка — как самой ему довериться?

Что-то Лиля сомневалась в своем взаимопонимании с невесть где (в посольстве) шляющимся супругом. Тем более что ее уже пару раз пытались убить — и кто бы?! Любовница мужа нанимала киллеров для избавления одного от законной жены. Вот казалось дамочке, что она лучше будет выглядеть в графских изумрудах. А Лиля почему-то умирать не собиралась. И всячески старалась обустроиться.

А вы бы что сделали на ее месте?

Как-то женщину не тянуло на ритуальное самоубийство. Или на громкие признания.

Вместо этого Аля (то есть теперь уже Лилиан Иртон) занималась хозяйством, лихорадочно записывала все, что помнила по медицине, и прикидывала, какие из новинок ее мира можно принести в этот мир. Отпало одно — но сразу.

Военная техника. Даже порох тут пока не изобрели. И Лиля понимала — никогда!

Она никогда не упомянет о порохе в своих записях! Хотя и помнит состав (кто в детстве не баловался дымовухами и «поджигами», особенно если ты ребенок и живешь в гарнизонном городке). Но нельзя. Техническое развитие человека не должно опережать морально-этическое. Или первое надо притормаживать.

Так что пока все попроще. Стекло. Кружево. Кое-какие женские мелочи.

И работать, работать, работать...

Багаж знаний?

Если кто-то рядом с вами станет ныть, что ничего не знает, — дайте товарищу в лоб. Ибо — лентяй. В век, когда в Интернете можно найти любые курсы — от кролиководства до кружевоплетения, — и ничего не знать? Даже как-то непонятно. Берешь газету, берешь ноги в руки — и вперед. Что до Лили...

Отца мотало по гарнизонам, семья моталась вместе с ним, и первым делом на новом месте Алю тащили в школу, а вторым — во дворец пионеров. Справедливо рассудив, что в России надо знать как можно больше и уметь как можно больше, Татьяна Викторовна загружала в дочкину голову все. От бальных танцев до хирургии, от консервирования овощей до вышивания гладью. И радовалась, что ребенок пошел в медицину — с такой профессией нигде не пропадешь.

Вот оно и пригодилось. И сейчас Лиля с благодарностью вспоминала мать.

Бдуммм!

— Твою селедку!

Графиня Иртон подскочила и бросилась к окну.

Так и есть. Дети шалят.

— Лэйр Ганц, признаю свое поражение. Пойду-ка я посмотрю, что там наши озорники делают, — подхватила Лиля.

Ганц Тримейн поклонился:

— Как скажете, ваше сиятельство.

Лиля кивнула мужчине на прощанье и вышла за дверь, оставляя Ганца собирать фишки в коробку. И подумала, что если с эпохой ей не очень повезло, то вот с правителями — вполне.

Эдоард Восьмой казался вполне вменяемым товарищем и хозяйственным мужиком. Чего только стоил его представитель, прибывший, чтобы разобраться с проблемами в Иртоне. Ганц Тримейн был умницей и профессионалом в своем деле. Лиля даже его немного побаивалась иногда. Слишком острый взгляд, слишком серьезное выражение лица... но что тут сделаешь?

За этими мыслями графиня достигла двора и чудом увернулась от камушка из пращи.

Дети тренировались вовсю.

— Лиля!!! Смотри, как я могу!!!

— Ну-ка?

Камешек вырвался из пращи и впечатался точно в мишень. Дерево загудело. Миранда торжествующе поглядела на мачеху.

Лиля рассмеялась и кивнула.

— Так держать! Ты у меня вообще умница! И красавица!

Миранда Кэтрин Иртон гордо подбоченилась. И улыбнулась, показывая щербинку на месте недавно выпавшего зуба. Тоже та еще беда. Ну до всех Лиле дела не было, а они с Мири зубы чистили каждый день. Крапива, плюс кора березы, плюс мел, то есть известняк с берега, все тщательно измельчается, просеивается — и извольте. Мири сначала спорила, но потом послушала Лилины рассказы о кариесе, посмотрела на щербатые улыбки окружающих и, впечатлившись, стала драить зубы мягкой тряпочкой два раза в день.

Да и то сказать — Лили же делала! А своей мачехе девочка теперь подражала и в большом и в малом. Это же так здорово, что есть Лили! Добрая и веселая, которая всегда готова выслушать, посоветовать, просто поговорить. А иногда — и поругаться. Но Миранда впервые ощутила, что у нее есть... мать?

Этого девочка пока не знала. Но то, что есть человек, которому она не безразлична, — это факт. Девочка подбежала, на минуту повисла у Лили на шее, чмокнула ее в щеку и унеслась с друзьями.

Лиля с улыбкой смотрела ей вслед.

И куда что девалось?

От высокомерной, бледной и одутловатой аристократочки и памяти не осталось. Веселый, загорелый на позднем солнышке чертенок, из которого веселье так и брызжет во все стороны. В вечной юбке-брюках и жилете поверх рубашки, с широкой улыбкой, с вечной прашой...

Да, по результатам размышлений рогатка таки отпала. А вот прашу Лили дала детям в руки без раздумий. И не пожалела. Да, пока они не научились, — страдало многое. Но местные дети были как-то взрослее. И старались думать о последствиях. Наверное, потому, что рисковали, в случае чего, не лишением компьютера на неделю, а жестокой поркой. Своей или родительской.

Так что обошлось без жертв. И даже все стекла (в окна замка вставляли откровенный брак, с пузырями, а иногда и разных цветов, но и это было лучше слюды) остались целы...

— Ваше сиятельство?

Ганц Тримейн подошел неслышно.

— Лэйр Ганц. — Лили обернулась и одарила королевского представителя улыбкой.

— Вы, как всегда, заняты...

— Ради беседы с вами я готова отложить свои дела. — Лили, продолжая вежливо улыбаться, погладила сидящего на плече мангуста. Умные зверьки спасались либо на хозяине, либо на Лиле от толпы детей, носящихся по замку. А ночью выходили на охоту и давили крыс десятками.

Ганц с симпатией посмотрел на графиню. М-да. Повезло же ее супругу. Умная. Красивая. Добрая. Хозяйственная. Ну и чего еще надо?

— Ваше сиятельство, мне уже скоро надо уезжать...

— А у нас почти все готово. — Лили смотрела спокойно и весело. — Налог — отдельно, кое-какие подарки для его величества, юных принцесс и моей свекрови — отдельно. И я искренне надеюсь...

— Разумеется, я все доставлю и передам. В целости и сохранности. И хотел бы, чтобы вы

мне выделили один из кораблей работорговцев. Надо же перевезти этих мерзавцев.

Лиля кивнула:

— Безусловно. Вот Эрик вернется — и вы отправитесь с ним, если не возражаете.

— Что вы, госпожа графиня...

Лиля тоже испытывала симпатию к Ганцу Тримейну. Умный мужик, с юмором, помог добычу янтаря организовать... теперь у нее рудник на побережье... хотя — нет! Не у нее. У супруга...

И в очередной раз Лилю посетила подленькая мыслишка: если бы Джерисон Иртон где-то там откинул тапочки — король назначил бы в майорат управляющего до рождения второго сына Миранды.

А это — прорва времени... эх, тяжело в деревне без нагана...

Но тут уж как жизнь повернется. Ради Мири сначала с супругом будем договариваться по-хорошему. А если не согласится...

Аккуратно расспросив Ганца Тримейна о законах в королевстве, она видела для себя еще один путь.

Если в браке у нее рождается мальчик, он становится графом Иртон. Если супруг помирает... Ее отец — опекуном малыша до совершеннолетия... если король еще кого не назначит. А она будет безутешно горевать по своему мужу... лет еще так пятьдесят.

Одним словом, возможны варианты. Хотя на первых порах Лиля предпочла бы мирный диалог. И для начала ей надо было заручиться поддержкой всех. В принципе всех кого можно.

Короля. Принцесс. Свекрови. Отца. Придворных.

Ганц передал ей приглашение весной ко двору, и Лиля была намерена приехать. И блистать!

Она уже знала, какие сплетни о ней ходят. Чего уж там — пара слуг, приехавших с Ганцем, чуть ли не в первый же день попала под мягкое и ненавязчивое внимание Эммы.

Итак, Лилиан Иртон — это нечто туповатое, неотесанное, и вообще — бедняжка граф, женился на таком ужасе ходячем... ну мы еще посмотрим, кто из нас будет ходячим, а кто — лежащим!

Каз-зел ты, супруг... Все понимаю, но каз-зел... какая б Лилиан Брокленд, прежняя, ни была, но ведь твоя жена! Ты за нее должен был горой стоять, а не жаловаться кому попало... а ты?

Лиля еще не знала супруга в новой жизни. Но уже решительно не одобряла его действия.

Джерисон, граф Иртон, ворвался в комнату вихрем.

Рик посмотрел на кузена с удивлением:

— Ты чего?

— Ничего хорошего!

— Ну-ка сядь и успокойся. И объясни мне, что случилось.

— Вот! — Джерисон бросил на стол свиток.

Рик недоуменно приподнял брови:

— От кого это?

— От патера Симона Лейдера.

— Ты решил, что нуждаешься в патерском благословении?

— Это он решил!!! Ты прочитай!

Рик пожал плечами и развернул свиток.

«Ваше сиятельство.

С прискорбием вынужден сообщить, что ваша супруга ведет себя достаточно своеобразно. Она посещает ярмарки, общается с эввирами и вирманами, нанимая последних в свою охрану. Торгует с ханганами и занимается непонятными делами с бароном Авермалем. Как верный слуга Альдоная, считаю необходимым поставить вас в известность о происходящем.

— Ну и?!

Рик постучал кулаком по лбу:

— Джес, ты в своем уме?

— Вполне! А вот моя жена...

— Беременна. И сидит дома.

— Не беременна.

Второй свиток шлепнулся рядом с первым.

— Читай!

Свиток был от Амалии.

«Милый братик, хочу сообщить тебе о последних новостях.

Твоя жена потеряла ребенка. А докторуса Крейби, которого мы уговорили с таким трудом, просто выгнала, запретив показываться ей на глаза под страхом смертной казни. Не знаю, сообщили ли тебе об этом, но на всякий случай я попросила дядюшку с этим разобраться. Он обещал направить в Иртон своего представителя.

Я все-таки беспокоюсь за Миранду. Зря ты ее к нам не отправил.

Питер уговорил меня поехать в родовое поместье, чтобы младенец...»

Дальше Рик читать не стал. Пробежал глазами, убедился, что все остальное — исключительно розовые сопли, и посмотрел на кузена.

— И что?

— Как — что?! Моя жена потеряла ребенка, выгнала докторуса...

— Тут нет ничего удивительного. Сам понимаешь, его работа была ребенка сохранить. Он не справился. Я бы его тоже выгнал.

— Но почему Эдор мне про это не написал?

— Может быть, и написал — просто письмо еще не дошло...

Джес пожал плечами:

— Ну... может, и так.

— Твои письма собираются в городском доме, и управляющий пересылает их с оказией. Сам знаешь, к зиме это сложно, мало ли что и как...

— Знаю. Ладно. Эдор не сообщил. И докторуса она выгнать могла. Согласен. А все остальное?

— Джес, а ты не пытался головой подумать? — Рик явно издевался. — Ну да. Женщина, которая только что потеряла ребенка, так и поступит. Помчится на ярмарку, нанимать вирман в охрану и торговать с ханганами. Кстати — чем?

Джес покривил губы:

— Да в этом Ирhone только охота хорошая. А так — болото на болоте, горы рядом... жуть кошмарная.

— Так и запишем. Продавала ханганам болота.

— А патер...

— А он лично с твоей супругой общался? Хоть раз в жизни?

Джес фыркнул:

— Еще не хватало!

— Ну вот тебе и ответ. Или ошибся, или перепутал, или еще чего... Он тоже не Альдоной всеведущий.

— Думаешь? — Но теперь в голосе графа явственно слышалась неуверенность. И то сказать, письмо от сестры укладывалось в картину мира. Письмо же от патера...

— А ты отпиши ему. А лучше — Эдору. Или кто у тебя там...

— Ну да, Эдор.

— Вот и подожди от него сообщения. Кстати, на кой твоей супруге самой нанимать каких-то левых вирман, если там есть управляющий и кое-какая дружина?

— Ну... да...

— Вот. Тебе всякую чушь написали, а ты уже на дыбы встал.

— Дураком был. — Джес плюхнулся рядом с кузенком на кровать и потянул яблоко из вазы. Впился зубами в красный бочок, зажмурился от удовольствия...

— И остался...

— На себя погляди.

Ругаться Рик не хотелось, пусть и шутливо. И он предпочел поинтересоваться:

— Как там твоя Адель?

— Мм... Не знаю.

— Что так?

— Слишком навязчива стала.

— То есть?

— Понимаешь, в постели все хорошо. Но стоит из нее выбраться... Вот тут и начинается. Клятвы в вечной любви, стенания, что теперь она падшая женщина, страх зачать ребенка...

— Я надеюсь...

— Я осторожен. И нашел ей травницу, кстати. Но нытье уже начинает раздражать. Такое ощущение, что она не любовница, а жена...

— Или хочет ею стать.

— С моей-то колодой на шее... — Джес с таким ожесточением вгрызся в яблоко, что оно треснуло пополам.

— Колодой... ну не красавица. Но сам понимаешь...

— Верфи. И Август.

— Угу... — Рик тоже взял яблоко из вазы и сосредоточенно жевал.

Верфи. И Август. И одно без другого сильно теряющее в цене. У Августа был талант строить корабли. Он не боялся новых решений — и каждый последующий корабль был лучше предыдущего. Можно было его убить, убрать, заставить работать из-под палки... и — нельзя. Птицы не летают с клеткой. Поэтому Джайс Иртон когда-то и заключил брачное соглашение.

Кроме того, Джайс под это дело прикупил некогда убыточные верфи. И они бы развернулись на пару с Августом... смерть помешала.

— М-да... теперь придется ехать в Иртон. Делать ей нового ребенка...

— Ничего. Заодно поохотишься.

— Это единственное, что утешает. Но это не раньше лета, а то и осени...

— Полагаю, да.

— То есть — Лидия?

— Не знаю. — Рик смотрел в потолок. — Анелия красива, что есть, то есть. И очень старается. Но я должен посмотреть на обеих, прежде чем выбирать.

— Это правильно...

— Но ты с Аделью тоже поосторожнее. По-моему, она та еще щучка.

Джес пожал плечами:

— Щучка, рыбка... знаешь, рядом с моей женой она просто королева.

— Терпи.

— Терплю... ты хоть выбирай так, чтобы терпеть не пришлось...

— Постараюсь. Кстати, начинается сезон большой охоты, вот и погоняешься...

— Можно подумать, ты охоту не любишь.

Рик поморщился. Охотиться он не любил, хотя это и не афишировал. Ну что за радость — когда у тебя и копье, и меч, и нож, и собаки, и загонщики... это не охота. Это — убийство.

Но Джес ничего не заметил. Пихнул кузена в бок:

— Вот и отлично! Развлечемся!

Рик молча кивнул. Хорошая вещь — яблоко. Кусаешь — и отвечать не надо.

— Ваше сиятельство...

Алисия Уикская развернулась, глядя на служанку.

— К вам милорд Ивельен...

— Впустите...

Вдовствующая графиня привычно оправила платье, скользнула рукой по гладкой

прическе.

Вошедший Питер поклонился:

— Ваше сиятельство...

— Любезный зять...

— Надеюсь, у вас все благополучно?

— Не жалуюсь. А в вашей семье?

— Более чем. Амалия просила передать вам поклон и дочерний поцелуй.

— Передайте, что я ежедневно молюсь за нее.

Алисия улыбалась, хотя и без особой теплоты. Да, ей пришлось общаться с дочерью, но говорить — не значит любить.

— Вы как всегда очаровательны...

— Что привело вас ко мне?

Славословий Алисия не любила с детства, твердо усвоив, что ей льстят. Сначала — из вежливости. Потом — из-за ее связи с королевской семьей и графского титула.

— Разумеется, Амалия.

Улыбка Питера была достаточно тонкой. Мамаша из тебя никакая, но хоть что-то ты знать должна?

Алисия ответила такой же ядовитой усмешкой.

— И что требуется моей дочери? Утешение во время родов?

— Что вы, Амалия сейчас в Ивельене...

— Тем лучше. Столица — неподходящее место для беременной женщины. И так?

— Амалия беспокоится о племяннице...

Алисия пожала плечами:

— Миранда в Иртоне. Не лучше ли ей беспокоиться о своих детях? У вас ведь уже двое...

— Вы правы. Но тем не менее... нет ли у вас вестей из Иртона?

Алисия покачала головой:

— С этим вопросом вы можете обратиться к королю. Я могу лишь сказать, что Миранда благополучна. Полагаю, этого моей дочери достаточно?

— Э-э-э...

— Питер, его величество оказывает мне высочайшее доверие. И я не собираюсь его предавать.

Сказано было достаточно четко и ясно. Наследник герцогства Ивельен поморщился, но спорить не решился.

— Ваше сиятельство...

— Что-то еще? — Амалия каждым жестом показывала, что пустых славословий не потерпит.

— Полагаю, вы увидите его величество?

— Да. И?

— Прошу вас, расскажите ему о тревоге Амалии. Возможно, он найдет время для...

— Я расскажу. Но полагаю, что это ничего не изменит.

Алисия вежливо раскланялась с зятем и выпроводила его за дверь.

Поморщилась.

Ивельенов она не любила. Пусть и герцоги, но... слишком уж они заносчивы. А Алисия еще не забыла, как была некрасивой бесприданницей. Джайс спас ее от печальной участи старой девы. И она была ему благодарна. И королю. И Джессимин.

Но и только.

Питер в этот список не входил.

Интересно, когда придет ответ из Иртона?

Ройс Флетч посмотрел на двоих мужчин из своего отряда.

— Мик, Джейм, оставляйте лошадей здесь и идите в деревню. Скажете — бродячие наемники, ищите работу. Разузнаете все про Иртон, про графиню, как, что, когда... сами понимаете.

Мужчины закивали. Они понимали.

Главный вопрос — стоит ли связываться с ее убийством. А если да — то как до нее легче добраться?

Ближайшая деревенька называлась Яблоновицы.

Остальной отряд расположился в лесу. Наемники принялись привычно разбивать стоянку, расчищали место для костра, рубили лапник... здесь им придется провести несколько дней, пока не вернутся Мик и Джейм.

А потом... потом как командир скажет. Либо работа.

Либо...

Кинуть заказчика и забрать у него деньги тоже было не худшим вариантом. До Ивернеи не так далеко, работа найдется...

— Анель старается как может. — Альтрес сидел у ног Гардвейга, но на короля не смотрел. Мужчины глядели в камин, на причудливую пляску огня.

— Но?

— Да. Рик на нее не клюнул.

— Почему?

— Хочет посмотреть и одну, и вторую...

— Альт, меня это не устраивает. Из Уэльстера он должен увезти браслет Анели...

— Гард, я и не спорю. Когда у нас большая охота?

— Через четыре дня.

— Вот и отлично. У меня есть один план...

— Рассказывай.

Мужчины смотрели в камин. И слова текли, словно нить из паутины. Она готовилась

взвиться и захлестнуть доверчивую муху.

Ричарда Ативернского.

Лиля быстро проглядела документ.

— Шевалье Авельс, вы просто чудо!

— Я старался, ваше сиятельство...

Лонс позволил себе вежливую улыбку. Действительно, доклад составить было довольно сложно. Но он справился. Лиля понимала, что сама все не успеет, поэтому поручила ему четко расписать состояние Иртона, доходы, расходы, ее действия... Этот доклад Ганц Тримейн должен был передать его величеству. И Лонсу пришлось раза четыре переделывать, пока не получилось то, что понравилось Лилиан. Максимум цифр при минимуме слов. Но — получилось же! И даже Ганц Тримейн, проглядевший отчет, не нашел в нем ни ошибок, ни неточностей...

— Вы сможете перебелить все это? Красиво, с завитушками, все-таки королю посылаем, а не абы кому...

— Разумеется, госпожа...

Лиля одарила Лонса благодарной улыбкой. Но успокаиваться на этом шевалье не собирался.

— Ваше сиятельство?

— Да, шевалье?

— Вы ведь собираетесь ко двору...

— Все уже знают?

— Кому надо — те очень неплохо осведомлены, ваше сиятельство.

Лонс улыбнулся. Лиля фыркнула.

— Король пригласил. Весной. Хотя мне это и не нравится.

— Воля короля закон для его подданных. Ваше сиятельство, прошу вас не счесть это излишней дерзостью...

— Что именно? Шевалье Авельс, вы можете говорить без обиняков...

— Ваше сиятельство, вы ведь... ваши манеры весьма своеобразны, но...

— При дворе на меня будут смотреть как на сумасшедшую.

Лонс не кивнул, но его взгляд был весьма красноречивым.

— Я знаю об этом, шевалье. Но... Я — дочь купца. Ненаследного дворянина. И мое воспитание оставляло желать лучшего. А в Иртоне что-то не слишком нужны хорошие манеры...

— Ваше сиятельство, я ведь не в укор. Я был учителем, и хорошим. Поэтому если вы позволите...

— Вы подучите меня тому, что я должна знать.

— Ваше сиятельство, еще раз прошу не гневаться на мою смелость...

Но Лонс отлично видел, что не гневается. Наоборот, его предложение явно пришлось в тему. А значит — Лилиан Иртон будет ему еще больше обязана.

Шевалье Авельс уже успел оценить эту женщину. И про свои планы стать ее любовником

на жалованье вспоминал с усмешкой. Глупость какая! Эта женщина не будет содержать любовника. Скорее это ее любовникам придется здорово потрудиться, чтобы быть достойными ее. Очень умная, яркая, сильная... хотя и не без странностей и тайн.

А, ладно! Кто без греха? Лонс и сам не торопился пускаться в откровения. Хотя мысли об Анелии грызли душу хуже могильных червей. Как-то там его девочка?..

А сейчас в интересах шевалье Авельса было подготовить Лилиан Иртон.

При дворе она должна притягивать восхищенные взгляды. И даже больше.

Блестать!

Ему это по силам. Не уничтожая ее личности — сделать из нее настоящую королеву. А она... то, что Лилиан Иртон умеет быть благодарной, Лонс знал по себе.

Ему платили весьма неплохие деньги, немногим меньше, чем Гардвейг, но более регулярно. Он жил на всем готовом и гораздо лучше, чем в замке Лорис, а еще Лилиан Иртон не забывала периодически одаривать его всякими приятными мелочами вроде серебряного пера и чернильницы, или новой одежды, или сапог... да перечислять можно было долго.

Одним словом, Лонс надеялся на взаимовыгодное сотрудничество. И закрадывалась иногда мыслишка — а ведь сюда, в Иртон, можно привезти и Анель.

Лилиан Иртон точно возражать не будет. А они смогут спокойно жить, рожать детей, любить друг друга... почему нет?

— А пока...

— Ваше сиятельство, тогда прошу вас выделить мне время...

Лиля прищурилась.

— Шевалье, а вы сможете обучать и меня и детей?

— Детей?

— Мири, Марка, вирман...

— А вирманам зачем? — непроизвольно вырвалось у Лонса.

Лиля пожала плечами:

— Никогда не знаешь, что тебе в жизни пригодится.

Лонс подумал — и поклонился.

— Как прикажете, ваше сиятельство.

— Я посмотрю, выделю время... может быть, вечером?

— Любое удобное вам время.

Лиля кивнула:

— Благодарю вас, шевалье Авельс. Я не забуду.

И Лонс не сомневался в ее словах.

Действительно не забудет.

— Эрик!!!

Лиля услышала вопль кого-то из детей даже через новые стекла. Вот тоже Эмме была работа.

Домоправительница просто с ног сбивалась.

Лиля требовала чистоты, слуги же о гигиене были осведомлены весьма слабо, а косяк детей, носящихся по замку, упорядоченности не добавлял.

Но дети — штука полезная. Да, играют, да, валяют дурака, но польза есть. Бегают, приглядывают за всеми, кто в замке, кое-кто на побегушках у родителей, их всегда можно отправить с мелким поручением, а Хельке, да и остальные мастера начали приглядываться к мальчишкам и девчонкам как к подмастерьям...

Все на пользу, не во вред. Тем более что основная часть вирман сейчас занята в море. Лиля один раз побывала в коптильне — чуть не взвыла.

Конвейер. Иначе это и не назовешь. Рыбу выгружают, обрабатывают, коптят, солят... кстати — идея с солеварней оказалась стоящей. И даже более чем.

Соль получалась чуть более горьковатая, но — черт с ней! В супе незаметно! Зато проблем со щитовидкой не будет!

Странно, но до солеварен здесь не додумались. Как объяснила Ингрид — проще было добывать соль из земли.

Ганц Тримейн, услышав про такой финт ушами, побывал на производстве, после чего почтительно поклонился Лиле и попросил описание процесса.

Таких мелочей Лиля жалеть не стала. Описала весь процесс и передала Ганцу свиток. Пусть внедряют. Ативерна — государство прибрежное, так что...

А вообще все почти уже было готово.

Подарки всем, кого надо заинтересовать.

Хельке срочно дошлифовывал несколько камней и клялся, что все ахнут от восторга. А ведь это она еще за бисер не взялась. И монастырское шитье... Девушки уже все доделали. А вот стеклодув чуть задерживался. Но и неудивительно. Мальчишкам хотелось заявить о себе.

А были еще и товары на реализацию. Из тех, что следовало передать Августу Брокленду для продажи.

Лиля сбивалась с ног. И даже помощь Лонса не могла ничего исправить. Едва удавалось выкроить время для занятий.

Кстати даже за столом они продолжались. Как двигаться, улыбаться, что говорить... столовые приборы оказались для Лонса неожиданностью.

А Лиля только злорадно ухмылялась. Ну да. Есть нож, есть ложка, а остальное можно и руками. А вот она...

Потребовалось достаточно много времени, чтобы объяснить местному кузнецу, что она от него хочет. И обеспечить подходящим металлом. Лучше всего подошло серебро — ну так почему бы и нет? Есть куча уродливой серебряной посуды, которой уже под патиной и не видно. Переплавить к лешьей матери! Воровство? Поставить в кузне вирманина, который будет следить за процессом и ждать результата. После чего конвейер заработал. И Лиля уже имела к настоящему времени полный столовый набор на тридцать две персоны.

Хотя сами персоны смотрели на это дело квадратными глазами. Но — вилка, нож, столовая ложка, десертная ложка — были обеспечены каждому за столом. А Лиля на своем примере показывала, как ими пользоваться.

Легче всего это переняла Миранда. Потом подтянулись и остальные. Ганц сначала сомневался, размышлял, а потом признал, что так — безусловно, красивее и удобнее. Ему Лиля тоже приготовила небольшие подарки. Но это — потом, в день отъезда. Пока пусть побудет в неведении...

В дверь постучали.

— Войдите!

На пороге возник Эрик. Улыбнулся, показывая дырку в зубах.

Лиля улыбнулась ему в ответ:

— Я рада вас видеть, Эрик. Как поездка?

— Ваше сиятельство, все замечательно. Поговорил с мэром, все закупил, даже немного побольше... кстати, со мной тут приехал...

Эрик отступил в сторону — и Лиля вновь расцвела улыбкой.

— Тарис! Я рада вас видеть, друг мой!

Тарис раскланялся по всем правилам этикета. Но было видно, что он тоже рад Лиле.

— Ваше сиятельство, вы стали еще прекраснее. Хотя я сомневался, что это возможно...

— Стало быть, годам к восьмидесяти достигну совершенства, — поддразнила его Лиля. — Что привело вас в наши края?

— Я привез послание от вашего отца, ваше сиятельство. К тому же привез с собой почтовых голубей. Привез кое-какие мелочи. И ваш отец просил меня остаться и помогать вам в делах, если вы не будете возражать.

Лиля захлопала в ладоши от избытка эмоций.

— Тарис! Что вы! Возражать?! Как я рада, что вы будете с нами этой зимой! Прошу вас, устраивайтесь, отдохните с дороги, а потом расскажите мне об отце! Прошу вас!

Тарис раскланялся, вручил Лиле послание и вышел. Лиля и не сомневалась, что Эмма устроит его в лучшем виде. И очень кстати он ей подвернулся. Самой Лиле откровенно не хотелось таскаться зимой в Альтвер и сбывать товары Торию Авермалю. А ведь это необходимость. Надо, чтобы уже зимой все начало расползаться. Если весной ее хотят видеть при дворе, имя она должна зарабатывать уже сейчас.

Как говорят в вузах: сначала ты работаешь на зачетку, а потом она на тебя. Вот Лиля и собиралась как следует поработать «на зачетку». Еще до встречи с королем.

Итак... Лиля принялась загибать пальцы.

По замку главная — Эмма.

По деревьям — Ингрид.

Коптильню и солеварню держит Лейф, он же и по деревьям с Ингрид ездит.

Охрана на Лейсе.

Производство пока еще на самой Лиле. Но тут уже... ее идеи и воплощение мастеров. Как с теми же вилками-ложками. Тут ее никто не заменит.

Отчеты и подсчеты — Лонс Авельс. Хотя проверять приходится. Но вроде бы парень не ворует.

А на внешнюю торговлю поставить Тариса. И пусть крутится как пожелает. Проверять его тоже будем... вот тут как раз и Эрик пригодится. Якобы для охраны.

Перезимовать же...

План по скотине выполнен.

По торфу — запасли чертову прорву. Если чего не хватит — дровами догонимся. Но запасание идет до сих пор. Благо болот много, болота торфяные... собаку Баскервилей туда выпустить...

— Ваше сиятельство...

— Эрик?

Лиля посмотрела на дверь. Когда зашел Тарис, Эрик как-то незаметно скрылся. А сейчас опять появился на пороге.

— Ингрид сказала мне... это вам маленький подарок...

Лиля приподняла брови. В мешке было явно что-то живое...

А Эрик развязал его — и вытряхнул оттуда здоровущую собаку... нет! Не собаку. Щенка. Здоровенного, большешапого, пока еще по-детски непропорционального и очень пушистого.

— Это вирманская сторожевая.

— Какая прелесть! — Лиля выскочила из-за стола и подошла к щенку. Протянула руку. — Ну, мальчик, давай знакомиться...

Щенок послушно обнюхал ее руку, лизнул пальцы, потом еще раз...

Эрик широко улыбнулся:

— Вы, ваше сиятельство, никак «собачье слово» знаете?

Лиля замотала головой:

— Что ты! Я просто недавно кусок ветчины съела, вот запах на пальцах и остался...

Щенок тем временем посмотрел на хозяйку, повил хвостом... и вдруг присел. По каменному полу начала расползаться желтая лужица.

Лиля звонко рассмеялась.

— Эрик, позови слуг, пусть уберут.

Эрик кивнул.

Лиля потрепала щенка по холке. В кабинет влетела Илона, а за ней Эмма.

— Ох ты! Это кто ж такой?

— Вирманская сторожевая...

— Ой! — Эмма схватилась за щеки. — Да они ж размером с лошадь!

— Такие здоровые вырастают?

— И еще побольше...

Ну насчет лошади Лиля искренне сомневалась... Но щенок и правда был хорош.

— Эмма, скажи на кухне, чтобы его кормили.

— Скажу...

— И зовут его — Нанук.

— Нанук?

— Да. Устройте ему лежбище в моей комнате, пусть привыкает. И прикажите кому-нибудь из слуг выгуливать зверя...

Лиля передала щенка экономке и занялась своими делами.

М-да... Нанук... воспоминание из детства. Однокурсник отца заехал в гости, проездом к

новому месту службы. Служил он где-то далеко на севере — и привез с собой оттуда здоровенную лайку. То есть помесь волка и лайки. Огромного пса по кличке Нанук.

Аля тогда прикипела к нему сразу. Весь вечер сидела рядом с собакой на полу, чесала, гладила, тискала... пес стойко переносил ее внимание. И украдкой подставлял под ласку уши. Громадный, пушистый — рука ребенка тонула в шерсти чуть не по локоть, с острой умной мордой и ясными желтыми глазами...

Ну и соответствующими клыками. Одна улыбка — и любой хулиган срочно мчится в аптеку за памперсами. Интересно, вырастет ли эта собака такой же?

Как оказалось — вырастет. И это подтвердил Лонс, очертив псину чуть ли не полтора метра в холке. Мол, с ними на медведя ходят...

Как оказалось, Эрик привез несколько таких песиков. Еще двух кобелей и сучку. Лиля подумала и распорядилась выделить еще одного щенка Миранде. Марта начала возмущаться, а ребенок повис на шее у Лили со счастливым визгом. Даже угроза, что воспитанием щенка займется сама Миранда и за плохо воспитанную собаку Лиля строго спросит, не помогла. Девочка просто была счастлива.

Милая моя дочурка...

Я безумно переволновался, узнав о покушении. Но Тарис успокоил меня. К тому же я рад услышать, что у тебя наконец-то проснулись наши семейные таланты. Твоя мама тоже была удивительно хозяйственной. И редкостной выдумщицей...

(М-да, все хорошее от нас, все плохое от тещи...)

И ты на нее очень похожа.

А теперь о делах.

(А то ж...)

Я подарил твои перо и чернильницу его величеству. И они пользуются большой популярностью. Так как изготавливать их может только Хельке Лейтц, согласно установлению гильдии, у него уже есть куча заказов. Не меньше ста штук. Список заказавших и их просьбы прилагаю отдельным свитком.

Очень понравились принцессам серьги. Также прилагаю список заказов от наших дам.

Полагаю, ты найдешь возможность переслать мне заказы?

(Из шкуры вон вывернусь и обратно ввернусь!)

Его величество весной приглашает тебя ко двору. Так что постарайся не ударить в грязь лицом. Это очень важно.

Если ты пожелаешь, мы будем собирать доказательства и потребуем для тебя отдельного проживания с Джерисоном Иртоном. На основании пренебрежения договором и прямой угрозы твоей жизни.

Обдумай этот вопрос, пожалуйста.

Добиться этого вполне реально. Но вредно для моего дела. С другой стороны — твое благополучие для меня важнее всего.

(Это радует.)

Поэтому серьезно подумай. Я буду ждать и поддержу любое твое решение.

(Хм... а папа-то действительно меня любит...)

Посылаю к тебе Тариса Брока. Полагаю, его опыт и знания будут тебе полезны.

(Еще бы!!!)

Ему дан приказ помогать тебе во всем. Также посылаю тебе кое-какие безделушки и немного денег. Это всегда пригодится в хозяйстве. Что с твоей девичьей долей? Ты ею распоряжаешься?

(Девичья доля? Мгум, а я и забыла... а где оно?! Где, где мои денежки?!)

Пришли мне подробное письмо. При Тарисе есть опытный голубятник. Так что мы сможем обмениваться короткими весточками.

Также я пришлю в Альтвер пару своих кораблей, чтобы у тебя было сообщение с внешним миром. И жду от тебя вестей...

Дальше шло обычное бла-бла-бла на тему любви, верности, молитв...

Самое важное, впрочем, было сказано. И Лиля смотрела на письмо, смахивая слезы. Папа был таким же...

За своего ребенка — свою Алечку — он бы загрыз кого угодно. С особым цинизмом. И Август был из той же породы... неужели так может повезти?

И в этом мире у нее будет близкий человек?

— Лилия, я решила назвать щенка Лилиона. А сокращенно — Ляля. Тебе нравится?

В кабинет просунулись две мордашки. Причем Мири была ненамного крупнее своего щеночка.

— Замечательное имя, — искренне сказала Лилия. — Очень подходит.

Мири засияла солнышком. А Лилия подумала, что близких у нее — двое.

Подождем пока с отдельным проживанием.

Если есть возможность прижать супруга — отлично. Но пусть она пока остается возможностью. Отравить или прирезать успеем всегда. А сначала попробуем договориться по-хорошему.

Но этим день не закончился. После обеда примчались двое крестьянских парней. А еще через двадцать минут Лейс выслушал их и отправился к Лилиан.

— Ваше сиятельство, у нас проблемы.

— Это понятно. Какие?

— В деревню приходили наемники, расспрашивали о вас.

— Так...

— Парни из Яблоновиц проследили за ними... ну как могли. Говорят, у нас в лесу отряд наемников...

— Парни проследили?

Лейс пожал плечами:

— Есть у Арга там пара охотников...

Лилия кивнула. Тогда понятно. Охота — дело такое. Здесь вам не там, приходится и один на один со зверем выходить, и следить, и лес знать, и подкрадываться...

— Ага. Отряд наемников?

— Человек двадцать — двадцать пять...

— Угумс... и что вы собираетесь делать?

— Мы их можем положить в три минуты...

— А надо ли?

Лейс задумался. Лиля покачала головой. Военный. До мозга костей сержант. В крайнем случае — лейтенант. Но не генерал.

— Лейс, мы можем взять их живыми и расспросить, за каким... — едва не сказала «чертом», — собачьим хвостом они приперлись на нашу землю?

— Мм... наверное, можем.

— Поговорите с Эриком. Ему это тоже привычно, да и размяться он будет не против.

Лейс кивнул, получив понятные указания.

Наемников не убивать. По возможности взять живыми и допросить. А там уже видно будет.

Надо найти Эрика.

Ройс Флетч смотрел в огонь и думал о жизни. Его парни вернулись еще днем, но новости не порадовали.

Иртон оказался вовсе не развалюхой с отрядом в десяток человек. Увы...

Местная хозяйка вела свои дела жестко. Одних вирман в Иртоне было больше пятидесяти человек. Не говоря уж о местной дружине. Связываться с ними такими малыми силами было самоубийством.

Повернуть назад и тряхнуть заказчика?

Как вариант...

Но тут ловить точно нечего. Несчастный случай они устроить могут, но уходить потом придется... куда?

Вирмане — те еще волки, его псы им и в подметки не годятся. Рвать за нанимателя будут до последнего...

М-да... проблема...

— Вечеряете?

На поляну, не особо скрываясь, вышел громила в полном доспехе. Кольчуга на мощной груди блестела синеватыми искрами. Наемники повскакивали, но Эрик (а это был именно он) поднял руку.

— Спокойно! Если бы я хотел вашей смерти, вас бы еще час назад перестреляли!

Подтверждая его слова, в костер вонзилась стрела. Разбросала тучи искр и вспыхнула.

Ройс не тронулся с места. Просто поднял голову.

— Чего тебе от нас надо?

— Неправильный вопрос. Это вам чего надо на нашей земле?

— Это графство Иртон, а не Вирма...

Эрик усмехнулся, приобретя вовсе уж злобещий вид.

— А нас наняла графиня Иртон, чтобы обеспечить свою безопасность. Так будете говорить или перестрелять вас всех?

— Ты первым подохнешь, — процедил кто-то.

Эрик пожал плечами:

— До сих пор не подох, авось и дальше пронесет. А вот вас до одного перебьют. А кого не сразу — тех потом добьют мучительно. Так чего вы сюда заявились?

Какое-то время Ройс колебался. А потом кивком предложил Эрику место у костра:

— Поговорим?

Эрик усмехнулся, показывая дыру в зубах, и опустился рядом.

— Надеюсь, ты помнишь о лучниках?

— Я не буду делать глупостей.

— Вот и отлично. Я тоже не буду вас убивать. Пока...

— А потом?

— Вы еще пригодитесь. Когда я узнаю правду.

— Правду?

— Вы не рыбку половить мимо проходили. Я хочу знать, зачем вы здесь. И не потерплю лжи.

Ройс уже прикидывал, что напелсти этому громиле, когда тот поднял руку.

— Постой. Прежде чем рассказывать что-то — подумай.

— О чем?

— Я — скромный вирманин. В ваших интригах не разбираюсь. — Улыбка, скользнувшая по губам мужчины, опровергала это утверждение. — Поэтому рассказывать ты будешь не мне. А господину Ганцу.

— Господину Ганцу?

Вирманин кивнул в сторону. Там, на краю поляны, в тени деревьев стоял человек.

— Ему. Ты подойдешь и тихо все расскажешь. А потом все остальные из твоего отряда.

— Это же...

— Долго? А нам спешить некуда.

Ройс выругался про себя. А вирманин спокойно продолжал:

— А вот если в ваших словах будут расхождения, мы выберем тех, кто говорит правду, а остальных уьем. Медленно уьем.

— Тех, кто говорит то, что вам понравится?

— Нет. Только правду. Господин Ганц умеет допрашивать. А я умею только убивать. И следить, чтобы никто из вас не сговаривался.

Ройс еще раз выругался. На этот раз вслух. Вирманин не оставлял ему путей для отступления.

— Что будет с теми, кто сказал правду?

— Они скажут ее еще раз. На суде. И будут свободны. И даже при деньгах. Разве плохо?

Неплохо. Если вирманин сдержит слово.

Эрик словно прочел мысли наемника. Хотя читать и не надо было. Ганц тщательно обговорил с ним тактику разговора. Благо время было, пока они сюда добирались. И обговорил, и реплики подавал, и объяснял, что говорить в том или ином случае, лучше бы он сам пошел, но Лиля настрого запретила. Случись что с королевским представителем на ее земле — с кого шкуру снимут?

— Графиня Лилиан Иртон против вас ничего не имеет. Вы никому зла не сделали. Никого не обидели. И она вас не обидит. — Эрик провел пальцем по кошельку на поясе.

Намек был понятен. И понят правильно.

Ройс вздохнул. Встал. Успокоил своих людей и отправился на собеседование.

Лэйр Ганц ждал наемника под деревом. Повел рукой, приглашая его присаживаться на плащ:

— Прошу вас. Поговорим?

— Поговорим. Хотя вы мне не оставили шансов.

— А вы так хотите поболтаться в петле? Вы на территории Ативерны, а я полномочный представитель его величества Эдоарда Восьмого. Я имею право казнить и миловать. И отчитываюсь только перед королем.

Ройс выдохнул:

— Что будет с моим отрядом?

— Эрик не сказал? Если вы расскажете всю правду, мы вас отпустим.

— Даже если меня наняли убить графиню?

— Вы опознаете заказчика?

— Да, я могу.

— Тогда сначала вы передадите его в руки правосудия, свидетельствуете на суде, а потом будете свободны. И даже награждены. Графиня добра и милостива. Мое слово. И ее слово.

Ройс кивнул. И медленно заговорил.

Дело было так и так проиграно. А значит — ему надо сберечь свой отряд. Любой ценой.

В конце концов, кто ему заказчик? Сват? Брат? Да пропади он пропадом!

Под ледяным взглядом Ганца Тримейна как-то остро вспоминалось о бренности человеческой жизни...

Лиля не ложилась...

Читала письмо барона Авермаля.

Уважаемый Торий Авермаль в самых изысканных выражениях сокрушался, что Хельке пришлось покинуть гостеприимный Альтвер (ну еще бы, жить-то хочется), и выражал надежду на дальнейшее сотрудничество. Разумеется, он всегда будет рад помочь графине в любых ее делах...

Еще бы... от кормушки-то отлипнуть неохота...

Лиля почесала кончик носа.

Ладно. Для зимы — сойдет. Надо поговорить с Тарисом, пусть наладит контакт с Авермалем. Зимой надо куда-то сбывать часть продукции — почему бы и не через него. А вот что делать весной?

В дверь кабинета постучали.

— Ваше сиятельство?

— Входите, Тарис... Вам тоже не спится?

— Признаться, нет. Ваше сиятельство, ваш отец говорил со мной...

— И?

— Ваше сиятельство, он может добиться для вас отдельного проживания с супругом. Если вы этого пожелаете...

— А если нет?

— Он понимает, что все письму не доверишь. Поэтому поручил мне узнать точно.

Лиля вздохнула. Ну да. Письмо можно прочесть. Поэтому там и не напишешь, что волновался, что мужу голову откручу... это все читалось в глазах Тариса. И ведь отец пойдет откручивать... а надо ли? Если что — она и сама справится. Не подставляя близких.

— Тарис, еще летом я первая сказала бы, что хочу освободиться... И сколько в этом было бы меня, а сколько моего горя — не знаю. Сейчас же... Ради Мири я должна попробовать еще раз наладить отношения с ее отцом. Меня беспокоит другое.

— Что же, ваше сиятельство?

— Мои люди. Они зависят от меня, а я — от графа... Вы понимаете?

Тарис понимал.

— Ваше сиятельство, а вот об этом можно поговорить с вашим отцом.

— И что он сделает? Они мне нужны здесь...

— Да, но, как представитель вашего отца, я имею полное право нанять их на службу. Ничего не изменится, но ваш супруг распоряжаться ими уже не сможет.

— Если уж он мной распорядился...

— Джерисон Иртон далеко не дурак. И ругаться с вашим отцом не станет. — Тарис осторожно прощупывал почву. И внимательно наблюдал за женщиной.

Спокойной. Холодной.

Ни разу не влюбленной. Это он бы отличить смог.

Нет, Лилиан Иртон любила мужа только на словах. Внешне все было идеально. Но внутренне... сейчас она просто расслабилась. Вот и показалось истинное лицо из-под маски.

Или она просто решила ему довериться чуть больше?

Может, и так...

— Не самый плохой выход. Да, пожалуй, я согласна. Надо написать об этом отцу. И... на всякий случай пусть приготовит место для моих людей?

— Я напишу, ваше сиятельство.

— И дадите мне прочитать.

— Разумеется, ваше сиятельство...

О доверии говорить было рано. Хотя Тарис не расстроился. Придет время — будет и доверие.

Ганц выслушал предводителя наемников со всем вниманием. И о заказе, и о решении Ройса...

— У меня отряд хороший, но с вами мы не справимся... Вы же потом нас затравите...

Улыбка Ганца была подтверждением его слов.

— Еще как...

— Да и сейчас...

— Э нет. Сейчас все на усмотрение графини. Я ей доложу, а она уже распорядится. И не советую дергаться до ее решения. Уйду только я. А стрелки останутся.

Ройс мрачно кивнул. Выбора ему все равно не предоставили. Хотя в разумность графини верилось слабо. Баба же!

Он ни секунды не колебался, сдавая заказчика. Да, можно бы и повилать, но как?

Мимо проходили?

В горы, что ли?

Найма искали?

Тоже не прокатывает. Чтобы искать наем, нужны рекомендации. Кто бы дал таковые наемникам? Нет, врать бы не вышло. Только себе хуже бы сделали. А что до их найма... А им-то что грозит?

Кроме допроса. Ну да это выдержать можно. Особенно если сдать заказчика и не валять дурака.

А посему... прости, мужик. Своя шкура — она ближе к телу.

Когда Лилиан услышала доклад лэйра Ганца, она сначала искренне возмутилась. Потом подумала. И попросила слугу побеспокоить Тариса Брока. Плевать, что уже за полночь! Если она не спит, то и шевалье проснуться может! Как-нибудь...

Тарис пришел достаточно быстро. И Лиля попросила Ганца повторить. Выслушав, мужчина покачал головой:

— Нет, ну надо же, какая наглость!

— С чьей стороны?

— Нанимателя, разумеется.

Лэйр Ганц Тримейн кровожадно ухмыльнулся:

— Я хотел заняться им сам, как только окажусь в столице...

— Вот и займитесь. Рано или поздно ведь кто-нибудь да покусится. И заметьте — заказали и меня и Миранду... каз-зел!

Последнее слово сорвалось непроизвольно. Но, кажется, мужчины не придали ему значения. И высокородная леди может немного поругаться, если по ее душу пришел целый отряд киллеров. Да еще и по душу падчерицы.

Одним словом — ее право! Как бы еще вы на ее месте выразились!

— А вы не отписали его величеству о первом покушении?

— Много ли отпишешь с голубиной почтой? И потом, весьма сомнительная история солдата...

— Сомнительная?

— Против слова аристократа...

— А сейчас у вас целый отряд солдат...

— Сейчас это более серьезно.

— Для серьезности вам моего трупа не хватает? Или Миранды?

Лиля откровенно злилась. Ганц смотрел спокойно.

— Ваше сиятельство, я вам даю честное слово, что это дело будет расследовано. И заказчик будет наказан. Но вам действительно угрожает опасность... может, вам лучше переехать в столицу на это время?

Лиля вскинула брови:

— Сейчас? А Мири?

— Ребенок поедет с вами...

— Нет. — Отказ был быстрым и решительным. — Мне в столице делать нечего. Я бы и весной не поехала, но если его величество приказывает...

— Приглашает, ваше сиятельство.

— Непринципиально. Весной там хоть будет чем заняться. А сейчас у меня куча дел да и подготовиться надо... нет, я не поеду. И Мири одну не отправлю.

— Я могу быть ее сопровождающим...

— А к кому она поедет там? Нет, лэйр, это исключено. Мой супруг отправил дочь сюда в надежде, что я смогу о ней позаботиться. И я постараюсь. Если раньше не убьют.

— Эти уже никого здесь не тронут. За ними Эрик наблюдает. Шаг в сторону — и так стрелами утыкают, что за ежей сойдут, — ухмыльнулся Ганц.

Лиля одарила его благодарной улыбкой.

— Отлично. Но что с ними делать теперь?

Тарис молча чиркнул пальцем по горлу. Вообще-то это был возможный вариант. Но Лиле это было не по душе. Как-то... жестоко! Они же ничего ей пока не сделали, только собирались...

— Они причинили кому-нибудь вред?

— Нет.

— Тогда казнить их вроде и не за что. Они и меня не пытались убить...

— Потому что не надеялись уйти.

Лиля посмотрела на шевалье. И лэйр Ганц не подвел:

— Мы сделаем проще. Разоружим их, свяжем — и пусть едут со мной. В столице я их отпущу... почти всех.

— То есть? — Лиля откровенно не понимала, в чем суть.

— Мне все равно везти работоторговцев. Повезу еще и этих.

— А они так просто согласятся разоружиться?

Тарис Брок ослабился. Судя по его лицу, наемники еще и не на то согласятся. Если альтернатива — немедленная смерть...

Спустя час был составлен план.

Наемники едут с лэйром Ганцем сначала в Альтвер, а потом в столицу.

Им гарантируется жизнь и свобода, но при условии, что они будут свидетельствовать против своего нанимателя. Ибо доказательства нужны.

Лэйр Ганц по такому случаю отплывает через два дня.

С Лилей он будет держать связь через барона Авермаля.

Эрик с отрядом сопровождает его до Альтвера, а потом вернется в Иртон.

Ну и разумеется, лэйр Ганц отпишет о ходе расследования. Надо же милой графине знать, откуда может прилететь кирпич. Последнего Лилия не сказала вслух, но все было ясно и так. Эх, жить охота...

Следующие два дня прошли в бешеных сборах всего и вся. Груз — королю. Груз — подарки (отец, свекровь, его величество, юные принцессы...). Груз — кое-какие мелочи для Тория Авермаля. Совсем небольшой грузик — родственникам Хельке.

Наемники действительно практически не сопротивлялись. В ходе разоружения было получено три трупа. А остальные сложили оружие и были без особого почтения, но и без издевательств, погружены на борт одной из работорговческих лоханок. На вторую погрузили остатки работорговцев. Эрик клял все на свете, но вести корабли пришлось ему и его команде. Люди Лейфа нужны были в Иртоне. А Лейс, при всем к нему уважении, в морском деле не смыслил абсолютно.

На третий день Лилия проводила всех, помахала вслед кораблям и облегченно выдохнула.

Можно недолго передохнуть?

Вот оно — счастье...

Лэйр Ганц Тримейн смотрел в окно каюты. Узенькое, темное... но Иртон все равно был виден.

Давно ему не было так грустно. Грустно уезжать из Иртона. Там было хорошо. Спокойно, уютно, интересно... Никто не смотрел друг на друга с презрением. И на него — тоже, как многие аристократы. Он был равным среди равных. И его работа — за нее только больше уважали.

Взгляд Ганца переместился на столик. Там стояла небольшая шкатулка.

Лилиан Иртон вручила перед отъездом.

— Лэйр Ганц, я знаю, вы умный человек. И не сочтете это подкупом. Обещайте вскрыть шкатулку, когда корабль отойдет от пристани.

— Нам не разрешено принимать подарки.

— А это и не подарок. Это — жизненная необходимость. Не спорьте, лэйр Ганц. Я верю в вашу беспристрастность и в то, что этот подарок никак не повлияет на ваш доклад его величеству. Это скромная вещичка, так что ничего страшного...

Ганц вздохнул и сдался.

И сейчас пришло время открыть шкатулку.

Замочек (такого он раньше не видел. Работа Хельке?) тихо щелкнул под пальцами.

Шкатулка сама была подарком.

В крышку было вделано небольшое зеркало из новых. И сейчас лэйр Ганц видел себя. Ясно и отчетливо. Как никогда не увидел бы в металлической пластине.

На красном бархате лежали две чернильницы-непроливайки. Стеклянные. Одна —

зеленоватого, а вторая красноватого оттенка. И несколько перьев для письма. Из золота. А сама ручка, к которой крепились перья, — деревянная. Все очень простое.

И коротенькая записка:

«С искренним уважением и в знак признательности.

Ганц вздохнул.

Его доклад королю будет подробным и обширным. И приступать надо уже сейчас.

Он достал перо, покрутил в руке, осторожно перелил чернила в новую чернильницу и вытащил свиток пергамента.

Начнем?

Большая королевская охота.

На благородную дичь — оленя, медведя, кабана...

Выглядит это красиво. Трубят рога, рассыпались по лесу егеря и загонщики, рвутся со сворок гончие, развеваются флажки, изящно сидят на лошадях дамы...

Джес откровенно наслаждался спектаклем. Рик... Рику было сложнее. Принцесса буквально не давала ему прохода. Он чувствовал себя иногда осажденной крепостью. И сдаваться ему не слишком-то хотелось. Чем дальше — тем меньше. Мужчина должен быть стрелой, а женщина — мишенью. А если мишень сама гоняется за стрелой... как-то это неправильно.

Вот и сейчас...

— Милый Ричард, кого бы вы хотели сегодня видеть своим трофеем?

Анель смотрела так откровенно, что ответ напрашивался сам собой. «Разумеется, вас, госпожа...»

Но этого отвечать как раз было и нельзя. Вцепится... а развивать тему чревато. Чай не придворная дама, тут мигом окрутят.

— Мне это безразлично.

— Его высочеству все равно, на кого охотиться? Осторожнее, господин, а то у некоторых тут такие рога, что их легко с оленями перепутать... благородными!

Рик невольно ухмыльнулся, глядя на королевского шута.

Этот маленький человечек был личностью... интересной.

Чтобы открыто быть дураком, надо быть очень умным. Это Рик понимал. Но вскрыть, что же таится за этими блеклыми глазами, не мог.

Шут уделял ему довольно много времени, зло прохаживался по придворным, хотя самого Рика цеплять и не пытался. Вне доступа его острого язычка оставались и Джес, и принцесса, и король с королевой. Остальным же доставалось нещадно. Что свите Рика, которые от такой радости аж зубами скрипели, что своим придворным. Те ругались, но только про себя. Видимо, королевский шут был довольно опасен.

И это еще мягко сказано.

— Надеюсь, мне, как гостю, простят оленя?

— Гость — один, оленей много. — Шут ухмылялся во все тридцать два зуба. — Так туда им и дорога...

Гардвейг восседал на громадном жеребце — величественный, в малиновом бархате.

Вот он поднял руку, давая сигнал начинать. И охотники двинулись вперед. Все в строгом соответствии с регламентом.

Открывал охоту Гардвейг.

За ним следовал Рик.

Ее величество участия в охоте не принимала. Зато Анель держалась рядом с Риком, как пришитая. Но тут и ясно — принцесса.

Джерисону также был открыт доступ в этот узкий круг. Как и королевскому шуту. А вот свита держалась чуть поодаль. Гардвейг не отличался добротой и кротостью.

— Я не стану гоняться за дичью. А вам, молодым, это должно быть интересно. — Гардвейг улыбался. А глаза были холодными.

Рядом нарисовался Джес.

— Ваше величество, ваше высочество... красота и величие рядом...

Принцесса зарделась. Гардвейг махнул рукой:

— Лъстец. Шалопай. Скачи...

Джерисон вежливо раскланялся и перевел взгляд на Рика.

— Рик, я вперед, ладно?

Его высочество только рукой махнул. Мол, катись. Все равно толку от тебя никакого. Охотником Джес был страстным. Не важно на кого — на женщин или на волков...

Удерживать его рядом с собой? Бесполезно.

Рик пустил коня шагом.

Постепенно придворные рассеивались. Гардвейгу скачка быстро наскучила, и он предпочел повернуть назад, отечески разрешив Рiku охотиться. В таких выражениях, что послушаться было немислимо.

Альтрес Лорт тем временем руководил охотой, одного за другим отсекая от кавалькады приближенных Рика. Джес самоустранился, облегчив ему задачу. Еще двое погнались за оленем. Три фрейлины, которые присоединились к охоте, приняли предложение вернуться в лагерь... один за другим, один за другим — свита таяла, как ледяная глыба под тропическим солнцем.

Рик, впрочем, не сильно обращал на это внимание.

Анелия держалась рядом и пела о том, какая она плохая наездница, но ей ужасно нравится охота и здесь все такие милые, а вы видели, в чем пришла графиня Н.? Просто ужас...

Рик слушал краем уха и размышлял о своем. Придется пробыть здесь до зимы. А когда устоятся дороги, можно попробовать добраться до Ивернеи. В крайнем случае — задержаться до весны. Но быть поосторожнее...

За размышлениями Рик и не заметил, как рассосался народ вокруг них с Анелью и постепенно они остались почти одни — трое фрейлин и несколько мужчин не в счет.

А потом...

Все произошло очень неожиданно.

Заржала лошадь Анелии, взвываясь на дыбы. Закричала всадница, тщетно пытаясь с ней справиться. И животное рвануло в лесную чащу.

Рик мысленно выругался. Ей-ей, если бы они были одни — он бы пальцем не шевельнул, чтобы поймать скотину. Но трое женщин глядели на него такими глазами... если королю

донесут, что дочка могла пострадать, а Рик даже не попытался помочь...

Это промелькнуло за секунду. И Рик пришпорил коня, догоняя принцессу.

Альтрес Лорт, который пару секунд назад подал условный знак Анелии, довольно улыбнулся. Остальное — дело его людей.

Но принцесса сделала все правильно. Ей дали совершенно особенную лошадь. Которая не выносила боли. А Анелия сейчас незаметно вонзила ей в бок заколку. И кобыла понесла.

Опасно, да. Но Анелия была неплохой наездницей, а другого шанса пришлось бы ждать очень долго.

Рик мчался по лесу за лошадью Анелии, уклоняясь от веток, которые так и норовили хлестнуть по лицу.

Что ж. Будем надеяться на лучшее. Что лошадь не сбросит девушку раньше, чем он ее остановит... М-мальдоная! Где они?! Почему он один?! Что, ему одному безразлично, выживет ли принцесса?!!

И где она?!

Впрочем, на один вопрос Рик тут же получил ответ.

Анелия лежала на траве. Видимо, лошадь сбросила свою всадницу и ускакала. Жива?

Мужчина спешился, захлестнул поводья коня вокруг дерева, встал на колени рядом с девушкой. Осторожно дотронулся до жилки на шее.

Пульс бился часто-часто, как у птицы. Но она определенно была жива.

Впереди что-то блеснуло синевой. Вода?

Рик вздохнул — и пошел мочить платок в воде. Хочешь не хочешь, но девушку надо попробовать привести в чувство. Лишь бы она себе ничего не сломала...

Но прошло не меньше часа, прежде чем Анелия более-менее пришла в себя.

Впрочем, ей сказано было упасть у ручья, она и упала. Сказано тянуть время — она и тянула.

Анелия и не на такое бы пошла... шута она боялась пуще смерти.

А тянуть оставалось уже недолго. Их скоро должны были найти. Она в обмороке и в растрепанном виде, они наедине... принцу придется жениться. Что и требовалось.

Рик стоял спиной и не видел, как на поляну скользнула серая тень.

Анелия тихо вскрикнула. Ричард выругался — и вскочил на ноги. Меч и легкое копье остались у седла, но длинный охотничий кинжал словно сам собой оказался у него в руке. Где носит Джеса, когда он нужен?

Конь у дерева забился и захрипел. Поводья опасно натянулись.

Да уж. Рысь и лошадь — не лучшее сочетание.

Этого Альтрес Лорт не предвидел. Но...

Дикая кошка жила у ручья давно. И просто так она бы не бросилась на человека.

Но охота никому не доставляет радости.

Она была вспугнута с места, грубо потревожена, ее едва не ранили — и сейчас, увидев рядом со своей лежанкой людей, она не удержалась.

Рысь прыгнула.

Она хотела попасть на спину мужчине, но тот развернулся. Быстро. Даже слишком быстро...

Рик принял хищницу на нож, и противники покатались по траве. Когти рвали тело сквозь кожаную куртку. А Рик наносил удары кинжалом...

Через пару минут все было кончено. На траве распласталась туша рыси. Рик с трудом поднялся на колени. Кожаная куртка спасла его от ран, правда, далеко не от всех. Грудь и живот уцелели. Но досталось рукам и ногам. И несколько ран были весьма неприятными. Принц осмотрелся и затейливо выругался.

Коня не было.

Альтрес Лорт поглядел на коня. И опустил в ладонь держащего поводья мужчины несколько золотых.

— Тебя не заметили?

— Нет. Он как раз отвлекся, мне надо было только перерезать поводья — и все. Поймал я его уже рядом, ваше сиятельство...

— Хорошо. Ближе к закату приведешь его на конюшню. Объяснишь, что поймал в лесу.

— Да, ваше сиятельство.

Альтрес довольно потер руки.

Теперь надо бы организовать спасателей и охоту. Да так, чтобы до утра в том направлении и мышь не прошмыгнула.

Рик злобно пнул труп рыси. Скотина клятая!

Сама сдохла — так ведь из-за нее конь сбежал. И как прикажете отсюда выбираться? С этой куклой, которая на ногах не держится?

Одна надежда, что на них кто-нибудь наткнется. Но пока не наткнулся...

Он повернулся к Анелии...

— Ваше высочество, вы можете идти?

Ответом ему был поток слез.

Рик мрачно кивнул. Понятно.

— Ваше высочество, нам надо дойти до реки. Оставлять вас одну я не хочу, но мне надо промыть рану.

Анелия закивала. С пятой попытки поднялась с помощью Рика и захромала к ручью. Рик стиснул зубы. Анелия едва держалась на ногах, но и ему было невесело. Болело все тело, рука кровоточила... раны надо срочно перевязать. Или Анелия останется тут одна дожидаться помощи.

Грустная перспектива.

Обрабатывать раны пришлось самостоятельно. Анелия едва не упала в обморок при виде крови.

Рик кое-как промыл их, перевязал обрывками рубашки и подумал, что жизнь не радует. Спасателей видно не было. А кровопотеря сказывалась...

Идти куда-то?

Он мог.

Но не тащить на себе принцессу. И не бросить ее в лесу. Выход оставался только один.

И как назло, меч, кремь, огниво — все лежало в седельной сумке.

Рик с трудом поднялся и отправился туда, где лежала туша рыси. Надо перетащить ее к реке, разделать, попробовать развести костер... а может, и подать дымом сигнал...

Надо попробовать.

Джерисон мчался за оленем. И отдавался этому занятию целиком и полностью. Как же здорово!

Когда ты вот так летишь по лесу, и рога поют, и гончие взлаивают рядом... это непередаваемое ощущение. И когда тебе удастся опередить всех, и копье приятно оттягивает руку.

Джес чувствовал себя птицей в небе. Ему было, мягко говоря, не до Рика.

А спохватись он... специально для этого к нему были приставлены несколько егеров. О слабости Джерисона Альтрес знал задолго до его приезда. И если после оленя ему предложить кабана... нет, не устоит. А там и еще кого-нибудь... ему определенно будет не до кузена.

А вот нам...

Надо потянуть время до ночи. А лучше — до утра. Гардвейг обещал не заканчивать охоту до позднего вечера. Это хорошо.

А еще лучше не найти парочку до утра. Ничего, не помрут. Но так надежнее будет...

Рик мрачно смотрел на кучку сушняка.

Тот решительно отказывался загораться. Ни высечь искру, ни добыть огонь трением не получалось. Как на грех, вчера прошел дождь. Для охоты хорошо, а вот костер развести — гиблое дело.

Рысь потрошить он не стал. И свежевать тоже. Сил не хватило. Вынул только печень. Придется — съест и сырой. Хотя и не хочется. Но без помощи им придется туго.

Рик злобно посмотрел на принцессу. Он понимал, что это не особенно справедливо, она и сама была в опасности, могла погибнуть... но злиться не переставал.

Ситуация складывалась хуже некуда.

Если их не найдут в ближайшую пару часов — ладно. Ночной холод их не убьет. Но провести ночь в лесу Рик не улыбалось. И уж тем более...

Провести ночь со знатной незамужней женщиной?

Свадьба. Однозначно.

Или объявление войны — в его случае.

И то и другое Рик одинаково не нравилось.

Анелия всхлипывала, шмыгая носом. Но особой жалости к ней Рик не испытывал. Она-то получит то, за чем гонялась. А что получит он?

То же, что было у его отца? Брак по обязанности?

Звучало откровенно грустно. Выглядело еще грустнее.

Не было в Анелии того, что он видел в Джессимин. И рядом не было. Но...

Рик кое-как натаскал лапника и, сложив его в кучу, опустился на нее. Благо нож был достаточно хорош, чтобы нарубить широких еловых ветвей...

— Идите сюда, принцесса.

Анелия отшатнулась, глядя на него с ужасом. Рик поморщился:

— Не думайте плохого. Вдвоем нам будет теплее. Вот и все...

Несколько минут Анелия молчала и дрожала, а потом перебралась на лапник. Принц обнял ее за плечи, притягивая поближе к себе.

— Не бойся, девочка. Я тебя не обижу. Обещаю.

Судорожное всхлипывание было ему ответом.

О кузене Джес вспомнил только вечером, когда затрубил рог, собирая всех охотников. Он добыл двух оленей и небольшого кабанчика — и был доволен и счастлив. А что добыл Рик?

Рик?!

Кузена видно не было. Его свиту — тоже. Вокруг царила нездоровая суэта. Более того — Гардвейг сделал ему знак, подзывая к себе.

Джес повиновался. Поклонился — и заметил рядом коня Рика.

— Ва... ше ве... личес... тво? — Язык стал тяжелым и неповоротливым.

Гардвейг покачал головой:

— Конь вернулся без всадника. Мы ищем.

— Вы разрешите мне присоединиться к поискам?

— Разумеется. Но вы не знаете наших лесов, поэтому... Герцог Грайвс! Включите его сиятельство в одну из групп...

Джес благодарно поклонился.

Хоть бы Рик был жив...

Кузена Джес любил, несмотря на их несхожесть. И к тому же... Рик — единственный наследник. Случись что — дядя Эд его не казнит, конечно. Но...

Дядю Джес тоже любил. Поэтому сейчас горячо молился Альдонаю, чтобы Рика нашли как можно скорее. Живым и невредимым.

Гардвейг за его спиной переглянулся с шутом.

Альтрес чуть опустил глаза. Грайвс был выбран за тупость и исполнительность. Скажут лежать — будет лежать. Скажут искать там-то и там-то — там и будет искать. Но уж никак не здесь и не тут.

То есть не там, где находятся «потеряшки».

Про принцессу Гардвейг Джесу не сказал, а тот не обратил внимания.

Ну и не надо, ну и ладушки...

Надо просто, чтобы не он их нашел. Но это уже работа Альтреса. А планировать господин королевский шут умел. Хотя жизнь всегда вносит свои коррективы.

Глава 2

О ПОЛЬЗЕ ЖИВОТНЫХ

Их не нашли бы до утра. Но Рик должен был благодарить за свое спасение одного из шпионов Альтреса Лорта. Принц не заметил, что за ними наблюдают. И тем более не заметил, как наблюдатель ушел. Чтобы через час докладывать графу:

— На них рысь кинулась.

— Рысь?!

— Видимо, ее, пока охотились, спугнули и подранили. А эти двое оказались у нее на пути...

— Живы?

— Живы. Но принца она подрала неплохо.

Альтрес едва не выругался. Но вовремя взял себя в руки.

— Если его ночь оставить — выживет?

— У него при себе ничего, кроме ножа. А раны нехорошие... может и горячку подхватить.

Альтрес кивнул. И, подозвав к себе еще одну группу охотников, отдал приказания.

Ночи наедине не выйдет. Жаль.

С другой стороны — если бы не Мальдонаина кошка...

Ей-ей, воистину шильды и кошки — ее верные служанки.

Но уморить принца соседнего государства — это похуже всякой кошки выйдет.

Ничего. Это только один из планов.

Переиграем.

К вечеру, когда их «нашли», Рик уже ощущал себя откровенно паршиво.

Большая кровопотеря, холодная вода, которой промывались раны, да и рысь явно когтей не чистила. Так что принц был больше похож на пострадавшего, чем Анелия, которая радостно ушла в глубокий обморок.

Рику предложили лошадь, он кое-как взгромоздился в седло и пустил животное медленным шагом. Хорошо бы быстрее, но сил едва хватало, чтобы держаться в седле.

На принцессу он даже не взглянул лишний раз. Уж как-нибудь довезут, а не в канаву выбросят.

Гардвейг смотрел на Рика сочувствующе. Принц вслух не жаловался, но его величество распорядился позвать докторуса и вызвать карету. Мол, нечего раны на лошадях трясти.

Примчался откуда-то Джес и помог другу держаться. Подхватил под руку, принимая на себя часть веса.

— Рик... я дурак. Не надо было тебя оставлять!

Рик тоже так думал, но не соглашаться же при всем народе?

— Все обошлось. Я жив, ее высочество жива...

Альтрес Лорт в ответ на грозный взгляд Гардвейга опустил глаза.

Ну да. Все живы. Но обвинить раненого принца в покушении на честь ее высочества... после такого все оставшиеся в лесу рыси со смеху с деревьев попадают. Идею придется временно придержать.

С другой стороны... Анелия теперь может дневать и ночевать у постели раненого героя, изображая пылкую любовь. Ну, это мы проработаем...

— И я благодарен вам, принц. Если бы не вы... Ладно. Хвалить вас будем потом. А сейчас — к коновалам!

В одном из шатров, отведенном для докторусов, Рик тяжело опустился прямо на ковер и вытянулся во весь рост. Раны болели нещадно. Рядом захлопотал докторус.

Джес даже и не подумал выйти, наоборот. Помог кузену раздеться, срезал старые повязки, поил обезболивающим, держал его, когда докторус прочищал раны...

Впрочем, Рик смотрел на кузена без особого расположения. Охотничек...

Принц отлично понимал, что рысь его просто спасла.

Если бы не хищная кошка — их нашли бы вместе с Анелией и вопрос ставился бы по-другому. А что это вы делали вместе в лесу? Вдвоем, наедине, ночью, докажи потом, что все не так...

А сейчас...

Мысли плыли вяло под действием лекарства.

Двое заблудившихся, оба не в лучшем виде, Анелия вся растрепана, да. Но видно же, что не Рик тому виной. Крови на ней практически нет, он сам однозначно не в форме... с ранами не больно-то покусишься на женскую честь.

Скорее история будет звучать так: на принца и принцессу напала рысь — и он благородно защитил даму.

Это повод для восхищения. Но не для женитьбы.

И все же...

Рик подумал, что надо уезжать отсюда. Или не торопиться?

Женщины любят своих спасителей, Анелия не станет исключением. А он еще Лидию не видел...

Это была последняя связная мысль. Потом Рик провалился-таки в глубокий сон, больше похожий на обморок.

Барон Донтер был мрачен и задумчив.

От своих шпионов он узнал о всех результатах визита королевского представителя. И теперь мужчину поедом ела злая зависть.

Это ж надо!

Янтарь!

Стекло!

А теперь еще и два корабля...

Мысли барона постепенно оформлялись в конкретное: «Зачем им столько денег, когда у меня их меньше?». Или еще проще: отнять и поделить.

Как?

А вот это надо серьезно обдумать.

Поместье Иртон ранее особого интереса не представляло. Ну хватал он оттуда крестьян для своих дел с работорговцами, так это пустяки. Кого волнуют эти смерды?

Даже если на него покажут, все равно будет слово против слова. А благородного не посмеют тронуть на основании слов всякого быдла.

А вот сейчас...

Надо только обстригать это дело по-тихому. Все-таки Иртоны — свойственники короля, а Эдоард таких шуток не понимает. И умирать, если что, Клив будет долго и болезненно.

Поэтому налет на замок должен быть стремительным и молниеносным. Один удар — и все.

Лиля отдыхала после бешеной гонки, предшествовавшей отъезду Ганца Тримейна. И искренне надеялась, что покушений больше не будет. И так дел по горло.

В стекольной мастерской они с ребятами пытались получить стекло лучше качеством. Но... пока их преследовала неудача.

Да, по сравнению с местными кривыми образцами — результат был очень неплохой. Но Лиля помнила стеклянные изделия родного мира и придирчиво морщила нос. Не то! Не так! Можно лучше!

Пока подобрать оптимальный температурный режим не удавалось. Но надежда умирает последней.

Вот со швеями таких проблем не возникло. И девушки под ее чутким руководством воплощали в жизнь Идею. Именно так. С большой буквы.

Если весной придется тащиться ко двору, Лиля должна выглядеть на все сто! И не килограммов, а процентов.

Кстати, килограммы постепенно уходили в историю. И подбородков уже было только два, и фигура уже не была безобразно жирной, скорее это была фигура нормальной русской женщины — которая и коня, и в избу, если ей надо...

Пышная грудь, широкие бедра... Да Рембрандт не хуже рисовал... Или это был Рубенс?

В живописи Лиля откровенно не разбиралась. И помнила только складки на талии какой-то античной красавицы. Ну и ладно! Здесь еще гей-кутюрье с их «идеальной палкой» нету. И, даст Альдонай, не будет.

А вот что будет...

Девушки по ее указаниям вывязывали ей кружевное верхнее платье.

Нижнее Лиля планировала сделать из белого шелка, который заказала барону Авермалю в письме. Верхнее же... этакая зеленая струящаяся сеть... она может быть и на пару размеров больше. Лиля на этот раз не стала плести цельное платье и предложила нечто вроде халата. Летящие кружевные рукава, длинный хвост сзади, застежка спереди под грудью — даже если она еще похудеет, а это точно случится, все равно платье будет смотреться. Ушить нижний чехол — дело минуты-двух.

Застежку Хельке брался исполнить из янтаря. А Лиля из курса химии помнила, что, если янтарь прокалить в песке или проварить в масле или меде, можно поменять его цвет. Пока заняться этим не получалось, но хотелось бы зеленый оттенок. Красный и белый она точно получит, но этого мало! Можно бы еще и прессованный янтарь попробовать получить? Но тут уж как масть пойдет. Великим химиком себя Лиля не считала. Да, при поступлении в вуз ее гоняли вдоль и поперек. Да, первый и часть второго курса она тоже знала химию на отлично. Но потом это уже не требовалось. Заместилось на более интересную медицину.

Спасибо хоть что-то про сукцинаты вспоминалось.

Ничего, мы существа упорные. Пять камней испортим — на шестом пробьемся!

Жаль, что при варке камень становится более хрупким, так по нему и не молотком бить будут!

К этому времени Лиля уже оборудовала себе отдельную лабораторию. Поставила в специальной комнатухе широкие «двуспальные» столы, навывудала себе кучу колб и пробирок (ну уж какие получились, до ГОСТа тут не доросли), перетащила сюда самогонный аппарат и вполне серьезно баловалась изготовлением спирта.

Ладно. Не баловалась.

Пить его Лиля не собиралась, но подлить нежелательным гостям? Запросто! А ведь есть еще и дезинфекция. Лазарет в замке Лиля устроила на совесть. Тахир только ахал. К Лиле, кстати, после той драки с контрабандистами он относился с нежностью и восхищением. Ходил хвостом и старался чему-нибудь научиться.

И Лиля учила.

Тахира, Джейми, Миранду, Ингрид, когда та присоединялась к ним, — зима была на носу, и требовалось заготовить по максимуму рыбы в последние дни. Так что и Ингрид, и Лейф дневали и ночевали в копильне. Солеварня работала на полную мощность. Но Лиля уже не боялась голода зимой.

До весны они должны дожить. Даже когда реку скует льдом.

Интересно, а изобретены здесь лыжи? А коньки?

Хотя для последних нужна сталь? Или сойдет что-то вроде той, из которой мечи куют?

А санки? Снеговики?

Кстати — валенки? Дубленки? Ушанки? Шубки-автоледи? С местной модой это вполне реально — и попу не отморозишь, с таким-то слоем юбок!

Идей было много. Но Лиля собирала себя в кучку грандиозным усилием воли.

Сапоги есть? Плащ? Хватит!

Ко двору ей ехать весной, так что произвести впечатление зимними обновками не удастся. Сосредоточимся на важном.

В дверь постучали. И Лиля улыбнулась шевалье Авельсу.

— Лэйр Лонс, проходите. Время занятия?

— Да, госпожа графиня.

— Что же у нас сегодня?

— Сегодня — танцы, госпожа графиня. Все уже ждут вас в малом бальном зале...

Лиля вздохнула.

Все — полтора десятка детей.

Танцевать в детском саду — то еще удовольствие. Но надо.

И... дети бывают удивительно забавны, когда подражают взрослым.

Анелия собиралась ложиться спать, когда дверь приоткрылась.

Королевский шут скользнул внутрь так тихо, словно шел по воздуху. Девушка в ужасе замерла.

Альтрес Лорт поднял руку:

— Сиди спокойно. И слушай. Ты сделала все правильно. В сегодняшнем провале твоей вины нет.

Анелия облегченно перевела дух.

— Однако... принц ранен.

— Д-да...

— И ты должна за ним ухаживать.

— Я?

— Он спас тебя от хищной кошки, закрыл собой... ты просто обязана проводить у него несколько часов в день. Ты поняла?

Анелия закивала:

— Я буду... обязательно...

— А если не будешь — я буду очень рассержен.

Девушка побледнела.

— Н-нет... я буд-ду...

— Завтра и начнешь. И не вздумай кривиться или нос морщить. Узнаю — пожалеешь.

Анелия дрожала как осиновый лист.

— Завтра после утренней молитвы идешь к Ричарду, осведомляешься о здоровье и спрашиваешься к нему в сиделки. Бессменные. Поняла?

Кивание продолжилось.

Альтрес посмотрел на нее тоскливым взглядом, развернулся и вышел.

Анелия несколько минут сидела неподвижно. А потом подхватила одеяло с кровати и плотно закуталась в него.

Девушку пробирала дрожь. Но согреться ей так и не удалось.

Страх — его одеялом не выгонишь...

Джес сидел у постели кузена.

Рик был бледен, его колотило, несмотря на несколько одеял, но глаза были холодными и ясными.

— Джес, мне эта кошка жизнь спасла...

— Глядя на твои царапины...

— Если бы не она, мне точно пришлось бы делать предложение Анелии.

— А ты не хочешь? Она не уродина, вроде не совсем дура, да и Гардвейг, кажется, не против.

— Не хочу. Если есть выбор — надо посмотреть все варианты.

— Тут ты прав.

— Анелия — не худший выбор. Но раз уж отец мне его предоставил, обидно было бы упустить его из-за невезения. Значит, так — с этого момента ты от меня ни на шаг.

Договорились?

— Обещаю.

Рик кивнул. Главное — не оставаться с принцессой наедине. То есть кто-то должен быть рядом. Ночью и днем. Ладно, ночью еще можно засовом обойтись. Но днем...

Не хотелось бы попасться на самую древнюю в мире уловку.

— Что хочешь ври, но надолго от меня не отходи.

— И сколько это будет продолжаться? До весны мы не продержимся, а уехать раньше...

— Постараемся. И своей кукле скажи... Она не совсем дура?

— Да нет... Адель, конечно, поскулить любит, но она не дура.

— Вот и ей прикажи. Кого еще можем попросить?

— Кого там дядя приставил? Лейхарта?

— Он стар. Ему уже к пятидесяти.

— Но на пару часов и он сможет тебя занять...

— Пересказом последних сплетен. Дело хорошее. И Райнелла.

— Райнелл меня раздражает своим Альдонаем. Он, по-моему, уже и бога достал!

— Ничего. Потерплю. И ты потерпишь, если надо.

Джес сморщил нос, но спорить не стал.

— Ладно, как скажешь. Завтра я с ними поговорю. И будем тебя развлекать все свободное время.

— Не хочу опять остаться с Анелией наедине. Второй раз может и не повезти.

— Подозреваю, что по дворцу рыси не бегают... Вина хочешь? Горячего, с пряностями?

— Давай. Что-то меня знобит...

— Как бы ты не рассыпался, — озабоченно заметил Джес, протягивая кузену кубок.

— Да уж постараюсь. — Рик задумчиво сделал несколько глотков. — Анелия не самая худшая девушка на свете. Но Лидию мне тоже увидеть хочется.

Рик свалился с лихорадкой на следующий же день. И всерьез.

Когда Джес, проснувшись утром, пожелал разбудить кузена (они спали в одной комнате), он ахнул. У Рика явно был жар, а царапины воспалились.

Джес натянул штаны и помчался за подмогой.

Гардвейг еще не встал, но дворецкого Джес нашел практически сразу. И тот моментально послал за врачами.

Не прошло и часа, как постель принца была окружена шестью важными мужчинами в возрасте от сорока до шестидесяти лет. Все рассматривали раны, мочу, кровь на бинтах, выделения из носа и ушей принца и глубокомысленно обсуждали увиденное, как водится стараясь опустить коллегу ниже половицы.

Рик лежал молча. Ему и без того было тошно. Выгнать бы гадов, но сил нету.

После двух часов ругани и склок докторусы все-таки поставили принцу диагноз и огласили его озверевавшему Джерисону.

По утверждениям лекарей — в рану попал дурной воздух. И испортил принцу кровь.

Лечение было одно — сцедить дурную кровь, чтобы по жилам циркулировала только здоровая. А также дать промывательное. Вот относительно его состава возникли разногласия.

Но нож и тазик для сцеживания уже приготовили.

Ричард под их спор задремал, но проснулся, когда стало тихо.

— Джес?

— Я тут...

— Что со мной?

— Лекари решили, что тебе надо сцедить дурную кровь...

— Гони их к Мальдонае.

— Что?! — Джес на миг опешил, и Рик неожиданно жестко пояснил:

— Гони их отсюда. И чтобы ни один из этих уродов ко мне и близко не подошел...

— Но, Рик... ты же болен!

— Джессимин тоже была больна. И умерла после кровопускания. Выгони их!

— Рик, ты уверен?..

Но серые глаза были жесткими и спокойными. Бреда у Рика не было.

— Если и сдохну, то без их забот. Джес, прошу тебя...

Джес вздохнул:

— Надеюсь, ты знаешь, чего хочешь.

— Если что, я тебе даже завещание напишу.

Джес вполголоса выругал кузена и обернулся к докторам.

— Так, господа. Пошли вон.

— Вы не понимаете... — Самый старый сделал попытку сопротивляться. — Тело принца отравлено дурными соками и вредной кровью. Если сейчас их не слить и не вычистить — начнется общее гниение. Его высочество погибнет, и это будет на вашей совести...

Острый клинок блеснул серым в утреннем свете. И такой же сталью блеснули глаза Джерисона.

— Вы сами уйдете?

Докторусы ушли сами.

А через полчаса Джерисона вызвал Гардвейг.

Джес оставил кузена на попечение Адели, которая поклялась не отходить ни на шаг, кто бы ей ни приказывал, и одного из доверенных людей, и отправился на аудиенцию.

Гардвейг выглядел не лучшим образом. Усталый, оплывший...

— Доброе утро, граф...

— Ваше величество, я искренне уповаю на то, что это утро радует вас, как вы своим правлением радуете народ Уэльстера, — рассыпался в комплиментах Джес.

И это оказалось правильной тактикой. Гардвейг чуть смягчился...

— Что с вашим сюзереном?

— Ричард болен, ваше величество. Докторы сказали, что он болеет от испорченной крови...

— Так пусть ее сцедят...

— Ричард отказался, ваше величество.

— Почему же? — В голосе Гардвейга послышались опасные нотки. — Он не доверяет искусству наших докторов?

Вот это уже было низко. Джес глубоко поклонился и поспешил заверить короля, что докторусы Уэльстера ценятся на вес золота. Что Ричард конечно же доверяет, просто... он видел, как от кровопускания умерла ее величество Джессимин... разумеется, если ему станет хуже, Джерисон сам настоит на кровопускании, а пока возьмет у врачей прочистительное и вообще будет дневать и ночевать у постели принца...

Гардвейг благосклонно кивнул:

— Моя дочь вчера весь вечер восхищалась мужеством его высочества. Он защитил ее от хищной кошки. Рисковал жизнью... полагаю, принцесса захочет помочь вам...

Джес заверил, что принцессе всегда будут рады, отсыпал еще горсть любезностей и был милостиво отпущен королем.

Анелия уже сидела у постели раненого героя. Впрочем, оставлять ее наедине с Риком, который, кажется, спал, никто не собирался. Вот еще не хватало.

Кажется, девушка была этим недовольна, но ничем не выдавала своего раздражения. Что и требовалось.

Джес раскланялся с принцессой, осыпал ее комплиментами и спустя два часа таки выставил из комнаты.

Выгнал и всех остальных, повинувшись едва заметному жесту Рика.

Показал принцу прочистительное, доставленное лакеем. И безропотно согласился вылить его в нужник.

Потом напоил Рика горячим бульоном и улегся рядом с кроватью на специально принесенный тюфяк. Граф Иртон был настроен весьма решительно. Сдвинуть его отсюда мог бы только топор палача. И то не факт.

Принца Джес любил. Как младшего брата.

Они вместе росли, вместе играли, вместе дружили против Амалии и Эдмона, который почему-то на дух Джеса не переносил, вообще, дети проводили вместе много времени, ибо Джайс Иртон часто был в разъездах и добрая королева Джессимин разрешала оставить его детей вместе со своими.

Поэтому сейчас Джес корил себя за глупость.

Далась ему та охота! Дома не нагонялся?

Но хотелось развеяться. Ей-ей... Уэльстер просто давил.

Давило все.

Снисходительная благожелательность Гардвейга, насмешки его шута, вздохи и взгляды принцесс, любезность придворных... ей-ей, Джес чувствовал себя как муха за минуту до съедения пауком.

Вот и захотел сбросить груз с плеч! Вот и развеялся! Болван!

Рик, ты только выживи, я всех своих гончих продам! Только выздоровей...

Твою рыбу, зебру и крокодила тапкой!

Ничего другого Лиле не пришло на ум.

— Ваше сиятельство, там серьезная заварушка, один из вирман подрался с конюхом... — Служанка хлопала честными глазами деревянной куклы. Рассудка в них было примерно столько же.

— Из-за чего?

— Не знаю.

— А что при этом кричали?

— Вас, ублюдков... ой, простите, ваше сиятельство!

— Ничего, продолжай, Илона.

— Конюх кричал, что вирман в море топить надо. А вирманин орал, что конюх — быдло деревенское...

Хотелось ругаться. Очень. Но времени не было.

Это — конфликт. И ожидаемый. Помнится, она сама беспокоилась, как вирмане уживутся с местными.

Допрогнозировалась.

— Кто у нас там? Лейс? Эрик?

— Оба, ваше сиятельство.

— Тогда и я схожу послушаю...

Лиля успела как раз к началу разборок. Видимо, служанка побежала за ней сразу, как только мужчины сцепились. Сейчас их разняли, на каждого вылили по ведру холодной воды — и драчуны висели в руках товарищей, яростно сверкая глазами.

Рык Эрика был слышен за версту. Лейс тоже не отставал. Мужчины вдвоем распекали подчиненных (если Лейс капитан замка, то конюхи краем тоже попадают в его поле деятельности).

— Здесь жить... не поделили... недоумок... — доносилось от Эрика. Временами это развлекалось более сочными выражениями.

— Прибьют, как щенка... остолоп... не поделили... — доносилось от Лейса.

Лиля сморщила нос. Мужчин она отвлекать не стала, а вместо этого поманила пальчиком сестру Хельке.

Лория тихо и быстро изложила причины.

Оказалось, конюх немного выпил. И стал трепать языком понапрасну. Мол, вирмане, да наши не хуже, а вирман вообще топить надо или на реях вешать, как пиратов... За что и получил в торец от проходящего мимо вирманина по имени Эльг. Ну и пошло.

Лиля задумалась. Плохой случай. Весьма и весьма.

Слово, другое... Что такое межнациональная рознь — она представляла. Идиотов и в России хватало.

А вот во что это может вылиться...

Тем временем ее заметил Лейс и поклонился. Эрик отвлекся от распекания

подчиненного и тоже подошел.

— Ваше сиятельство. — Поклон, странный взгляд голубых глаз... Странный или страстный?

Не важно! Не думай сейчас об этом!

Лиля посмотрела на мужчин:

— Что делать будем?

— Выпороть обоих, — буркнул Эрик.

Лейс подумал и кивнул.

Лиля покачала головой:

— Выпороть несложно. А вы выяснили, из-за чего ссора началась?

Мужчины посмотрели друг на друга. Потом — удивленно — на Лилю. Кажется, им пока и самого факта драки хватило. Причину пока не выяснили.

Лиля только вздохнула и вкратце объяснила, что межнациональные конфликты — дело плохое в принципе. А потому надо как-то...

Все трое задумались.

— Эрик, ну как у вас команду сплачивают?..

— В бою...

Не подходит.

— Или работой...

Двое мужчин и женщина переглянулись.

Порка отменялась. Провинившихся назначили на уборку конюшни на неделю. Вдвоем. Правда, под негласным присмотром вирманских детей. И предупредили, что за первую же драку оба будут выпороты на той же конюшне. Так что дружная и качественная уборка в их интересах.

Драчуны поняли.

Первый день прошел в атмосфере гордого отчуждения.

На второй адекватность вернулась. И мужчины начали кое-как общаться. А к концу недели совместно напились и чуть ли не побратались.

Лиля вздохнула с облегчением.

Пока рифы удалось обойти. Пока... а что потом?

— Шевалье Тримейн, рад вас видеть...

— Барон Авермаль, мое почтение...

Мужчины раскланялись, и Ганц перешел к делу:

— Достопочтенный, я только что из Иртона.

— О! Как там графиня? Очаровательная женщина, не правда ли?

— Она просила вам кое-что передать — я попросил матросов доставить сюда ящики.

Вирман Торий не любил. Но ради дела мог и потерпеть. Впрочем, при доверенном лице

короля он открывать ничего не стал.

— И это все?

— Это — то, что она просила. А теперь... мне нужна ваша тюрьма. А потом и большой корабль. Со мной убийца, работорговцы и отряд наемников.

Торий захлопал глазами:

— От... куда?

— Из Иртона. Убийца покушался на графиню, потом туда пожаловали работорговцы, а под конец — еще и наемники. Опять-таки по душу графини.

— Кошмар какой! Кто осмелился?!

— Есть отдельные существа, — уклончиво ответил Ганц. — Пока еще есть...

Мужчины повозмущались количеством разбойников и негодяев, Торий дал согласие на использование тюрьмы и пообещал как можно скорее снарядить корабль для путешествия в столицу.

Ганц отправился отдыхать. А Торий занялся письмом.

Сначала — письмом.

Лириан Иртон, как всегда, была вежлива. И до ужаса лаконична.

В письме сообщалось, что это новый вид товара, так что если уважаемый барон сочтет его выгодным, то поставки можно будет и увеличить...

И прилагался список материалов, необходимых для дальнейшей работы. Его Торий решил изучить позднее.

Торий с сомнением посмотрел на сундучок. Не слишком большой. Ну что там можно уместить? Но так открыл.

И — ахнул.

Сверху лежало розовое облако...

Даже не так.

Чудо цвета зари...

Он не знал, что Лиля распустила на нитки имеющийся у нее розовый шелк. А девушки-швей под ее чутким руководством связали *это*.

Точнее — несколько кружевных мантилий. Здесь же были гребни и пояснения, как это носить.

Торий покачал головой.

И позвал супругу.

О чем быстро пожалел, потому что баронесса, мгновенно сообразив, как это носится, воткнула в волосы гребень, накинула на него мантилью и отказалась расставаться с этим чудом.

Торий взвыл, но тут же понял, что потеря части прибыли ему обойдется дешевле, чем война в родном доме.

А еще в сундучке было несколько видов кружевных же воротников.

Торий расправил один. Приложил его к себе. Это будет пользоваться успехом. Да еще каким!

Узкое кружево плести умели, да. Но широкое, к тому же украшенное бусинами, которые

каким-то чудом были вплетены в узор... С руками оторвут!

Надо написать графине. И послать еще ниток для этого чуда.

А что в свертках?

После разворачивания свертка Торий лишился еще кусочка прибыли. Потому что с зеркальцем супруга тоже расставаться отказалась.

В приложенном письме было сказано, что зеркала достаточно хрупки. Но, если с ними обращаться осторожно, они прослужат не одно десятилетие.

Торий только головой покачал. Зеркало... из стекла? Да какое! Никогда он себя так четко не видел... лучше, чем в чистой воде или полированной стали. Намного лучше!

Нет, одно зеркальце он точно оставит себе. В счет прибыли.

А что еще есть в сундучке?

В сундучке оказалось несколько десятков чернильниц — из цветного стекла. Запас перьев.

И три простенькие шкатулки.

Торий открыл одну — и ахнул.

Несколько брошей из янтаря. Морской мед золотился в солнечном свете, играя переливами и искрами.

Отдельно лежала только одна брошь. Тоже янтарь. Но — красный. Безумно редкий. Простенькая оправа подчеркивала роскошь камня.

Торий скользнул пальцами по гладкой поверхности.

Достал брошь. Посмотрел на сложную застежку. Перевел взгляд на жену.

— Нет, любимая. Это слишком дорого.

— Но, Торий!..

— Можешь надеть брошь один раз. На ближайшую службу.

— Торий!!!

— Выбирай. Я и так не расплачусь за все твои капризы.

Баронесса всхлипнула и вылетела за дверь.

Торий коснулся полированных камней.

Красиво. Очень красиво. Лилиан Иртон открывалась с новых сторон. Торий ни минуты не жалел о сотрудничестве с ней.

Лучше одна умная женщина, чем десять дураков...

«Ваше величество, с прискорбием должен сообщить, что с его высочеством на охоте произошел несчастный случай.

Все более-менее обошлось. Ричард жив, и, по уверениям врачей, его жизнь находится вне опасности. Но выздороветь ему еще предстоит. Так что мы вынуждены задержаться в Уэльстере на зиму.

Ричард поступил как герой. Когда во время охоты лошадь принцессы понесла, он бросился за ней и оказал всю возможную помощь ее высочеству.

К сожалению, свита не успела за Ричардом. А охотники спугнули рысь, которая напала на принцессу.

Ричард защитил ее, но сам был ранен. Раны уже заживают.

Гардвейг высоко оценил благородство его высочества и предоставил все необходимое для лечения.

Принцесса также днюет и ночует у постели раненого героя...»

Джес обмакнул перо в чернильницу, стряхнул каплю и решительно вывел дальше:

«Ваше величество, это во многом моя вина. Я не должен был оставлять Рика одного. Не должен был гоняться за оленями.

Я приму любое наказание, которое вы мне назначите.

Не оправдываю себя и не прошу снисхождения. Если бы Рик умер, мне осталось бы только броситься на свой меч.

Остаюсь искренне преданный вам,

А теперь посыпать песком, дожждаться, пока высохнет, запечатать и отправить.

Глава посольства, герцог Фалион, наверняка напишет что-то свое. Уже написал. И Джес не собирался с ним ругаться. Что-что, а трепку он заслужил. Дома ему не хватает... оленей! Сам себя повел как последняя свинья, нет бы подумать и ни на шаг от друга не отходить...

Вообще, он терпеть не мог Фалиона. Старый заносчивый мерзавец, иначе и не скажешь. И почему Эдоард назначил его формальным главой посольства?

Хотя... тут был вопрос политики. Земли Фалиона находились как раз на границе с Уэльстером, так что герцог осознавал — по нему первому ударит любая ссора. И надо быть вдвойне, втройне осторожным.

Ну и... старинная семья, почтенный возраст... да и не дурак.

Мерзавец, но не дурак.

Джес невольно поморщился.

М-да, если бы все дело было за Фалионом, он бы Адель в посольство не пристроил. А так...

Попросил Рика, тот поговорил с дядей — и Эдоард махнул рукой. Мол, ладно.

Гуляй, пока молодой...

Что Рик, что Джес Фалиона терпеть не могли. Старикан обожал длиннющие нотации о поведении молодежи, из-за него уже несколько раз срывались попойки... ну да ладно.

Кто-то должен выслушивать кучу протокольной нудятины. Почему бы и не старик?

Его не жалко...

Фалион полностью оправдал свое прозвище Вяленая Щука.

Когда Джес принес ему запечатанное письмо, герцог посмотрел с издевкой:

— Что, каетесь?

И попал не в бровь, а в глаз.

— Ваше дело отправить, а не мораль мне читать, — огрызнулся Джес.

Но куда там...

— А вот мы в вашем возрасте были ответственные, да-с...

— Мне к Рику надо, — взвыл Джес, но Фалион вцепился не хуже своей водоплавающей тезки.

— Сидите и слушайте, любезнейший. Ваш отец в вашем возрасте был намного умнее и воспитаннее...

Спустя два часа Джес таки вырвался, красный и взмокший как мышь.

Фалион просто всю душу вынимал своими нотациями. Даже странно, как у старика могли вырасти нормальные сыновья?

С младшим-то Фалионом Джес иногда встречался. То есть старшим. Наследником. Неплохой парень, и выпить не дурак, и по бабам... ну и в голове кое-чего есть...

Джес не знал, что герцог проводил его насмешливой улыбкой.

Разумеется, Фалиону не доставляло никакого удовольствия читать нотации недорослям. Хотя они сами нарываються, но...

Джерисона старый герцог отлично знал. И сам наблюдал, и сын отчитывался... Не дурак, нет. Но импульсивный, горячий, в чем-то еще балбес... Джайс от многого оберегал сына, вот и выросло что выросло.

Нет, со своими детьми он такой ошибки не совершит.

А Джеса надо приструнить. Чай в Уэльстере, не дома. Нечего страну позорить...

Фалион вздохнул и принялся писать письмо его величеству.

Ему, конечно, достанется, но не сильно. Все-таки ему уже не шестнадцать, поди угонись за этими балбесами на охоте. Эдоард человек справедливый, все поймет.

Итак:

«Ваше всемилостивейшее величество...»

Анелия Уэльстерская со злостью посмотрела на Адель.

Когда ж эта коровища отсюда уберется?!

Принцессу не оставляли одну с Риком ни на минутку! Ни на секунду!

Рядом обязательно кто-то да был. Либо Джерисон Иртон, либо другие придворные, либо вот эта... гадючка!

Злость Анелии была понятна. Они с Аделью относились примерно к одному типу женщин. Обе темноволосые, со смуглой кожей, яркими глазами и пышной грудью. Нельзя сказать, что Анелия проигрывала на фоне Адели, но она сильно подозревала, что принц в горячке мог просто их перепутать.

Да и роль сестры милосердия удавалась плохо. Когда ни тебе напоить из кубка, прижавшись грудью, ни тебе платочком надушенным пот промокнуть с высокого чела, ни тебе посидеть рядышком... Нет, последнее как раз удавалось. На расстоянии двух метров.

Ближе ее просто не подпускали, мол, невместно принцессе, да и его высочество не совсем в пристойном виде, еще повернется, не дай Альдонай, чего увидите... и выносить за ним надо, и обтирать его... Адель уже вдова, а вы же невинная девушка... нет-с, никак нельзя.

Анелия бесилась, шипела кошкой. Ругалась... но исключительно у себя в комнате. На людях она была само очарование и нежность. И легкая трепетная грусть.

Но внутри... о, она вся кипела, рвала и метала.

Убила бы!

Только вот ничего это не решит. Всю свиту не перетравишь. А оставлять ее одну с принцем явно никто не намеревался. И делали хорошую мину при плохой игре. Все понятно, но поди докажи!

При таком подходе у нее нет никаких шансов очаровать Рика. Да и...

Врать себе самой Анелия не умела. Женщина всегда, на подсознательном уровне чувствует, как к ней относится мужчина. Нюхом, духом, шестым чувством — не важно! Но Рику она была безразлична. Что бы она ни делала — она была безразлична ему еще до ранения.

Как ни крути... может такое быть?

Анелия поежилась. Но...

Она поговорит с Альтресом Лортом.

Ей надо сходить к старой ведьме. И для этого даже есть причина. У нее почти закончилось то, первое зелье. Он поймет.

А ей нужно и кое-что еще...

— Шаг вперед, поворот, еще раз поворот...

Лонс проговаривал шаги, но понимал, что это ни к чему. Лилиан Иртон и без того все запомнила. А дети с удовольствием повторяли за ней.

Казалось бы — зачем вирманским детям танцы? Лонс сначала думал, что это чушь и блажь.

Ан нет! Все занимались с искренним удовольствием. Все объяснила Ингрид, с началом дождей перебравшаяся в замок и теперь охотно составлявшая компанию графине за каждым ужином. А то и не за ужином. Лейф пока еще был занят на заготовке рыбы, но и он обещал скоро вернуться.

— Нас часто воспринимают как варваров. А ведь нанимают — и в лучшие дома. Телохранителями, наемниками... Приятно чувствовать себя ниже других? Потому что не знаешь, как поклониться, как подойти, как говорить... этому ведь на Вирме не научат. Да все матери своим детям сейчас долбят, что... как говорит наша графиня, — лукавый взгляд в сторону Лилиан, которая что-то объясняла детям, — лишние знания лишними не бывают. Да, у нас бедный остров. Но это не значит, что мы глупые или темные. Я бы и сама с удовольствием поучилась танцевать, языкам... вот Лейф вернется...

Лонс только головой покачал. А ведь действительно. Вирмане далеко не дураки. Просто у них отсутствуют учителя. Как класс. Мастера берут себе учеников, воины обучают детей, матери — дочерей, а вот чтобы так, как здесь... этого нету.

— И зря... — сокрушалась Ингрид. — Очень зря. Я бы хотела, чтобы было...

Лонс кивнул. И вдруг подумал, что, если ему удастся вырвать Анель из рук отца и им некуда будет податься, надо будет бежать на Вирму. Не пропадут.

Вот уж действительно — лишних знаний не бывает.

— Ай! — Лиля отдернула ногу. — Шевалье Авельс, осторожнее...

Лонс рассыпался в извинениях. Графиня махнула рукой, и танец продолжился. Пока — без музыки, просто под монотонный речитатив:

— Шаг вперед, поворот, еще раз поворот...

Сначала надо научиться танцевать так. Потом, когда ноги все запомнят, подумаем, где найти музыканта.

— Вы замечательная ученица, ваше сиятельство...

Лиля отмахнулась:

— Мне это не нравится, но пусть будет.

— Но вы же будете при дворе. А там принято танцевать.

— Не знаю. — Лиля пожала плечами. Буду не буду... не зарекаемся. — Но, если представится возможность, почему бы нет. А на такой случай мне нужен партнер. Шевалье Авельс, вы ведь поедете со мной в столицу?

— Разумеется. Хотя и не уверен, пригодится ли...

Но внутренне Лонс соглашался. Никогда не знаешь, какие карты сдаст судьба. Лучше уж быть готовым.

Танцы?

Да будут танцы!

Заодно и похудеем еще немножко.

Альтрес Лорт сидел над письмом.

М-да. Перестарался. Капитально.

Хотел легонько скомпрометировать принца, а вышло... а что вышло, то и вышло. Теперь надо не оправдываться, а лечить.

И еще... написать письмо Эдоарду. Так, чтобы и не солгать — и правды не сказать. Гардвейг и сам бы, но проклятая язва на ноге разболелась так, что король, едва не воя от боли, позволил лекарю сделать примочку, напился и кое-как забылся тяжелым сном.

Милия не отходила от постели супруга. А все государственные дела легли на плечи Альтреса. Так что...

Перо быстро забегало по пергаменту.

«Мой венценосный брат.

Должен сообщить, что на королевской охоте ваш сын и моя дочь слегка оторвались от остальных охотников. И тут же поплатились за свою неосторожность. На них напала испугнутая рысь.

Благодаря храбрости вашего сына моя дочь осталась жива и невредима.

К сожалению, Ричард слегка пострадал. И сейчас докторусы прописали ему постельный режим с тем, чтобы он восстановил свои силы.

Спешу сообщить, что прогнозы исключительно благоприятные. И его высочество должен вскорости поправиться.

Анелия не отходит от него ни на шаг. В ее глазах он настоящий герой.

Я искренне надеюсь, что вы мне поверите. Случившееся не было умыслом. Всего лишь печальная случайность.

Я пойму, если вы отзовете посольство, но буду умолять вас не делать этого. Два соседа должны жить дружно. И со своей стороны я готов принять любые ваши действия по обеспечению безопасности его высочества.

Надеюсь, у вас все благополучно.

Альтрес пробежал глазами письмо. Отлично. Теперь дать прочитать Гарду — и отправлять.

Будем надеяться, случившееся не сильно повлияет на результат посольства... но если повлияет — Альтрес в жизни себе не простит.

Нет, это же надо так опростоволоситься!

Проклятые кошки!

Многое видел Альтвер. Но это зрелище было для него в новинку.

Служба состоялась, как обычно, на рассвете. Вроде бы все как всегда. Патер Лейдер, храм, Торий Авермаль с женой...

Вот это и было необычным.

Баронесса Авермаль была... великолепна. Она собрала волосы в высокую прическу на затылке. Воткнула в нее гребень, а на плечи ей спадало... это было нечто восхитительное.

Розовое облако... из кружев?

По храму полетел шепоток. И мужчины, и женщины — все смотрели на баронессу. А та, наслаждаясь произведенным эффектом, прошествовала под руку с мужем, поправила кружево, и блеснула на плече брошь из алого... янтаря?!

Альдонай, сколько же это стоит?! Откуда такая роскошь?!

Служба была... нет, не сорвана. Но сегодня Альдонай не получил и половины причитающегося ему внимания. Оно досталось баронессе. В том числе и со стороны патера Лейдера.

А по завершении службы началось самое главное. Расспросы.

Впрочем, баронесса молчала как рыба.

А барон сообщил, что это можно заказать через него. И назвал цену редкости. Баронесса же только улыбалась — и поправляла кружево. Потом достала маленькое зеркальце, посмотрелась в него... и барон оказался обеспечен заказами на год вперед.

Жена, дочь, любовница, мать... каждая из этих женщин способна устроить своему мужчине маленький ад на земле, не получив желаемого.

Так что...

Единственным исключением был патер Лейдер. Но его умаслили широким кружевным воротником. И патер согласился, что скверны и происков Мальдонаи в этих предметах нет.

Зато есть выгода... и не будет ли достопочтенный Торий Авермаль так любезен...

Торий был.

Разумеется, храм нуждался в новой крыше. И роспись подновить не мешает.

Только торговать не мешай...

Патер сильно подозревал, что тут не обошлось без Иртона, но на нет — и доказательств нет.

Зато есть кружево. И на него такой спрос... попробуй запрети женщинам. Удушат. Лучше уж смириться и получить. Свою выгоду.

Второй визит к ведьме дался Анелии чуть легче, чем первый. Было страшно, да. Но уже не настолько.

Бабка, мерзко ухмыляясь, выдала Анелии несколько флакончиков. И один из них — лично для девушки.

Приворотное зелье. Отворотное. Снотворное.

Может быть, подействует? Принцесса готова была хвататься за соломинку. Очень уж жить хотелось. А еще...

Нет, Рiku она не станет подсыпать ни первое, ни второе, ни третье.

«Я тебя не обижу, девочка...» Вот что было важно. Если Рик и догадался о ее роли... Не должен был, но вдруг?

Он не злой. И обижать ее не будет. Ей не придется бояться мужа, если она не переступит определенных рамок.

Признательность? Может быть.

Анелия и сама пока не знала. Но нечто теплое уже проросло в глубине ее души. Пока погребенное под расчетом, страхом за свою жизнь, житейской суетой, но оно уже было.

Прочитав письмо, Эдоард выругался.

Так и вообще без наследника остаться можно. Еще как можно. Так получилось, что Рик еще не был женат. Эдмон в свое время сопротивлялся помолвкам и свадьбам, как кандидат в альдоны. То у него болезнь, то невеста ему не подходит, то...

Эдоард понимал, что потекает сыну. Но... он знал свою вину.

Он-то любил Джесси. А Имоджин... бедная женщина. Можно быть королевой. Но возможно ли быть *счастливой* королевой?

Имоджин не была счастлива. И Эдмон был отравлен ядом ее горя и ненависти.

Эдоард не давил на сына. Рик — тот был помолвлен в свое время. А Эдмон все тянул и тянул... пока не умер. И встал вопрос — женить Рика.

Сначала был объявлен королевский траур — три года. И заключать помолвки стало невозможно. Потом же... пока наводили мосты, пока собирали информацию... время иногда летит очень незаметно. Да и Рик желания жениться не выказывал.

Он и сейчас не выказывает. Но тогда его хоть рысь не драла.

Эдоард придвинул к себе лист пергамента. И перо полетело по бумаге.

Надо соблюсти баланс между гневом и добрососедскими отношениями. Гардвейг должен понять, что Эдоард весьма недоволен. Не до разрыва отношений, пока нет. Но еще один такой случай...

«...мой венценосный брат...»

Альтрес Лорт читал донесения от своих агентов из Ативерны.

Все как обычно.

Эдоард правит, принцессы растут, скоро надо будет им приглядывать кого-то для заключения династического брака — как вариант можно поговорить с Гардвейгом. Церковь хоть и не одобряет, когда невеста старше жениха, но спорить не станут. Жизнь им еще дорога.

Торговля исправно развивается, флот укрепляется, есть небольшие стычки с

вирманами... хм?

Король не пойми с чего заинтересовался графиней Иртон. Это уже полезнее. Джерисон Иртон выходит из фавора? Или что?

Надо бы узнать об этом подробнее... а что мы знаем о жене графа Иртона?

Да только то, что он женат. В остальном... при дворе она вроде как не появляется, живет уединенно, является дочерью Августа Брокленда, любимого корабеля его величества... Так навскидку Альтрес не смог больше ничего припомнить. Но никаким материалом на Джерисона Иртона пренебрегать не следовало.

Королевский шут быстро черкнул на письме «Подробнее» и отложил его в сторону. Его ждала куча непросмотренной корреспонденции.

А время шло.

Лиля четко поделила свой день и жестко следовала графику. Ничего страшного она в этом не видела — еще в родном мире приходилось пахать не за страх, а за совесть. И уборщицей подрабатывать, и учиться, и спать по три часа в сутки... тут хоть выспаться иногда можно! А это уже плюс. И со шваброй по коридорам гонять не надо.

А что надо?

Лиля только посмеивалась.

Один день из жизни ее сиятельства выглядел так.

Пять утра. Подъем. Служба в замковой часовне.

Кстати, храм тоже достроили, как и пасторский дом, но перебираться туда пастор не торопился, а Лиля не настаивала, решив, что всей ее компании лучше при священнике. Про инквизицию она помнила. И кто сказал, что здесь не найдется своего Торквемады?

Запросто!

Поэтому пастор Воплер жил в замке. Попытался заводить богословские беседы с вирманами, те его мягко посылали, но священник не обижался, а продолжал свое черное (простите, светлое) дело. Лиля оценила его упертость. Перевоспитать вирман надежды не было. Но кто сказал, что пастор не старался?

Лиля время от времени жаловала ему то что-то из одежды, то еще какие-нибудь приятные мелочи — и все были довольны. Включая Марка, который крепко сдружился с Мири и детьми вирман, таскал всех на богослужения и с удовольствием учился хорошим манерам.

Богослужение заканчивается? Отлично. Есть время для себя. Можно пару часов посидеть в лаборатории. До завтрака. А там — на выбор. Или попробовать что-то получить, или что-то записать...

Хорошие результаты получились с янтарем. Один из первых образцов отправили Авермалу и продолжили вываривать часть камней в меду. Хельке только головой качал — до такого тут еще не додумались.

Удалось получить более чистое и тонкое стекло... пока еще не хрусталь. Но Лиля подумывала о фужерах и фигурных бокалах.

Глиной Иртон боги тоже не обделили — и Лиля усердно вспоминала, как делать керамику. Гончарный круг сделать — невелико дело. А вот ты поди вылепи да обожги... ну, к лепке можно и детей привлечь, а к обжигу — мастеров... хотя те и так зашиваются.

Восемь утра. Завтрак.

Полчаса, не больше. Потом все расходятся по своим делам.

Лиля — на занятия с детьми. Учителя довольны. С тех пор как графиня стала присутствовать на занятиях, проблем намного меньше. Особенно когда ее сиятельство объяснила, что розги — это полезная и нужная вещь. Хотя пока их использовать вроде и незачем. Дети стараются. Это не двадцать первый век. Немного нервирует Лилю только Дамис Рейс. Но история и литература предметы необходимые. Так что посещать уроки приходится. А учитель... раздражает.

То смотрит горячим взором, то комплименты отвешивает, то ручку поцеловать пытается... И ведь все так... скромно... послать-то его не за что, вот беда!

Поэтому историю и литературу Лиля не любила. Хотя она их и в родном мире не особо жаловала.

Полдень. Отдых.

Дети разбегаются по замку. Лиля отправляется в конюшню.

Теперь там чисто и сухо, конюхи стоят чуть ли не по стойке смирно, а аварец постепенно привыкает к новой хозяйке. Ездить верхом по поместью Лиля пока не решалась, но в специально огороженном загоне каталась. Кормила жеребца с рук. Разговаривала, чистила... он постепенно привыкал к новой хозяйке. Миранда часто составляла Лиле компанию. И мечтала, что когда-нибудь у нее тоже...

Лиля не разочаровывала девочку.

Эрик должен был скоро вернуться и присмотреть подходящую кобылку. Так что у девочки будет свой жеребенок. Наполовину аварец. И если повезет — такой же очаровательный, как его папа.

Потом — обед.

И после обеда Лиля опять занимается. На этот раз уже с Лонсом.

Часть времени уходит на то, чтобы отточить манеры. Часть на дела поместья — выслушать отчеты, отдать распоряжения.

Потом — мастерские.

Лиля делила дни между стеклодувами, Хельке, кружевницами и гончарной мастерской. Да, последняя тоже организовалась. Хотя и стихийно.

Двое бывших пленников работоторговцев нашли себя в гончарном ремесле. Как ни странно — из самых бесталанных. Сделать гончарный круг было несложно, а процесс он упростил, и сильно.

Теперь в гончарной можно было видеть и детей, которые обожали лепить из глины, и взрослых.

А обжигать пришлось в кузнице. Сделать еще одну, устроить несколько печей для обжига... Лиля мечтала о кирпичах, тем более что ремонт стен замка все еще длился — и конца-края ему не было видно.

Но пока было так много дел, так много...

А вечером ужин, ванна — и спать.

Впрочем, иногда ванна заменялась баней. Сколько труда Лиля потратила, чтобы ее устроить, — просто жуть! Пастор Воплер, правда, сомневался: достойно ли это приличной женщины — раздеваться, да еще париться, да еще веником, да еще с вирманками... хотя часто к Ингрид и Лиле присоединялась и Марта, обнаружившая, что ее старые кости меньше болят после бани...

Лиля фыркнула.

Стоило один раз заманить пастора попариться не по правилам. Бедняге пришлось очень весело. Его тошнило, кружилась голова, наблюдались все симптомы перегрева... Одним словом — товарищ уверился, что графиня умерщвляет плоть, и больше не приставал.

Хотя и не парился.

Лиля мечтала о сауне, однако смогла оборудовать только самую простую, топящуюся по-черному, но баню.

Настоящую, с парной и веником... кстати, там можно было и еще кое-что сделать. Лиля, например, практиковала компрессы из меда и соли. Очень помогало убивать лишний жир. Хотя сколько там его было, того лишнего.

Лиля уже не ощущала себя безобразной тушей. Скорее немного толстоватой женщиной. Но все же не грудой жира. И смотрела в будущее веселее. Даже если она и не станет такой же стройной, как когда-то, все равно она будет даже очень симпатичной.

Обязательно будет.

С этой мыслью Лиля и засыпала.

Часто к ней приходила ночевать Миранда. Иногда компанию им составляли щенки. Да, держать собак в доме здесь не приветствовалось, но один из вирман, который занимался дрессировкой, подсказал, что так будет лучше. Он же посоветовал взять для Мири не кобелька, а сучку — и девочка не стала спорить.

Впервые у Мири было то, что она могла назвать своим.

Дом, комната, собака, друзья... и даже — мать?

Девочка не знала, что она чувствует к Лилиан. А Лиля не торопила малышку. Незачем давить на ребенка. Его надо просто любить. Баловать.

И очерчивать строгие рамки. Дозволенного и недозволенного.

Пока Мири не выходила за установленные границы, но Лиля не сомневалась, что рано или поздно это случится. Дети ведь всегда пробуют взрослых на излом. Такая у них природа.

Иногда к ним приходила няня. Гладила своих девочек по волосам, пела колыбельные.

Лиля принимала заботу Марты с признательностью. Но женское коварство неискоренимо. Она постоянно жаловалась Марте, как ей тяжело, просила рассказать что-нибудь о старых временах, когда они жили с отцом...

От поездки в столицу ей никуда не деться.

Она знала. И готовилась к встрече.

Это случилось за завтраком.

Она чуть задержалась. Не удался опыт. Ей хотелось получить мирабилит. А у вещества было свое мнение. Эх, читать книжку и ставить опыты в полевых условиях — это немного разные вещи.

Все уже сидели за столом. Лиля направилась к своему месту справа от Мири. При ее появлении девочка вскочила, как маленький ураган.

— Лиля, а я...

Тарелка, звеня, покатила по полу.

Щенки бросились к выплеснувшейся на пол овсянке, но проворнее оказалась Лилиона.

— Эмма! — позвала Лиля.

Она хотела сказать, что нужна новая тарелка... Завизжала Мири. И Лиля метнулась к девочке.

Но беда случилась не с ней. Щенка рвало, из его пасти текла зеленоватая пена...

Лиля выругалась, падая на колени.

Такого опыта у нее не было. Но был опыт работы в вырезывателе. Вызвать рвоту, дать воды, дать противоядие...

— Джейми!!! Тахир!!!

Но травник уже опускался рядом с графиней на колени...

— Молока! И побольше! И воды!

Ингрид перехватила Миранду, чтобы та не смотрела.

Этот день у Лили оказался сорван.

Сучку они с Джейми и Тахиром откачали. Кое-как, но справились. Как сказал Джейми, на собак яды действуют, с одной стороны, быстрее, но этот конкретный яд — еще и немного слабее.

И Лили понимала, в чем тут дело.

Если человек слопает пять таблеток снотворного — он имеет все шансы отправиться на тот свет.

Если сорок — шансы уменьшаются. Ибо начинается рвота и пострадавшего можно откачать.

Лилию могли и не спасти. А вот щенка — успели.

Хотя еще дней десять ему была прописана жесткая диета и тщательный уход... Мири не отходила от пострадавшей собаки, гладила по голове, плакала в шесть ручьев... Лили уже не знала, то ли лечить собаку, то ли заниматься ребенком... В итоге свалила уход за щенком на докторусов и уговаривала малышку. Все будет хорошо...

А сама подсчитывала, холодно и рассудочно.

Это была ее тарелка. Ее овсянка. Никто другой ее просто так не ест. На воде, без сахара и соли — только она.

То есть собака и Мири ей жизнь спасли.

Спасибо, девочки, с меня причитается. Но кому понадобилось меня травить? И зачем?!

Посторонних в замке не было, в этом клялась и божилась Эмма.

Кто-то свой?

Кто?!

Логически рассуждать графиня начала примерно часа через два. Когда стало ясно, что песика отравили волчьей травкой, Лили начала выяснять и быстро поняла, что речь идет о местном варианте аконита. Да, и тут есть эта отравка.

Готовится быстро, действует качественно...

Лиля покусала ноготь. Итак. Кто имел доступ к каше?

Сестра Хельке — она ее варила.

Не пойдет. Эввиры ей ну... не преданы, но гадить точно не будут. На ее земле живут. Да и выгодно им, чтобы Лилия была жива и здорова.

На кухне Лилия тоже была. Порядок там военный. Там подбросить ничего не могли.

Какие еще есть варианты?

Пока донесли от кухни до столовой, пока накрывали на стол, пока все приходили... нет, последнее — по разряду Ш. Холмса. Лиля мысленно перебрала всех, кто был за столом.

Тахир и Джейми? Нет, вряд ли... вопрос выгоды и знаний.

Тарис? Доверенное лицо ее отца.

Хельке? Мири?

Марта, которой разрешили сидеть рядом с подопечной и приглядывать за ней?

Шевалье Авельс? Темная лошадка. Но сейчас ему нет смысла травить Лилю.

Ингрид? Пастор с сыном?

Нет, ее команда вне подозрений. Иначе хуже будет.

Кто носил блюда и накрывал на стол? Питер, Сара, Илона. Самое тяжелое нес слуга, что полегче — девушки. Принесли, расставили и ушли. Столовая оставалась без присмотра, за это время мог зайти кто хочет, насыпать что пожелает. Если бы не одно «но»!

Практически сразу прибежали дети. А при них сыпать яд... ну если убийца — камикадзе...

Лилия покусала губы.

— Да что вы мучаетесь? — удивился Тарис. — Взять всех троих и пытаться, пока не признаются.

Лилия фыркнула:

— Тарис, это нелогично. Признается тот, кто боится боли. А реальный убийца останется жив и здоров.

Тарис нахмурился:

— Я не подумал.

— А где можно взять яд? Джейми?

Джейми почесал затылок:

— Волчья травка здесь встречается часто. Надо бы посоветоваться...

— С травницей? Морага, так?

— Да, ваше сиятельство...

— Взять ее и расспросить! — рявкнул Лейс.

Лилия нахмурилась. Не так ли начиналась охота на ведьм?

— Нет уж! Никаких расспросов за моей спиной! Джейми, прокатишься? Потихоньку, чтобы никто не знал... нам ни к чему, чтобы шум поднялся, не надо... пусть живет спокойно.

— Да, ваше сиятельство.

— И расспроси подробно. Может быть, кто-то покупал эту траву, кто-то собирал ее, кто-то интересовался...

Джейми сдвинул брови. Кивнул:

— Обещаю, ваше сиятельство. Я все узнаю.

Лиле хотелось рвануть самой, но нельзя. Графиня не может, не должна... то есть она

может, но...

Лиля перевела взгляд на пастора.

— Пастор, вы можете расспросить всех троих? Я не хочу никого пытаться. Но вы можете поговорить с ними, как служитель бога...

— Это очень милосердно с вашей стороны, ваше сиятельство...

Лиля знала, что с ее стороны один голый расчет, но разубеждать пастора не стала. Неплохой он мужик... побольше бы таких в обоих мирах.

Она взъерошила светлые волосы. Посмотрела на Лейса.

— Пока что подержите всех троих в подземелье. Там места много. Потом выпустим и даже компенсируем, если что.

Лиля покусала ноготь. Она никак не могла понять, что это такое. Глупость? Наглость?

Никто из троих не сбежал, весь персонал замка на месте. То есть этот некто не ожидает расследования?

Ничего не понятно.

Ладно. Вот Джейми вернется от травницы...

— Я напишу вашему отцу, графиня? — подал голос Тарис Брок.

Лиля кивнула:

— Пишите, друг мой, пишите... может, я и сама напишу. Но попозже, сейчас у меня голова не тем занята. Мири, иди сюда, малышка...

— Лиля... а с Лялей все будет хорошо?

Лиля посмотрела на собачку.

— Обязательно, малышка. Обещаю тебе...

Мири всхлипнула и уткнулась носом в плечо Лили. Ну раз она обещает...

— Здравствуй, Морага. — Джейми почтительно, как графиню, приветствовал старую травницу.

— И тебе здоровья. Что случилось?

— Да уж случилось... графиню пытались отравить.

— Вот как?

— Волчьей травкой. Морага...

Травница отвернулась и зашуршала чем-то в углу.

— Морага! Ты ведь что-то об этом знаешь! Долго она не хранится, настой из нее могла приготовить только ты. В замке никто этим не занимается.

Травница продолжала шуршать. Молча.

— Морага, прошу тебя!

Женщина обернулась:

— Не лез бы ты в это, мальчик?

— Лилиан Иртон была добра ко мне. Она и сейчас добра. Она приютила меня в своем

доме, деньгами жалует, кормит-поит...

— Раньше она такой не была...

— Разве это важно? Она хорошая, Морага. Она добрая, умная...

— Она тебя послала?

— Да. Сказала, чтобы я все выяснил по-тихому.

Морага выжидающе молчала. Но Джейми тоже ничего больше не говорил. В комнате повисла тишина. Юноша знал: если травница решит — она расскажет. А давить не стоит...

Прошло пять минут, десять, пятнадцать...

Наконец травница вздохнула:

— Ты прав. Я продала настойку. Свеженькую, этого лета сбор.

— Никому другому это не под силу. Я сразу понял, что это твоих рук дело. И графиня тоже так подумала.

— И все же здесь ты. А не отряд стражи...

Джейми промолчал и травница шлепнула ладонью по столу:

— Хорошо! Я продала настойку. Она быстро теряет силу, пара десятков дней — и выдохнется.

— Госпожа графиня сказала — это потому что основа неправильная. Она знает такое вещество, что трава долго останется хорошей.

— Вот как?

— Я захватил с собой склянку. Я потом покажу, обещаю... Так кто покупал траву?

Травница ухмыльнулась.

— Она у меня частый гость. Гостья. Уж давно, еще до того, как госпожа затяжелела, так она ко мне и начала ходить.

— Насколько давно?

— Почти сразу, как госпожа сюда приехала. Травы — искусство сложное. Сама она правильно ничего сделать не могла. А потому платила мне. И щедро. За настои, за тайну...

— И как ее зовут?

— Имени не знаю. Могу описать.

Джейми внимательно выслушал описание, кивнул.

— А почему ты ее выдаешь?

Морага пожала плечами.

— Я в долгу перед графией. На ее земле живу, в обиду опять же она меня не дала, тебя вот присылает, да не просто так...

Это верно. Каждый раз, приезжая к Мораге, Джейми привозил с собой гостинцы. То ткань, то корзину с продуктами, то что-нибудь еще...

В этот раз у него была большая бутылка со спиртом. И юноша увлеченно принялся рассказывать о свойствах продукта.

Прошло не меньше часа, прежде чем травники вернулись к реальности.

— Мне пора уходить. Графиня ждет.

— Понимаю. Ты опиши ей ту девку, авось узнает...

— Да и я ее знаю. Только какая ей выгода — понять не могу...

Травница пожала плечами. Ее это тем более не касалось. Пусть господа сами со своими делами разбираются...

Джейми сразу направился к Лиле. И пяти минут им вполне хватило.

Неизвестная из замка часто покупала у Мораги траву.

— Раньше она покупала только дурман. А недавно — волчью травку.

— А дурман зачем?

— Я так понял, что подливала вам в еду.

Лиля нахмурилась. История, выдуманная ею для отца, стремительно становилась реальностью.

— Но зачем ей это понадобилось? Кто это?

— Морага не знает ее имени. Она знает, что эта женщина живет в замке... Она приходила ночью, в плаще... очень давно.

— То есть — кто угодно?

— Она молода. И ходила чуть ли не с момента вашего переезда сюда.

— Уже не Марта и не Тара. Кто-то из служанок? Мэри? Илона? Сара?

— Морага сказала, что у нее шрам на руке. Небольшой, между пальцами.

— Не поддельный?

— Нет. Она в этом разбирается.

— И женщина его не прятала?

— Прятала. Но у Мораги острое зрение.

Лиля кивнула. Посмотрела на Лейса, и тот сорвался с места.

А сама Лиля задумалась:

— Так просто?

Тарис приподнял брови:

— Разве просто? Травница могла не увидеть шрама, могла... да многое.

Лиля покачала головой. Но потом подумала, что преступники вообще-то не всегда светочи интеллекта. Что могла, девушка сделала. Закутывалась в плащ, приходила ночью... кто же мог предположить, что у Мораги такое острое зрение и она захочет поделиться информацией? Другая бы травница молчала или все отрицала, чтобы ее не притянули. Это Лиля понимала, что кузнец не виноват, если сделанным им ножом короля зарежут. А кто-то другой на ее месте?

Да и насколько ей известно — тут еще не развит институт киллерства.

Убивают, да. Но, когда любой может пойти и прикончить своего обидчика почти открыто... ну с оговорками, но все-таки, ассасины почти не требуются. Да и потребуются... кто бы их в Иртон завез? Чай не капуста, на грядке не вырастут.

И стоят дорого, и поди найди... и если уж серьезно... на прежнюю Лилиан Иртон и служанки хватило бы. Чай не супер-Маня.

Служанки были доставлены к графине через десять минут. Шрам на руке был у Сары.

Повинуясь жесту графини, Мэри и Илона вышли. Сара осталась в комнате. Она понимала, что игра окончена, явно. Но сдаваться не собиралась. Верхняя губа девушки приподнялась, зубы оскалились, она была похожа на крупную крысу. Лиля смотрела спокойно.

— Сама расскажешь, зачем меня травила, или помочь?

Сара зашипела:

— Жаль, не удалось! Хорошо хоть твоего пащенка убрала!

Лиля прикусила губу. Изобразила на лице страдание.

Выкидывш у Лилиан Иртон? Лиля переживала его постольку-поскольку. Да, реципиентке было плохо. Но то исходной Лилиан Иртон. А нынешней Лиле было не до страданий. Но показывать-то это нельзя. Она переживала потерю ребенка — так тому и быть.

Будем страдать! Красиво!

— Тарис, прошу вас... — И поднести к глазами кружевной платочек. А то заметят, что слез нету.

Тарис тут же воодушевился защищать слабую графиню и соколом ринулся на обидчицу.

После десяти минут криков, ругани, скандала и угроз, девчонку-таки раскололи, и Лиля только головой покачала.

М-да. Сама дура.

Накрыв семейство Грисмо, они как-то позабыли, что есть и еще одна голубятня. А она была. И птицы там были не только на мясо, нет. Они еще и летали...

Сара была племянницей Фреда Дарси, дочерью сестры. Отсюда и разные фамилии. А вот зачем ей понадобилось травить графиню...

Вирмане живой ногой метнулись в Буковицу за Фредом с семейством. А Сару продолжили трясти. Но она ничего не знала. Только то, что ей приказывал дядюшка.

Служить в замке? Хорошо, послужим. Почему бы и нет. Место престижное, тихое, удобное.

Подливать графине в пищу дурман? Да со всем нашим удовольствием. Дядя в семье глава, его слушать надо, а то еще огневается, замуж выдаст... Сара оценивала себя трезво. Ее любой муж прибьет на третий месяц после свадьбы.

Сначала это была просто работа. А потом Сара и сама невзлюбила графиню. За что?

А вот просто так!

За то, что она, гадина, на свет родилась. И графиней, а не посудомойкой. И может жрать, хрюкать и спать до полудня. А потом, когда Лиля начала наводить порядок, — еще добавилось. За все хорошее...

У Лили слов не осталось. Просто никаких. *«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать?»*

М-да...

Девушка как с цепи сорвалась. В довершение всего оказалось, что Джес Иртон не оставил ее своим вниманием, пока гостил в замке. И даже имел неосторожность ляпнуть

что-то вроде: «Моей бы жене такую попку, глазки, ушки...» — и подарить колечко.

Ну и все. Много ли надо взбалмошной дуре? Лиля тихо вздыхала про себя.

Принято считать, что преступники должны быть хитры и коварны. Увы. На одного профессора Мориарти приходится две тысячи идиотов, ухлопавших по пьянке соседа сковородкой.

Профессор — исключение. А вот такие Сары — они правило.

Они есть. И гадят.

Просто по злобе душевной. Сказал ей дядя, она и пошла. И ведь исправно старалась, сама у травницы и дурман, и яд брала, бегала, изводила графиню, счастлива была, когда та едва не подохла...

Лиля стискивала кулаки и молчала.

Она не будет ругаться. Она не отхлещет наглую тварь по щекам. И даже на Фреда кобеля не спустит.

О нет.

Личную и вскормленную ядом собаку Баскервилей мы прибережем для заказчика.

Какого? А вот того... Вы что, поверили, что старосте надо травить графиню? Э нет. Ее кто-то заказал. Вот мы и выясним кто.

Выяснения растянулись до поздней ночи.

И Сару, и Фреда, и все его семейство переместили в пыточную. И что с ними делали вирмане Лиля предпочла не знать. Один раз доказала, что может, второй раз лезть и смотреть на пытки уже не хотелось. Радости-то...

А к полуночи в ее покои постучался Лейс.

Лиля накинула на себя халат потеплее (да, и такие штучки у нее в гардеробе уже были, причем шили их вирманские мастерицы) и вышла в коридор.

— Мири спит. Вы узнали?

Лейс кивнул.

Шевалье Авельс, стоящий рядом с ним, и Тарис Брок имели слегка виноватый вид. Как оказалось, у Фреда было слабое сердце. И он немного того-с в процессе дознания. Но что приятно — успел назвать заказчика.

Было это так. Вскоре после того как Лиля поселилась в Иртоне (еще та, прежняя Лилиан), ему понадобилось в Альтвер. На ярмарку. Ну почему бы и нет. Дело житейское.

Там-то он и повстречался с интересной личностью.

Личность предложила ему хорошие деньги — сначала за отчеты о состоянии графини Иртон. Снабдила голубями, деньгами, и Фред, который был обучен грамоте, стал отписываться. Для чего и Сару в замок пристроил, чтобы знать получше о происходящем.

За золотом регулярно ездил в Альтвер один из его сыновей. И платили вовремя. Не чинились. Деньги передавали через купца Кариста Трелони. У него же Фред и вкладывал их в торговое дело, здраво рассудив, что в Иртоне деньгам делать нечего, разве что любоваться на них.

Дальше — больше.

Сделав первый шаг, бегут бегом. Вместе с очередной крупной суммой денег заказчик прислал и склянку. И указал, что надо это подливать графине в пищу.

Фред забеспокоился. Капли проверили на собаке — пес не сдох. Хотя выглядел... ошалелым. Фред пришел к выводу, что это дурман, и приказал Саре постараться.

Та была лишь рада и прекращала опаивать женщину только во время визитов графа. Но лучше от этого не становилось. Ломка — не самое радостное ощущение в жизни.

А когда Лириан таки забеременела, заказчик сильно забеспокоился. И дал указание — увеличить дозу дурмана. Откуда брали? Так сначала склянку привезли из Альтвера. А потом по-простому стали брать у местной травницы. Рассудив — ежели что, ее и прикопать можно. Невелика потеря.

Сара выполняла все, что ей приказывал дядя. Ну и от себя немного добавляла.

— Госпожа... она призналась, что смазала перила и ступени салом, — потупился Лонс. — Вот вы и упали с лестницы. Беременная, в дурмане... много ли надо...

Лиля делано хлопнула носом и проскулила что-то вроде: «Мой бедный ребенок, как это ужасно!!!» Благо мексиканские сериалы предоставляли прорву таких сцен для просмотра и освоения.

А в душе...

Вот честно — она даже была немного благодарна Саре. Если бы не девушка — не появилась бы в этом мире и сама Лиля.

Сначала-то... о, она бы выразила благодарность! Поленом по хребтине! Сорок раз — и все поперек! Ибо было плохо, больно, тошно... сейчас же — а что сейчас?

Считай, халявная реинкарнация вне очереди! За такое можно и поблагодарить?

Можно.

— А насчет яда?

— А где первый шаг, там и второй, — махнул рукой Тарис. — После дурмана яд был уже вовсе плевым делом. Взяли у травницы...

— И ее не убили?

— Собирались.

Лиля потеряла нос. Она бы точно травницу прикончила... сразу же.

— А чего ждали?

— А ежели яд негодный? Или вас, ваше сиятельство, отравить не удастся? Где тогда что брать? Сам Фред, да и его семейство, травы не разбирают. Ума не хватает. Да и... не только вас изничтожить хотели.

— А кого еще?

— Виконтессу...

Лиля стиснула кулаки:

— Мир-р-р-ри?!

Буква «р» раскатилась по коридору глухим рычанием. И мужчинам на миг показалось, что сейчас графиня бросится в пыточную, уничтожить негодяев. Голыми руками.

Ан нет. Опомнилась.

— Запасливые, значит...

Ну да — в рамках ограниченного сознания. Мало ли что, мало ли как... а запасец быть должен. Да и... случись с Лилей беда — кто бы там сразу разбираться стал. Пока похороны, пока туда-сюда, вот время и выгадали бы. И Мири могли бы придавить, а то и

отравить. Деточка, скушай пирожок на ночь, ай-ай-ай, какое горе, какая трагедия, вслед за графиней и виконтесса, все рыдают в зеленые платки... Кто ж знал про собачку!

— Что с ними теперь, госпожа графиня?

— А имя заказчика Фред указал?

— Сказал, что звали его вроде как шевалье Керенс, а как уж там на самом деле...

Лиля посмотрела на Тариса:

— Письмо моему отцу уже отправлено?

— Да, ваше сиятельство.

— Отправьте еще одно. С подробностями, ага? А еще... — В зеленых глазах мелькнули хищные огни. — До весны сюда толком хода нет?

— Э-э-э...

— Отправьте от имени Фреда письмо. Пока никто не знает, что его схватили, — и не надо.

— Да, ваше сиятельство...

— Напишите, что я при смерти. И подождем ответа. И поторгуюсь... я эту сволочь выведу на чистую воду! Из-под земли достану! Он мне еще заплатит! А мой отец тем временем посмотрит в столице... — Лиля весело скалила зубы.

— В столице, ваше сиятельство?

Лиля ухмыльнулась:

— Тарис, ну думай головой! Не из-за цвета же волос меня убить собрались! Это либо враги отца, либо враги мужа. Вот пусть отец и понаблюдает зимой. А мы покрутим, поторгуюсь... еще и денежку срубим с заказчика. И Торию отпишем, пусть про этого купца Кариста узнает, чем дышит, чем живет...

— Ваше сиятельство...

Тарис явно оценил идею. И остальные тоже.

Именно сейчас Лиля глядела в серьезные глаза мужчин вокруг и понимала: она здесь главная. Она — вожак стаи. Она будет решать, куда бежать. И только она. И ее волю примут. Потому что она — умная.

Письмо от имени Фреда Дарси неизвестному заказчику.

«Господин, корова при смерти. Очень плоха, не надеются, что выживет. Девчонка пока жива. Жду ваших указаний».

Лиля лично одобрила. Хотя Тарис и мялся, рассказывая про «корову». Но протокол допроса Лиля все равно увидела бы. Или вирмане просветят. Да и не наплевать ли? Хоть крокодилем назови!

А указаний мы подождем. И Торию напишем... пусть выяснит! Спускать покушение на себя Лиля не собиралась. А если еще и Мири...

Кто бы там ни был, он попал по-крупному. Лиля собиралась найти заказчика и приготовить из него препараты. Лабораторные! То есть расчленив и заспиртовать в банке! И приговор обжалованию не подлежит!

Что? Нельзя органы врага выставить? Странная у вас логика! Голову оленя, значитца, который вам лично вреда не причинил, можно! А печень врага — нет?

Еще как да!

Пусть хоть мертвым принесет пользу науке!

Голубиная почта Торию Авермалю.

«Барон, прошу вас выяснить все о купце Каристе Трелони. Очень важно. Подробности письмом.

Главный вопрос, который мучил Лилю: что делать с семейством Дарси?

Казнить?

Есть за что. Да и не нужны они так уж теперь. Есть имена, как только все проверят и подтвердят, от Дарси можно избавляться. Только вот беда, там же и дети маленькие.

Взрослых казнить, а детей выгнать?

Тогда уж проще сразу убить. Зима уже практически на носу. И лужи покрываются ледком.

Оставить в деревне? Оставлять живых врагов за спиной неразумно. Да-да, сейчас мне скажут, что это — дети. Но дети вырастают. И не питают любви к тем, кто убил их родителей.

Оставить всех в темницах замка?

Опять же Лиля откровенно не хотела привносить в этот мир принцип «отсидел — свободен». Сколько мрази повыходило на свободу в России, она знала. И все — невиновные, ага!!!

А сама девушка твердо придерживалась принципа: покусился на убийство — умри. Знал и не предупредил — туда же!

Да, максимализм. Но в ее возрасте это было простительно.

Она бы перевешала всю семью, но... Дети...

Фреда и его жену можно и казнить. Оба знали. Участвовали и его сыновья. Старшие. Но всего у старосты было шесть детей. Младшему — три годика.

И что же делать?

Вопрос разрешил Тарис Брок, предложив до весны подержать все семейство в заключении. Потом, весной, всех замешанных в покушении на убийство можно и казнить. Безболезненно. Совсем маленьких детей — забрать и отдать на воспитание в хорошие семьи. Старших детей отдать Али.

Работорговля? Нет. Лиля ведь не получит от этого никакой выгоды. Зато выжившим членам семьи будет не до нее.

Лилю это сильно покорило, но выхода ведь нет, правда?

В любом случае, если он существует, он найдется со временем.

А пока и так есть чем заняться.

Рик все-таки собирался выздороветь. Вопреки всем усилиям докторусов.

Жар и лихорадка все еще иногда возвращались, но заражения крови не было! Раны немного гноились. Но после прочищения и припарок из паутины и болотного мха все повернулось к лучшему. Медленно, уверенно, принц выздоравливал. Хотя пока еще оставался слабее котенка. И сам даже не мог штаны расстегнуть.

Анелия просиживала у постели героя чуть ли не сутки напролет, вытирая платочком то пот (у него), то слезинки (у себя).

Джес переживал за друга.

Послы заранее тряслись, понимая, что Эдоард за такой поворот событий не похвалит. А поди последи за мальчишкой на охоте?! Простите — нереально. Сам должен был не отрываться... ну понесла лошадь принцессу — так другие бы за ней гонялись, на то егеря есть. А ему геройствовать захотелось! Ну не удержит же его Фалион, который старше в два раза и присмотр на охоте не обеспечит.

Только его величеству это не объяснишь. Так что полетят головы.

Впрочем...

Когда пришло письмо от Эдоарда, Рик был искренне удивлен реакцией отца.

Да, отец долго ругал его за неосторожность. И напоминал: случись что, династия оборвется.

Да, он был недоволен. Но между строк ясно читалось — тебе все равно зимовать у Гардвейга. Так что позаботься о своем здоровье, лечись и поглядывай на принцессу. О женщинах узнаешь многое, когда мужчина болеет.

Кто-то самоотверженно выносит судно. Кто-то устраивает истерику из-за сломанного ногтя и убегает в кабак. Кто-то просто уходит...

Все разные. И это хороший повод и способ приглядеться.

Что Рик и делал. Все равно больше заняться было нечем.

Анелия изображала из себя посланницу Альдоная. Вся такая нежная, воздушная, трепетная...

Только вот верилось в это с каждым днем все меньше и меньше. Девушка не всегда могла с собой совладать — и наружу прорывалось настоящее.

Злобная гримаса, раздраженный жест, испуганный взгляд — все это невольно прорывалось из-под маски, и Анелия напоминала принцу крысу, загнанную в угол.

Рик ей немного даже сочувствовал, догадываясь, что Гардвейг — не лучший отец. Но жениться на Анелии с каждым днем ему хотелось все меньше и меньше.

Ответное письмо от Гардвейга Эдоард читал с интересом.

Гардвейг, отбросив все экивоки, прямым текстом предлагал союз. И провинцию Бальи в приданое за Анелией. А кроме того писал, что давить на Рика не будет. Но если его величество подумает — это ведь выгодно обоим. Рядом стоят, вместе и оборону держать...

Да, не уследили. Случайность. Но теперь мы его охраной окружим в три ряда. Нам выгоднее брак, чем смерть наследника. Потому как сам Гардвейг не вполне здоров, ему не до войн. Эдоард тоже немолод...

Король задумался. И решил пока спустить всем с рук происшествие с рысью.

Действительно: ну как ты договоришься с дикой кошкой, чтобы она напала именно на этого человека? Простите, но тут такая подготовка понадобится, что ее и из Ханганата заметят. А шпионы Эдоарда тоже не даром хлеб ели.

Надо только отписать Рику, чтоб больше никаких охот...

— Ты, дура безмозглая!

— А ты шлюха дешевая!

— Эввирская дрянь!

— Гадюка!

— Что случилось? — На кухню заявила Лиля, которой безумно захотелось кусочек сыра.

Вредно, да. Но захотелось до истерики. И она решила себе не отказывать.

Лория взглянула на одну из местных служанок, с которой ругалась в голос.

— Ваше сиятельство, да все в порядке. Эввиров нигде не любят.

— И что с того?

Все оказалось просто. Эввиров не любили еще и потому, что украсть у них из-под носа не получалось. Лория вела кухню железной рукой. Привыкшие к безнаказанности (ну и к снабжению с господского стола) служанки принялись говорить гадости за ее спиной, портить пищу, подстраивать мелкие неприятности...

Лория кое-как справлялась, но терпение ее тоже было небезгранично.

Впрочем, как и у Лилиан Иртон.

Бабы были... нет, не уволены. Но их семьям было объявлено, что за злословие и мелкое пакостничество графиня переводит их на другой фронт работ.

Замок, простите, та еще махина. И мыть в ней надо много чего. А на кухню Лория подобрала себе тех, кто поспокойнее.

Мелкие склоки, конечно, были. Но Эмма, которой Лиля также сделала накрутку, быстро поставила всех на место. И бабы смирились. Все-таки в замке работать лучше, чем в поле или там за скотиной ухаживать.

Качество пищи заметно улучшилось. Лиля ненадолго расслабилась.

Дни полетели за днями, сливаясь в единую киноленту.

Лиля работала, присматривала за Мири, ждала известий, обучала кружевниц, вспоминала все, что знала о стекле, подолгу разговаривала с Хельке и Тахиром...

Можно сказать, что она была спокойна и счастлива.

Впрочем, письмо, адресованное Фреду Дарси, ее не порадовало.

«Корову добить, малявку удавить. Карист оплатит. Тысяча золотом».

Лиля только присвистнула. Дорого же нынче стоят графини. И их падчерицы тоже.

Ну так... ладно. Больше запрашивать смысла нет. Не дадут. Но есть вариант...

«Господин, половину вперед. За корову».

А еще...

Хочешь спрятать — поручи взрослым. Хочешь найти — поручи детям.

Лиля уже задумывалась, что замка она не знает. Официальную часть — да. Но ведь обязан быть и потайной ход. А часто — и не один.

План замка графине при вступлении в должность не предоставили. Поручить кому-то найти?

Лиля сделала проще. Собирала всех детей — и при случае принималась рассказывать им детективные истории. Из жизни некоего мистера Холмса. Детективные, мистические... А. К. Дойла она любила.

Много ли надо детям для затравки? Тем более местным, не избалованным массмедиа... Джейми и тот был в тихом шоке. А там и еще люди начали подтягиваться... Лиля чуть-чуть корректировала персонажей под местные реалии — и вперед... Слушали с открытыми ртами.

Вскоре ее тактика принесла плоды. Раньше дети просто носились по замку ураганом. Теперь же... Прятки, простукивания, нападения из засады...

Слуги жаловались. Эмма фыркала. Лиля улыбалась. И продолжала «детективить».

Она и не сильно удивилась, когда Мири сообщила ей, что «в потайном ходе ни одного скелета нету-у-у...» Ребенку было искренне обидно.

А Лиля довольно улыбнулась. И попросилась с Мири — вдруг там где и завалы скелетик?

Оказалось, что дети нашли аж три потайных хода. Один — со второго этажа на кухню. Второй — из хозяйского крыла на волю. И третий — в гостевом крыле. Обрушенный.

С точки зрения Лили все было правильно. Из кухни легче всего попасть на двор. И удрать оттуда. Из хозяйского крыла, случись что, надо спасаться. И осведомляться, чем гости дышат, тоже.

Да, ходы были чисто условными. Лиля в них едва не застревала. А уж грязи собрала — уборки не надо. Но старания окупались.

В потайном ходе, который был в кухне... Лиля сначала и не поняла, обо что стукнулась ногой, но потом осмотрела находку под свечой и кивнула. Что-то такое она и ожидала.

Бочонок. Новенький такой, блестящий, небольшой... Ну так правильно, сундучок может и подозрения вызвать. А бочонок... Дети просто не обратили внимания — чему еще и стоять в тайных ходах, как не бочкам? А что в нем?

На этот вопрос Лиля получила ответ спустя два часа. Когда слуги по ее приказу выволокли находку наружу. Крышка была закреплена так, что с налету не выбьешь. Шум поднимется. Но когда ее сбили...

Монеты — странная штука. Даже если их немного, человек смотрит в шоке. А если они перемешку с янтарем — еще интереснее.

Эдор был запаслив. Когда Лиля его выгнала, он не стал прихватывать с собой главную заходку. Зачем?

В замок он попасть мог. Если и не через потайной ход, то стены все равно что лестница. Перелезть — пятнадцать минут. И выкатить потихоньку. Бочонок не сундук, вещь хозяйственная, да и хранилась кубышка под присмотром жены. Если бы кто начал по кухне шастать, Тара мигом бы заметила...

Когда все пересчитали, получилось две с лишним тысячи серебром. Не считая янтаря, который тянул на приличную сумму.

Лиля выдохнула с облегчением. Теперь было на что перезимовать. Тем более что уже наступали холода...

Свинью в очередной раз подложил Тарис, поинтересовавшись:

— Госпожа, а девичью долю вам выплачивали?

Что оставалось делать Лиле? Только развести руками. Она — не знала. Но сейчас у нее было оправдание. Ее опаивали. Так что...

Тарис предложил и об этом написать Августу. И пусть докторуса поспрашивает. Что это за целитель такой, который не заметил, что пациентка в дурмане?

Фреда было уже не расспросить, а семейство глава во все не посвящал. Сара же после применения к ней вирманских методик ответила, что докторусу было заплачено. Но кем и когда?

Одним словом, Лиля понимала — спокойной жизни ей не будет.

В столице? Смеетесь? Выжить бы!

А пока надо выгодно вложить деньги.

Лиля выкинула бочонок, поговорила с Хельке и отдала ему весь янтарь на переработку. А деньги припрятала. В кабинете графа. От греха...

Впрочем, ни одного вора так и не нашлось.

Из Альтвера прибыл Эрик. Корабли встали на зимнюю стоянку.

Вирманин выполнил все поручения, а кроме того, привез несколько вполне симпатичных кобылок. И сильно разочаровал и Лилю и Мири, заявив, что лошадь носит жеребенка почти год. Так что к весне — никак-с... если только через год...

Лиля ругнулась и пообещала Мири, что в таком случае закажет ей аварца у Али. Чистокровного.

Девочка поверила.

Впрочем, последнее время она так привязалась к Лиле, что поверила бы и в луну с неба. Да и Лиля привязывалась к девочке.

Привез Эрик и письмо от Тория Авермаля. Вежливое, красивое... Суть которого можно было выразить в трех словах: «Всего, и побольше!!!»

Лиля и не сомневалась, что ее идеи имели успех. Да, мастерицам пришлось работать не разгибая спины месяц, а ей — постоянно править их работу, но в итоге несколько вещей для Тория, подарки королю, принцессам, свекрови и сестре мужа были готовы в рекордный срок.

Хотя Лиля понимала, что долго в таком авральном режиме не проработаешь. Поэтому распорядилась набрать по деревням несколько девочек-сирот. Для обучения и в помощь.

Вирманкам она собиралась преподавать другие навыки. Вязания, можно художественного. А кружево оставим для себя. Есть такое слово — монополия. Поэтому крючок и коклюшки мы никому не отдадим. А если куда соберемся переезжать — девушки поедут вместе с Лилей.

Об этом уже состоялся разговор с Тарисом Броком. И тот даже отписал Брокленду.

Пока Август еще не отозвался, но и Лиля, и Тарис были твердо уверены, что Август не откажется получить свою мастерскую. Для этого немного-то и надо. Снять дом, поселить там мастериц и исправно снабжать. Ну и платить. Лиля честно выплатила девушкам процент от прибыли, после чего поняла, что Марсия с подругами за нее и в огонь и в воду пойдут. Таких денег ни одна из них в руках не держала.

Девушки были тихо счастливы. А работа... работа просто горела у них в руках.

Сама Лиля могла связать крючком кружевную салфетку длиной в метр и шириной сантиметров тридцать за неделю. Марсия, например, управлялась за три-четыре дня. Видимо, разница была еще и в другом. Для Лили, еще в бытность ее Алей Скороленок, это никогда не было источником заработка. Скорее приятным развлечением. А вот когда от ловкости твоих рук зависит, не ляжешь ли ты спать сегодня голодной или тебя могут вообще выгнать на улицу...

Определенно это тренирует.

Стеклодувная мастерская работала и расширялась. Лиля распорядилась построить еще

несколько печей и пыталась вспомнить состав керамики.

Жизнь шла своим чередом.

Единственным исключением стало официальное приглашение весной ко двору от короля — куча виньеток и завитушек, громадная печать, слог, через который без пол-литры не продерешься. Все удивительно официально, мол, его величество желает вас видеть — и только попробуй отказаться, зараза!

И письмо от свекрови.

У Али, вопреки расхожему мнению, проблем со свекровью никогда не было. Галина Петровна, милейшая женщина, мать Лешки, считала, что сыну очень повезло. Дочь военного, медик, профессия полезная, девочка умная и верная... и чего еще надо?

И Алю любила искренне.

Аля отвечала ей взаимностью. А вот в этом мире... сколько девушка ни ворошила свою память, сколько ни расспрашивала — очень осторожно и с оглядкой Марту и Мири, — все было в ноль.

Создавалось ощущение, что свекровь относилась к детям как к щенкам. Родила и отдала на псарню. И отвяжитесь.

То же самое было и по отношению к Лиле. Лилиан Брокленд видела Алисию Иртон, в девичестве Уикскую, один раз. На свадьбе. И второй раз могла, кажется, увидеть на похоронах. Своих.

С таким-то мужем... так и хочется сказать, что итальянское «que bellino» не зря созвучно с русским «кобелино»!

Хоть дома бы не гадил. Пришлось после этого случая с отравлением расспросить всех остальных слуг на предмет любви с Джерисоном Иртоном, но вроде бы больше граф никого не огулял. Если только по деревням...

Ладно. Одним словом — письма от Алисии Лиля не ожидала. Там более такого.

«Любезная моя невестка.

Прослышав о бедственном твоём положении, решила написать тебе и предложить помощь. Буду рада видеть тебя весной в своём доме и рассказать тебе все, что требуется. Если же тебе нужны деньги или какая иная помощь — отпиши. Сделаю все, что в моих силах.

К сожалению, раньше мы не могли встречаться и общаться, как то пристало нашему положению, но льщу себя надеждой, что ты не питаешь ко мне неприязни...»

Не льстите, «маменька», мне вы параллельно. А вот с чего вы так прогнулись?

Сахарный сироп Лиля пропустила, практически не читая. А вот последние дворцовые сплетни сохранила. Да, ей плевать на этот гадючник. Было бы. Но придется туда ехать. Так скажешь какой-нибудь швабре «вы выглядите мочалкой», а она с герцогом спит. И будет означенный герцог гадить всю дорогу... Невыгодно.

Эх... вот философию преподавали! Нет бы искусство интриги! Или хотя бы Макиавелли зачитывали — Лиля не читала, но Элка ей весь мозг вынесла на тему интриганства...

А то два часа в неделю уходили на откровенную фигню! Которая медику никуда не уперлась. А важного-то и не дали...

Но теперь уже не исправишь. Надо учиться на ходу.

Его величество с нетерпением ожидал доклада Ганца Тримейна.

Ему действительно было интересно.

Письма из Иртона были слишком короткими, а происходящие события (убийство! работорговля! пираты! янтарь!!!) вызывали здоровое недоумение. Джес уверял, что самое лучшее в Иртоне — охота, а самое опасное — олени. Жизнь явно это опровергала.

Шел малый королевский прием. Если кто не знает — король в это время обычно изображает куклу на троне и разбирает всякую чушь. Важные дела напоказ не решаются. «Показуха» тоже необходима, но... скучно же, господа! И тошно! И тоскливо... Поэтому Эдоард искренне обрадовался, когда церемониймейстер стукнул посохом в пол и громко объявил:

— Ваше величество! Прибыл шевалье Ганц Тримейн и просит принять!

Придворные насторожились.

Эдоард махнул рукой:

— Проси.

Ганц был достаточно рассудительным человеком — и вряд ли станет говорить о чем-то серьезном среди толпы. Для этого есть кабинет. А если он ломится на прием — значит, надо.

Эдоард вообще старался давать своим людям свободу действий. И чаще всего это оправдывалось.

— Ваше величество! — Ганц стремительно ворвался в зал и склонился в глубоком поклоне.

Эдоард милостиво наклонил голову.

— Как дела в Иртоне, Ганц?

— Когда я оставлял поместье, ваше величество, все было благополучно. Доклад у меня с собой, и если ваше величество пожелает...

— Ты мне все доложишь после приема.

Эдоард поднял руку, намереваясь отпустить Ганца, но мужчина предупредил его жест:

— Ваше величество, простите ли вы мне мою дерзость?

— Что случилось? — заинтересовался Эдоард.

— Зная о приеме, я поспешил сюда, чтобы вручить подарки всем, кому прислала их графиня Иртон. С вашего позволения, ваше величество...

Ганц низко поклонился. Эдоард блеснул глазами.

Подарки? Вот как?

Если это нечто вроде того пера — получится интересно. Чем же графиня так заинтересовала Ганца, что тот... Ганц не нарушает никаких установлений, но графиню Иртон примутся обсуждать при дворе. Если подарки будут интересные — хорошо. Если скучные — она станет мишенью для насмешек.

Что ж...

— Пожалуйста. Я не буду возражать. Кому она передала подарки?

— Вам, ваше величество.

Эдоард кивнул. Это естественно.

— Их высочествам Анжелине и Джолиэтт.

Хм... еще любопытнее...

— Своей второй матушке, графине Алисии Иртон. И своей сестре Амалии Ивельен.

Эдоард удерживал на лице привычную высокомерную маску усилием воли.

— Вручайте, шевалье.

Ганц Тримейн хлопнул в ладоши.

Двери зала опять распахнулись. Двое слуг несли в руках большой сундук. За ними еще четверо несли четыре сундучка поменьше. Интересно, что там такое?

Ганц еще раз поклонился, и слуги поставили самый большой сундук у подножия трона. Шевалье снял с шеи большой ключ.

— Ваше величество...

Эдоард улыбнулся:

— Ганц, я король, но я и мужчина. Поэтому вручи сначала подарки нашим милым дамам. Иначе они сгорят от нетерпения.

Принцессы действительно вели себя как дети. Вытягивали шеи, смотрели с интересом...

И Ганц повиновался.

— Ваше высочество, принцесса Анжелина...

Сундучок, скорее даже большая коробка, был протянут принцессе. Такой же светловолосой, как ее отец. Впрочем, дочери Джессимин обе пошли в Эдоарда. Светловолосые, сероглазые, высокие для своего возраста...

— Ваше высочество, принцесса Джолиэтт...

Еще один поклон. И второй сундучок.

Девушки тут же распахнули их. В сторону отлетело белое полотно и пучок какой-то ароматной травы. А потом из коробки было извлечено невесомое бело-розово-золотое чудо.

Лиля поступила мудро, не подарив девушкам одинаковые вещи. У старшей принцессы на белом фоне цвели розовые с золотом цветы. У младшей на розовом фоне летели золотые птицы.

С первого взгляда кажется сложным. Но Лиля очень давно вязала салфетки с этими узорами. И знала об их простоте.

А стыки ниток были замаскированы вплетенными янтарными бусинами. С подачи Лили Хельке отшлифовал их не круглыми, а плоскими и овальными. Оставалось вписать их в рисунок, но с этим справились мастерицы. Над этими двумя изделиями много просидела и сама Лиля. Исправляя, подтягивая, пока не получилось красиво.

Девушки только ахнули.

Два тяжелых гребня, украшенных янтарем, удостоились внимания только через несколько минут.

— Н-но...

Анжелина попыталась воткнуть гребень в волосы, но Ганц взмахнул рукой:

— Ваше высочество, вы позволите показать, как это правильно носится?

Была призвана одна из фрейлин, в несколько секунд сооружен узел из волос — и гребень с мантилей заняли свое место. После этого принцессам потребовалось ровно пять минут. Девушки ахали и радовались словно дети. Его величество улыбался. Надоевший прием превратился в забавное зрелище. Да и дочерей Эдоард любил. И был счастлив видеть их такими — веселыми и беззаботными.

Мантильями дело не ограничилось. Два кружевных пояса тоже заняли свое место.

Вспорхнули два расписных веера, после объяснений Ганца принцессы оценили и красоту и удобство. И в довершение всего на свет появились два зеркальца из стекла. Совсем небольшие, сантиметров десять в диаметре, в тяжелой металлической оправе...

Принцессы погляделись — и только воспитание не позволило им завизжать от восторга.

Эдоард покачал головой.

— Ганц, графиня угодила моим девочкам... Это ты ей подсказал?

Во всеобщем шуме и гуле его услышал только стоящий рядом Ганц. И поклонился.

— Ваше величество, поверьте, Лилиан Иртон — очаровательная и умная молодая женщина. Все, что подарено принцессам, выполнено под ее чутким руководством. Она вложила свою душу в эти вещи не из желания снискать вашу милость. Но из желания сделать приятное девочкам...

— Девочкам?

— Ваше величество, я передаю ее слова. Графиня сказала, что ищет не милости, но справедливости. А девочкам надо дарить подарки. Она обожает детей, а падчерица обожает графиню...

— Миранда Кэтрин хорошо себя чувствует?

— Более чем, ваше величество. Счастливее ребенка я не видел. Графиня заботится о ней, обучает, воспитывает, но при этом балует и любит.

— У нее получается это совмещать?

— Это очень талантливая молодая женщина, ваше величество. Я с нетерпением жду, когда смогу рассказать вам о ней подробно.

— Ганц, ты меня интригуешь...

Эдоард улыбался. Как любой отец, он рад был видеть дочерей счастливыми. А сейчас они были именно такими.

— Девочки, полагаю, вы можете идти вместе со своими игрушками?

Принцессы послушно выполнили придворные поклоны и скрылись, сопровождаемые свитой из придворных дам. А ведь были еще подарки для Алисии Иртон и для Амалии Ивельен.

И если Амалии при дворе не было, то Алисия, Ганц не сомневался, откроет свой подарок сейчас же.

И тоже не останется разочарована.

Алисия Иртон скользнула в свои покои. Двое слуг шли за ней. Она ушла тихо, пока все были заняты шальями, кружевными поясами и чудо-зеркалами. Ей не хотелось распаковывать подарок прилюдно. Ведь если он окажется роскошнее того, что послано принцессам, или даже вровень с ними — это будет оскорблением. Пусть незначительным, но...

Ее невестка неплохо начала. Не надо это портить. Даже пустяком.

Алисия скользнула пальцами по крышке сундучка.

Приоткрыла.

Коротенькая записка. Даже не письмо, нет. Просто записка.

«В знак признательности и искренней симпатии.

Признательности? Симпатии? Алисия пожала плечами. И принялась разворачивать подарки.

А спустя пятнадцать минут признала, что ее невестка неглупа.

Сундучок выпустил из своих недр шаль. Кружевную, невероятно тонкую, но явно — шаль. Алисия удовлетворенно кивнула. Действительно, тяжелые украшения на голову ей ни к чему, не тот возраст, а холода иногда мучают. Это же чудо, словно сплетенное из морской пены, было достаточно теплым.

Алисия не могла знать, что Лиля долго копалась в своих запасах, пока не отобрала самую тонкую шерстяную нить. Переплела ее с шелковой голубой из своих запасов — и связала самую простенькую сетку. Но достаточно плотную и с красивым геометрическим узором. Вставки из янтаря в этот раз не делались. Ни к чему. Не те цвета.

Зато кружево было украшено вырезами и бахромой по краю.

Таким же был и пояс в тон. Только более широкий, чем у принцесс.

Веер был достаточно скромным, но расписан со вкусом. В универсальных серебристых тонах. Алисия также стала счастливой обладательницей зеркала. Только чуть поменьше, чем у принцесс.

Женщина собиралась уже отложить сундучок, но увидела, что из-под красного бархата дна выглядывает что-то белое. Осторожно потянула ногтями. И красное отошло в сторону.

Алисия только усмехнулась. М-да. А невестка совсем не дура.

На людях она бы этого не достала. А вот сейчас...

Подарок был просто неприлично дорогим. Тяжелые серьги, кольцо, брошь, браслет и кольцо с янтарем.

Простеньким. Изыск был в цветах. Медовый, алый, белый — три цвета переплетались в украшениях, делая их королевским подарком.

«Старая гадюка» примерила их. Усмехнулась. Осторожно опустила в шкатулку.

Она обязательно наденет украшения. На бал. Но не сразу, вовсе не сразу...

И внимательно приглядится к невестке. Его величество прав. Лилиан Иртон заслуживает самого пристального внимания.

Эдоард смотрел на Ганца. В другое время он предпочел бы начать с доклада. Но... Лилиан Иртон крепко раздражила и его любопытство. И ему хотелось узнать, что же графиня припасла для короля. Человека, от которого зависит ее благополучие, да и сама жизнь. Поэтому он кивнул Ганцу:

— Что ж, открывай...

Доклад можно и чуть позже послушать. Не сбежит.

Ганц поклонился:

— Ваше величество, с вашего позволения...

И нагнулся над замком сундука, пряча улыбку.

Спустя пять минут король подумал, что Лилиан Иртон определенно умна.

Кружево было преподнесено и ему. Кружевной воротник и манжеты. Белые, с золотой

нитью, они были обильно украшены янтарем. И производили впечатление.

Эдоард подумал, что обязательно станет это носить.

А там, глядишь, и в моду войдет. Так что графиня Иртон приобретет себе союзников задолго до приезда.

Это кружево Лиля вообще плела сама. Коклюшки — сложно? Да. Для тех, кто не умеет с ними работать, это адские муки. Но если руки привыкли, они уже никогда не потеряют навыка. Сплести, перевить, опять сплести — и так до тех пор, пока не кончится нить. Вплести бусины. И четко следовать узору.

Сложнее всего было с иглоками, которых требовалось несметное количество, но Лиля наловчилась использовать вместо них рыбы кости — и дело пошло.

— Это плела графиня?

— Да. Я сам видел. И просила принять как знак уважения.

Король усмехнулся. Уважения! Да она на этом кружеве прорву денег заработает. А этот подарок... Намек он понял. Лилиан была готова делиться в обмен на покровительство.

— Графиня талантлива. Безусловно.

Ганц с поклоном извлек из сундука деревянную коробку.

— Ваше величество, графиня надеется, что эта игра заслужит хотя бы проблеск внимания с вашей стороны.

— Игра?

— Вы разрешите показать, ваше величество?

Ганц положил коробку на стол. Его величество мимоходом оценил ее. Дуб. Дорогой, темный, полированное дерево...

Поверхность украшена выжженными узорами в стиле ханганов. И короткая надпись.

— Нар... ды?

— Так называется эта игра, ваше величество.

Ганц откинул крючок сбоку коробки. Достал оттуда две коробочки поменьше. И открыл одну.

Эдоард невольно покачал головой. Кружки. Из белого янтаря. И из красного. Ровно пятнадцать.

— На всякий случай есть запасные. — Ганц продемонстрировал еще один такой же набор фишек. И два кубика. Из дуба. Каждый с шестью гранями. — Вы позволите, ваше величество?

Эдоард кивнул. Ему было откровенно любопытно. По-детски любопытно. Впервые за долгое время. И он собирался получить максимум удовольствия от подарка.

Ганц сноровисто расставил фишки и принялся объяснять правила. Показал пергамент, на котором они были записаны.

Эдоард кивнул.

И игра началась.

Первую партию Эдоард выиграл, потому что был королем. Ганц поддавался — и он это видел.

Вторую — уже почти самостоятельно.

Третья партия стала настоящей битвой. Но Эдоард таки запер две фишки противника и

довольно улыбнулся.

— Хорошее развлечение...

— Графиня надеется, что эта игра послужит для вашего отдыха.

Вообще-то Лиля сначала собиралась подарить шахматы. Но передумала. Во-первых, игра сложная. Во-вторых, к шахматам необходим шахматист. Так что это можно приберечь до ее появления при дворе. А играла она неплохо. Шашки, шахматы, нарды, головоломки... единственное, что ее отец ненавидел всей душой, это карты. Их дома никогда не было. Но во что-то ведь играть ребенку надо?

Вот и выучилась постепенно. Даже в кружок полгода ходила. Интересно же...

В-третьих, вырезать шахматы на порядок сложнее. Не уложились бы в график. А вот до весны — успеем...

Поэтому остановилась на нардах. Тоже та еще зараза. И в два дня заразила ими Ганца.

Наконец Эдоард отвлекся от доски и кивнул Ганцу. Мужчина послушно склонился над сундучком. И извлек из него еще одну коробку.

Самое большое зеркало, которое удалось изготовить Лиле, было размером с форточку. То есть сантиметров тридцать по диагонали. Но здесь и такие были невидалью. Его Лиля и предназначила в подарок королю.

Тяжелая рама с обязательным крестом, удобная подставка по типу тех, на которые ставят учебники, — все это было исполнено Хельке из серебра. Можно бы и золотое, но материала банально не хватило. Зато янтарь смотрелся теплыми вкраплениями солнышка, зрительно смягчая холод металла.

Эдоард рассматривал себя несколько минут. Да, полированному металлу далеко до этого...

— Это...

— Стекло, ваше величество. Графиня нашла в старых книгах описание этого способа.

— Стекло?

— Да. Оно разобьется, если его уронить. Поэтому перевозилось с большой осторожностью.

Его величество подумал, что такие вещи будут по карману лишь избранным. Сначала — точно.

— Как много таких... стекол можно делать?

— При наличии материала — неограниченно.

— Кто-то знает секрет?

— Только ее сиятельство и двое мастеров.

— Отлично.

— И... еще вот это, ваше величество.

Хельке превзошел сам себя. Кубок был золотой оправой для пластин янтаря. Алого, белого, золотого... и впечатление это производило потрясающее.

Эдоард понял, что он на крючке.

— Ваше величество, коронную долю янтаря я уже сдал в казначейство.

— В Иртоне есть алый и белый янтарь?

— Нет, ваше величество.

— Нет? Но...

— Графиня нашла секрет превращения обычного янтаря в алый и белый. Он становится более хрупким, но ведь никто не станет бить по нему кувалдой?

Эдоард только головой покачал.

— Графиня сделала все, чтобы о ней заговорили...

— Она боится, ваше величество.

— Боится?

— Ее несколько раз пытались убить, ваше величество. И... пока я не забыл — вот это.

— Что это? Доклад?

— Нет, ваше величество. Простите мне мою дерзость, но полагаю, что вы сумеете этим распорядиться.

Эдоард привычным движением развернул пергамент. Вчитался. И присвистнул.

Лилиан Иртон описывала технологию выпаривания соли из морской воды. Вполне простую и доступную.

Соль в Ативерне была. Но мало. И не слишком высокого качества. Соляные копи были только в одном месте, на границе с Уэльстером. Соль добывалась на треть с землей — и приходилось ввозить ее из-за границы. Что не радовало. Уэльстерцы и авестерцы ломали за нее бешенные деньги, Эдоард злился, но платил. Как и все остальные. А теперь...

— Если графиня действительно...

— Ваше величество, клянусь — я сам присутствовал при этом. Во владениях графини стоит солеварня, полученной солью солят рыбу — и получается намного вкуснее.

— Ладно. Я распоряжусь. А пока молчи про этот свиток.

Графиня сделала все, чтобы ее не считали дурой. Глупая женщина так не поступит. И таких подарков не пришлет.

Сверкнул янтарь. Ладно! Делу — время.

Эдоард отодвинул в сторону кубок. Подарки вручены. Начинался доклад.

И доклад не радовал.

Ганц честно и подробно рассказывал о воровстве управляющего, о том, в какой разрухе был Иртон, как состоялось первое покушение на графиню, как заявили работорговцы, как Лилиан Иртон пыталась защитить и себя и падчерицу, наняв вирман, как нашелся янтарь...

Король только за голову хватался.

Да уж...

Джерисон и близко ни о чем таком не упоминал. Да, замок не в идеальном состоянии — так что ж? Каким ему и быть, если воевать не с кем, а отремонтировать и некогда и неохота. Кому там кто в глуши нужен?

А вот, оказывается, нужен.

Ганц предъявил в доказательство двойную бухгалтерию Эдора. Протоколы допроса солдата, пиратов и семейства Грисмо. Сообщил, что все виновные уже определены в тюрьму.

Когда он замолчал, Эдоард принялся машинально чертить на листке бумаги. Тем самым пером из Иртона. Удобная штука...

— М-да... Ганц, а твои личные впечатления от графини? Что бы ты о ней сказал? Глупа? Скандальна?

Эдоард понимал, что его вопросы нелогичны в свете всего представленного. Но... почему Джес так отзывался о жене?!

Ганц позволил себе легкую улыбку.

— Госпожа графиня — очень умная и добрая женщина. Скандальна? Никогда, ваше величество, я не слышал, чтобы она даже голос повысила.

— Ее муж другого мнения...

Улыбка Ганца стала откровенно ехидной. Джерисону Иртону он ни разу не сочувствовал. Еще чего!

Заносчивый, самодовольный красавчик раздражал всех окружающих. Ганцу иногда хотелось устроить графу несчастный случай, настолько непоколебимо Джес был уверен в своем превосходстве. Да, у него были предпосылки для этого. Молодость, красота, богатство... даже определенные таланты. Но... будь ты хоть Альдоной — если думать, что все остальные черви, рано или поздно огребешь. И Ганц наслаждался своим триумфом. Хотя и небольшим.

— Ваше величество, возможно, лучше об этом расскажет сама графиня? Я могу изложить только то, чему был свидетелем...

И Ганц еще о многом умалчивал. Ни к чему рассказывать ни о лекарях, ни о том, как графиня сама перевязывала раны, ни о ханганах, ни о том, что вирмане скорее друзья, чем наемники...

Ни к чему... это не касается его поручения. А вот хозяйственность и мудрость графини он расхвалил по полной программе.

Эдоард слушал, мрачней с каждой минутой. Уточнял подробности, переспрашивал... А когда Ганц наконец выговорился, — кивнул:

— Скажи секретарю, что я приказал устроить тебя во дворце. Я пришлю за тобой.

Ганц раскланялся и исчез за дверью.

Его величество задумчиво повертел в руках кубок. Почти произведение искусства.

Красиво. И умно.

Несколько подарков из тех, которые часто будут рядом с ним. Кубок ему понравился. Игра позабавила. Кружево восхищало тонкостью и изяществом работы. Будь ты хоть трижды король... разве это плохо — такие украшения? Ничего лишнего. Все очень просто и красиво.

А зеркало и соль... Лилиан как бы намекала, что знает многое.

Но как?! Как это могло увязаться?

Джес уверяет, что в Иртоне все в порядке?

Там обнаруживается вор-управляющий, работорговцы и янтарный пласт.

Говорит, что Лилиан — глупа и истерична?

А Ганц (и король сейчас верил ему больше, чем сыну) всячески расхваливает графиню. Уверяет, что Миранда Кэтрин ее обожает. Да и ее решения... такие не примет дура и истеричка.

А эти новинки?

Даже если графиня где-то прочитала и запомнила... Простите — сделать тоже не так

легко.

И кружево...

Его величество представлял, сколько труда в него вложено. И это точно Лилиан Иртон. Больше такого нигде нету.

Что же получается?

Джес врет? Или всерьез не видит того, что у него под носом? Не желает видеть?

А покушение на его жену, нет, ну наглость какая! Эдоард решительно настроился заполучить верфи Августа — с корабелем во главе производства. А тут все ставится под угрозу, потому что Джес огулял не ту кобылку и не натянул поводья.

К супружеским изменам Эдоард был терпим (сам грешен). Но Джессимин в жизни не мечтала отравить Имоджин и стать королевой.

Так-то... да спал бы мальчишка с кем хотел! Но сразу оговорил, что, мол, жениться не собираюсь. Есть жена, нет жены... Ты — не в очереди!

И все было бы в порядке.

Эдоард коснулся колокольчика. Вошел слуга.

— Капитана стражи ко мне.

И когда тот явился, отдал кратенькое приказание.

Взять за химок кузена Аделаиды Вельс и выбить из него всю правду о покушениях. Можно — ногами. Что вообще за наглость — к графине убийц подсылать?! Кто ты такой?!

Эдоард собирался разобраться в этом. А пока...

Его величество придвинул к себе пергамент.

Погоди у меня, сынок... Решил, что самым умным стал? А такой бриллиант под своим носом проглядел?

И в такую навозную кучу его засунул... будет тебе на орехи с повидлом!

Торий Авермаль сердито посмотрел на супругу.

— Нет, нет и нет. Я разрешил тебе оставить то, что графиня подарила нам. Но остальное...

— Но Мариэтта теперь на меня обижена!

Торий рассмеялся:

— Милая, твоей Мариэтте это просто не по карману! Пусть дуется, сколько пожелает. Зато ты сможешь купить себе новое платье у Марион Альси...

Супруга немного погневалась, но перспектива покупки нового шикарного (а то ж!) платья, при виде которого подруга позеленеет от зависти еще больше, заставила ее смягчиться.

— А кому продал ты?!

— Уэльстерскому купцу. Ивернейскому дворянину. Хангану.

— Так много?

— Милая, у одного человека не хватило бы денег заплатить за эти диковины. За одно зеркало мне дали четыре его веса золотом! А что мне даст твоя Мариэтта? И ее муж-безземельник?

Супруга надула губы. Но уже не гневалась. А сам Торий тем более не был настроен на домашний скандал. Ему перепало немало золота, а что уж говорить о Лилиан Иртон? Даже страшно посылать такую кучу денег в Иртон. Но Торий собирался рассчитаться с ней абсолютно честно. Таких женщин не обманывают. Они сами на вес золота.

Спустя десять дней Ганц опять стоял перед его величеством.

Эдоард был весьма недоволен.

— Куда мог деться этот лекаришка?

— Как в воду канул.

Ганц не удивился бы, узнав правду. Докторус Крейби действительно канул. И именно в воду. В ней очень удобно прятать трупы. Рыбы — существа голодные и небрезгливые.

А его наниматель не мог допустить лишних разговоров. Так что спустя примерно дней двадцать после возвращения из Иртона докторус получил предложение о работе. Поехал в поместье к нанимателю. Ну и...

Вы же понимаете, дороги нынче небезопасны...

Ганц этого знать не мог. Он безуспешно пытался найти докторуса. Вместе со всей королевской службой. Увы...

Чуть легче было с кузеном Аделаиды Вельс.

Парня взяли почти сразу. И допросили с применением всех доступных средств (щипцы, клещи, каленое железо и прочее). Алекс героем не был. И раскололся почти сразу. Хотя серьезно его пока не спрашивали. Всему свое время.

Да, покушался. Нанимал. Мечтал.

Зачем? Хотел сделать кузину честной женщиной. Вполне законное желание. А чего этот гад Иртон... Тут обвиняемого немного поправили с помощью раскаленного железа, но Джерисон Иртон все равно не избежал королевского недовольства.

Думать же надо, какие надежды подавать бабам!

И не тем самым местом, которое им показываешь!

Поросенок!

Алекса, конечно, повесят, но вот что делать с его кузиной?

Она никого не заказывала, убить не хотела... а за намерения и мечты не повесишь (письма Алекс предусмотрительно сжигал, решив, что для компромата и интимной близости за глаза хватит).

Эдоард склонялся к тому, что надо отозвать девицу из посольства. Но... не хотелось бы выносить сор из избы.

Ладно. Пусть погуляет. Только надо написать Джерисону. И пусть присмотрит за своей игрушкой. Если что — с него и спросим по полной программе.

Или убить?

Надо подумать...

Все равно Джесу надо написать еще раз... Получишь ты у меня, сопляк!

И Фалиону. Пусть приглядит за девкой.

Ганцу тоже досталось на орехи.

— Ищите лекаря. И как можно тщательнее. Перетряхните его знакомых, выясните, у

кого он работал... еще учить вас не хватало!

Ганц поклялся найти и разобраться. И откланялся.

Предстояло ужасно много работы. И он собирался выполнить ее качественно. Не ради благодарности Лилиан Иртон, нет. А просто из симпатии к женщине, которая оказалась в сложном положении. И борется за свою жизнь.

Амалия Ивелъен с интересом посмотрела на коробку.

Подарок от Лилиан?

— Что там может быть?

— Что-нибудь глупое, — фыркнул Питер. — На что еще способна эта корова?

Амалия пожала плечами:

— Конечно, ты прав. Надо бы послать ей что-нибудь...

Питер фыркнул еще раз. Но спорить не стал:

— Как пожелаешь, дорогая.

Амалия скучающе приоткрыла коробку. И ахнула:

— Питер!!!

Мужчина посмотрел на то, что свисало с рук жены. Вскинул брови.

Кружево. Тонкое, широкое... Он примерно представлял, сколько такое может стоить. Королевский подарок, иначе не скажешь. За такое золотом платят, выкладывают монеты в несколько слоев, пока те не закроют полностью кружево, — и считают, что дешево дали.

— Что это?

Длинный шарф. Легкий и изящный. Летящие кружевные птицы. Розовое и голубое.

— Красиво... — восхищенно протянула Амалия. — Пит, где она взяла такую прелесть?

— Полагаю, об этом надо спросить у Августа. Но тебе пойдет, дорогая...

Кружево действительно очень шло Амалии, оттеняя синие глаза и темные волосы.

— А что там еще? — невольно заинтересовался Питер.

Амалия кивнула. И извлекла из сундучка небольшое зеркало в тяжелой оправе.

— Зеркало? Альдонай!!! Питер!!!

Питер посмотрел. И искренне изумился:

— Это — зеркало?

— Стекло?!

Супруги были поражены четкостью отражения. Яркостью, ясностью, точностью...

— Никогда о таком не слышал.

— Думаешь, это тоже Август?

— Я поговорю с ним, — пообещал изрядно озадаченный Питер.

А Амалия извлекла последний предмет.

— Невероятно!

Алый и белый янтарь причудливо сочетались в броши.

— Питер, откуда это?

— Там еще письмо, дорогая...

Амалия послушно извлекла свиток.

«Милая Амалия.

Посылаю тебе эти приятные мелочи как подарок к рождению ребенка. Полагаю, они дойдут как раз вовремя. Весной я приеду ко двору и буду рада общению с тобой.

С искренней симпатией и надеждой на дружбу,

Печать. Витиеватая подпись.

Амалия хлопнула ресницами:

— Питер, я ничего не понимаю. Это — та самая тупая корова?

Питер развел руками. Он тоже ничего не понимал.

Письмо Фреду Дарси.

«Что с коровой? Что происходит в Иртоне? Она переписывается с отцом? Сообщите срочно».

Глава 3

ДОБРЫЕ СОСЕДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Время летело незаметно. Выпал первый снег. Легкий и пушистый. И Лиля радовалась ему как ребенок.

Работали мастерские, шкодила Мири... Все шло ровно и размеренно. Пока однажды утром Лиля не обнаружила во дворе замка десяток крестьян — как мужчин, так и женщин. Они все стояли на коленях и, судя по виду, собирались пустить здесь корни. А завидев ее, согнулись так, что чуть не уперлись носами в землю.

— Ну и что происходит? — поинтересовалась Лиля у ближайшего стражника.

— Так известно что, ваш-сиятельство... крестьяне вот. Пришли справедливости искать...

— У меня?

Упс...

Лиля была бы искренне удивлена, узнав о своей репутации среди крестьян. Что-то вроде блаженной, но милостивой и справедливой. Почему так?

Причины были.

Первое, Лиля действительно улучшила быт деревни. Закупила посевное зерно, и все крестьяне смогли оставить себе урожай. Отменила барщину. Правда, вместо работы на поле взяла другими работами. Но там сытно кормили и даже платили денюжку! Что вообще было неслыханно.

С одной стороны, скотину она по деревням не раздавала. С другой — все местные коровы были покрыты быком, и хорошим. Привезенную скотину по дворам не раздавали. Но польза была и от нее.

Были указаны семьи, которые каждые два дня приходили на скотный двор замка и получали кувшин козьего или коровьего молока. Тоже подспорье немалое. Хоть детей напоить.

Самых бедных графиня распорядилась подкармливать с замковой же кухни. Да, что-то невероятное там не давали. Но раз в пять дней привозили корзину с хлебом, овощами, рыбой... хватало к имеющемуся... в эту зиму никто не умрет с голоду.

За списки и пометки что кому крестьяне должны были сказать спасибо Ингрид и Лейфу. Это вирмане объездили все села, они же и рассказали графине, что кому необходимо. Но этого крестьяне не знали. И искренне благодарили добрую графиню, которая наняла девок-сирот прислугой в замок. И взяла в обучение швейному ремеслу девок из семей, где их и так было по пять-шесть... родители не успевали молитвы возносить за здоровье графини. А что, плохо?

Ребенок в замке, сыт-обут, да еще и дело в руках, а им все лишний рот не кормить... да и раз в десять дней таких девочек отпускали домой на один день. И та, кто успешнее всех выполнила урок, приносила домой гостинцы. Так что старались девчонки не за страх, а за совесть.

А еще был новый храм. И солеварня. И ловля-заготовка рыбы.

И работорговцы в этом году получили по носу. Не было ни изнасилованных женщин, ни украденных дочерей, ни убитых мужчин, ни грабежа... что весьма радовало крестьянские сердца.

Правда, две деревни лишились старост, так ведь за дело...

Тут уже постаралась Эмма, распутившая по замку самые достоверные слухи, а девочки, отпускаемые на выходные, передали их родным. И скоро все знали, что Эрк (негодяй какой!!!) был в сговоре с пиратами. А Фред вообще отравить графинюшку пытался (да как коварно-то! Когда от нее только-только польза для общества появилась! Злодей!!!).

Графиней все были довольны. И решили прийти к ней на суд.

Может быть, и не решились бы, но тут дело было сложное, жертва была из одной деревни, ответчик из другой... так что лучше пусть господский суд, чем стенка на стенку.

Арт (а он и был зачинщиком всего этого дела) крепко подозревал, что рассудит графиня более-менее честно, а вот самосуда не одобрит. И полетят головы. С него первого — он же староста!

Так что стоило Лиле выйти во двор, как весь коллектив упал ей в ноги. И выбора у графини не осталось. Придется судить...

Судилище состоялось спустя двадцать минут в малой столовой, которую ради этого слегка переоборудовали. Переставили стулья и соорудили удобное место для Лилиан, чтобы она казалась величественной. Зажгли свечи, задрапировали кресло (розовым, все равно ничего круче не нашлось) и пустили наконец «ходовков».

Крестьяне сильно робели — и дело принялся излагать Арт.

Яблоновицы и Ручейка. Две деревеньки. От одной до другой три часа пути. Если верхом. Вот и нашелся... ездок.

В Яблоновицах жила симпатичная вдова. Трое детей, крепкое хозяйство, многие заглядывались. А сама вдова загляделась на парня из Ручейки. А ведь это ж неправильно! Своих парней мало?

Как оказалось, мало. В итоге лихой ездок стал гостевать чуть не каждую вторую ночь у своей зазнобы. Ну и попался.

Сначала ему хотели пересчитать кости. Потом вдова начала орать, что бросится в ноги графине, и настроение толпы поменялось. И тут, как на грех, выступила еще одна девица. С заявлением, что беременна от «ездуна». Вдова едва не разодрала ей лицо, но родители отбили.

И возник вопрос: чей мужик?

Ездок все отрицал, мол, к девке не ездил, не был, не участвовал...

Родители были возмущены до глубины души.

Вдова тоже — мол, тут самой едва хватает, а он еще к кому-то нацелился?

Одним словом, еще немного, и деревни бы переругались насмерть. Поэтому решено было пойти к графине. Чтобы она выяснила, кто, чего, кого, когда и даже какими методами. Ну и вынесла решение.

Лиля только головой покачала. И принялась допрашивать всех по очереди.

Вдова — крепкая тетка лет тридцати пяти (значит, здесь ей на десятку меньше, Лиля-то до сих пор мерила мерками двадцать первого века) клялась и божилась, что ездил парень только к ней. Но... она же с ним под ручку все время не ходила?

Может, к ней. Может, и не только к ней.

Сам мужик, товарищ по имени Томми, достаточно симпатичный в свои сорок (тоже небось не больше тридцатки), не отрицал, что Мариан, вдова, ему нравится. Да, ездил. Да, втихую. Но в любой момент готов с ней под венец.

Девицу? Не было! Не знал и не участвовал! Да на кой ему та селедка?

Лиля вздохнула. И принялась за девицу.

Та тоже боялась. Но держалась твердо. Он — и все тут. И никаких!

Кто бы ни врал — выяснить истину Лиля пока не могла. Это не Россия, где можно подождать до рождения ребенка и сделать ДНК-тест. Тут надо решить сегодня и сейчас.

Иначе наезды будут по максимуму... Она на такое не согласна. Но как выяснить? Приказать вирманам заняться? Калечить ни в чем не повинных людей? Ну-ну... Сыворотку бы правды сюда. Ан — нету. Хотя...

— Шевалье Авельс?

— Ваше сиятельство? — Лонс, как обычно пребывающий за плечом Лириан, тут же склонился к графине.

И Лиля быстро зашептала. Мужчина послушал, кивнул и вышел, поманив за собой обвиняемого. Тот посмотрел на графиню и после кивка пошел за Авельсом.

А Лиля посмотрела на баб.

— Сейчас вас разведут по разным углам. И там вы расскажете мне, имеются ли у вашего полюбовника какие-нибудь шрамы или метки. Каждая. Так, чтобы другая не слышала. Потом я сообщу шевалье Авельсу — и тот проверит. А если кто-то соврет или орать начнет... пеняйте на себя.

Крестьяне переглянулись. Кажется, такой метод решения вопроса им в голову не приходил. Но это и понятно. Мозги под другое заточены. Лиля бы не взялась сама корову доить, а они бы не провели расследование.

Вирмане послушно развели баб по углам комнаты, и Лиля, подумав, подошла сначала к вдове.

— Мариан, скажи мне, есть ли у Томми какие шрамы?

Вдова закивала:

— Есть один. Он маленьким был, присел по делу, а там гадюка. Отец ему ножом укус вырезал... слева, пониже спины...

— Только один?

Мариан подумала и кивнула. По ее словам — мелкие тоже были, но таких у кого нет? Лиля тоже подумала и кивнула. У ее подруги жил жутко царапучий кот — вот та и ходила полгода в шрамах. А потом на летнем солнышке они рассасывались.

Тот же вопрос был задан беременной девушке. Та уверенно заявила, что шрам есть — на плече. Она-де его нащупала.

Сведения были переданы Лонсу Авельсу. И шевалье подтвердил, что шрам есть. Пониже спины. На плече шрама не было.

Лиля нахмурилась. И всерьез взялась за девицу.

Обещания пропустить ее по кругу через весь отряд вирман (у них это энтузиазма не вызвало), выпороть на конюшне и выгнать в Альтвер для работы по специальности хватило.

Девица вся в соплях призналась, что так и так. Беременна. От старшего сына Грисмо. Ну а когда его... того-с вместе с папашей, она и растерялась. Отец-то ребенку нужен...

Лиля чертыхнулась. А потом вдруг едко ослабилась. Выход нашелся. Она вернулась в зал, уселась и кивнула Лонсу.

— Решение ее сиятельства! — торжественно возвестил мужчина.

— Том и Мариан. Не хотите ли пожениться?

Мужчина и женщина переглянулись. Том словно спрашивал у своей зазнобы: «Да?» и получил положительный ответ. Лиля поняла его вполне однозначно.

— Пастор Воплер вас обвенчает. Чтобы блуд не творился. Где жить — решайте.

— У меня, — решил Том. — В Ручейке.

Лиля кивнула.

— Далее. Ирия, — так звали девицу, — беременна от другого мужчины. Который совершил преступление против меня и графства Иртон...

Суровый мужик, стоящий рядом с девицей, отвесил ей крепкую затрещину.

— ...Но поскольку я не хочу лишних смертей, будет по моему слову. Мариан, если ты переедешь в Ручейку, кому достанется дом?

— Н-никому, ваше сиятельство.

— Я выкуплю его у тебя. За честную цену. Это будет твоим приданым.

Мариан расплылась в счастливой улыбке.

— А дом будет принадлежать Ирии. На простых условиях. Если найдется тот, кто на ней женится, — это будет приданым. Если нет — пусть живет одна. Как пожелает. Это дело деревни, как поступить с гулящими лгуньями. Тем более такими.

Жалости к девице Лиля не испытывала. И глядя, как уходят крестьяне, вдруг ощутила... гордость?

Нет. Удовлетворение от хорошо проделанной работы.

Моя земля. Мои люди.

Мири, которая присутствовала на суде от начала и до конца, посмотрела на Лилию с новым выражением.

— А мне так тоже придется? Когда вырасту?

— Только если рядом не будет надежного мужа. Но если что — да. Учись, пока я рядом.

Мири согласно кивнула. Учиться она не боялась. И всегда была готова.

Моя... дочь?

Джерисон, граф Иртон пробежал глазами письмо из дома.

И выругался. Ничего особо приятного, м-да...

— Что случилось? — подал голос с кровати Рик. Он еще был достаточно слаб, но горячка спала, и докторусы уверенно говорили, что принц скоро выздоровеет.

— Что-что... Помнишь, писали, что моя корова скинула? Все подтвердилось. Миранда доехала до Иртона, это, конечно, хорошо. Отписали управляющему моими делами в столице. Но вот то, что мне придется туда ехать ближе к осени...

— Сочувствую.

— Толку от твоего сочувствия! — вспылил Джес. — Мне опять с ней в кровать ложиться! — И покривился, вспомнив супругу. — Гадство какое!!!

— Ничего, стиснешь зубы и перетерпишь, — фыркнул Рик. — Чай не в печку совать...

Джес выразительно посмотрел на друга и принялся за письмо.

— Миранда жива и здорова, и то хорошо. Деньги в поместье отправлены.

— Не понял? А зачем? Там же у тебя управляющий? Что он, налоги не собирает?

Джес только рукой махнул:

— Да тех налогов с той дыры... мне еще присылать приходится. Эдор приезжает в Альтвер к моему доверенному, закупает все необходимое и везет в Иртон.

— А чего ты Иртон не облагородишь?

Эта тема между друзьями раньше не поднималась. Не до того было.

— А зачем?

— Родовое поместье все-таки.

— Захолустье у Мальдонаи в... — грубовато выразился Джес. И скорректировал: — Вот смотри. У меня дом в столице, небольшое поместье под столицей, все дела в торговле, ну еще мой полк... за каким... мне та глушь? К тому же там еще бабка жила до недавнего времени...

— И что?

— Старая дрянь терпеть не могла ни отца, ни меня, ни Амалию... я помню, один раз он нас привез туда, так бабка орала, чуть ставни визгом не поносило. Отец вышел бледный от злости, хлопнул дверью — и увез нас обратно.

— А ты сам потом не пытался выяснить?

Джес фыркнул:

— Да все бабы — дуры. И Мальдоная в их головах ногу ломит.

— Зря ты так. — Рик был задумчив.

— Есть, конечно, исключения. Но я таких до сих пор не видел.

— Что, и Адель?

— Я же говорю — все. Сколько живу — ну разве что мать не совсем, ну и Амалия. А остальные... курицы!

Рик только покачал головой. На языке у принца крутилось, что Джес совершенно зря так самонадеян.

Женщины избаловали его.

Красота, молодость, богатство, близость к трону — совершенно неотразимое сочетание. Но рано или поздно Джес наткнется на ту единственную, которая окажется достойным противником.

И Рик очень хотелось на это посмотреть.

Письмо лежало на столе перед Эдоардом. И он внимательно перечитывал его, словно стараясь разглядеть за простыми словами человека.

Вот она нажала чуть сильнее, едва не прорвав пергамент, — нервничала? Вот зачерпнула чернила на перо — и строчки получились жирнее. А тут перо в раздражении скребнуло по бумаге. Злилась? Устала переписывать?

Ганц упоминал, что графиня писала письмо не один день.

Думала, подбирала слова, советовалась с тем же Ганцем...

«Ваше величество.

Разрешите мне изложить состояние дел в поместье Иртон. Я знаю, что лэйр Ганц представит вам свой доклад, а посему не стану отнимать ваше бесценное время своими глупыми измышлениями и напишу лишь о самом важном.

Я плохо помню время до утраты ребенка, все как в дурмане. После потери ребенка я перестала уделять время своим страданиям и обратилась к делам.

Оказалось, что управляющий ворует — доказательства его виновности доставит лэйр

Ганц.

Что докторус Крейби едва не убил меня — то ли от незнания, то ли специально пуская кровь женщине, ослабленной выкидышем и кровотечением.

Что в поместье часто наведываются пираты и работоторговцы, которых я также отправляю с лэйром Ганцем. Его советы и помощь были неоценимы для меня.

Также сообщаю, что в поместье был обнаружен пласт янтаря. Дальнейшие его разработки кажутся мне неперспективными в связи с наступающей зимой, но спешу уверить вас, что с наступлением весны мы возобновим работы. Полагающиеся отчисления также направлены в казначейство с лэйром Ганцем.

Я направляю также и маленькие сувениры в знак своей признательности за оказанную помощь и поддержку и жду ваших приказаний.

Остаюсь искренне преданная вашему величеству,

Очень простое письмо. Короткое. Обезличенное.

Все только по делу. Остальное передавал на словах Ганц Тримейн.

Он рассказывал и о жизни в Иртоне, и о графине, и даже о том, как правильно носить кружево. Как его стирать, сушить и крахмалить, чтобы оно сохраняло форму.

Эдоард машинально поглаживал кружевной манжет. М-да... даже он не остался равнодушным.

Принцессы вообще были в диком восторге, а полученные ими подарки стали предметом зависти всех придворных дам. Придворные же мастерицы попытались изучить плетение, но отступились. Слишком сложно. Слишком...

Так какая же ты, Лилиан Иртон?

Такое письмо не напишет истеричная дура.

Эдоард вспомнил свадьбу сына. Он также не видел Лилиан Брокленд до свадьбы. И впечатление было... не лучшим.

У алтаря стояла... копна. Или туша. Крупная девушка в чем-то бело-розово-золотом. Длинные золотые косы, круглое лицо, толстая... вся красная — от смущения? От жары? Тяжести платья?

Гадать можно до бесконечности. Эдоард просто отметил, что девица не в его вкусе. Слишком много золота, слишком... Она была слишком.

Что-то пробормотала в ответ на его вежливые слова о счастье в браке — по глупости? Или?..

Эдоард не мог сказать, что отлично понимает женщин, — да и найдется ли такой мужчина? Зато король твердо знал, что любая женщина в день своей свадьбы будет... не в себе.

Волнение суматоха, нервы — этого хватит, чтобы превратить в дурочку кого угодно. Он отлично помнил, как за два часа до своей свадьбы, зайдя к Джессимин, вместо веселой суматохи обнаружил полностью одетую невесту, которая сидела и редела в три ручья. Почему? Она, видите ли, и не надеялась на такое счастье.

И это — Джесси. А что же другие?

Мог его сын принять застенчивость за глупость? Эдоард честно признался себе, что да. Еще и не то мог. Такой вот человек. Такой характер.

Как такое может быть, что удачливый в делах мужчина настолько слеп в семейной жизни?

А вот так. Если перед тобой все опрокидываются на спину без особых усилий с твоей

стороны, если ты привык к преклонению, если у тебя и молодость, и красота, и деньги, и власть... Эдоард отлично помнил себя в двадцать лет. М-да...

Сейчас он совсем по-другому бы построил отношения с Имоджин. И Эдмон... его боль. Вечная боль и непонимание. Что, что он упустил в отношениях с сыном? Почему получил врага вместо ребенка?

Сколько мы упускаем по молодости и глупости, сколько?!

Он никогда не отказался бы от Джесси, но постарался бы быть осторожнее и деликатнее с Имоджин. Не упустил бы сына. И не потерял бы и его, и друга... Эх, Джайс...

Некоторые раны не заживают со временем. Оно просто накидывает поверх полотно лет, а под ним все та же кровоточащая яма. Из сердца вырывают кусок, и это не заживет.

Надо поговорить с сыном.

Сначала написать ему и как следует отчитать. А когда вернется, и поговорить. Дети не должны повторять ошибок своих родителей. Особенно если те могут их предупредить.

А еще...

Эдоард чувствовал за решительными, чуть наклоненными вправо буквами жесткий характер. Если бы не подпись — он бы поклялся, что это писал мужчина.

Никаких сантиментов, завитушек, причудливых узоров... куда там! Только по делу.

Это — не Имоджин. Плакать и шипеть по углам не станет. А вот *что*станет...

Эдоард поймал себя на мысли, что... боится за сына?

Ладно! Пишем.

Этому письму досталось намного больше.

Оно было скомкано в приступе отцовских чувств. Потом расправлено. А потом еще и изрядно помято в руках.

Август и в молодости не отличался терпением, а уж сейчас, когда речь шла о жизни единственного ребенка! Доченьки! Кровинушки!

Поэтому первым пострадало письмо. Потом стол, который опрокинули от переизбытка эмоций.

А потом, уже слегка успокоившись, мужчина начал составлять план действий.

Нет, ну что за наглость!

Джерисон Иртон, ты мне ответишь!

Запихнул мою кровинушку в мальдонаину глушь и забыл, как звать? А там ее и травят, и ребеночка лишили, и... Хорошо хоть в Лиле моя кровь, ее так просто не изведешь!

Но такое не должно оставаться безнаказанным.

Август внимательно перечитал письмо.

Купец Карист Трелони. Что ж, если дочка хочет поиграть и найти негодяя, — ее право. Лучше бы этим ее супруг занялся, но супруга-то как раз и нет на месте... скот такой!

Нет бы жену с собой взять в посольство — он шлюху потащил!

Но теперь-то ее сущность всем видна...

Август злорадно усмехнулся.

Его величество, конечно, не отчитывался перед скромным купцом. Но зато Августа навестил лэйр Ганц Тримейн. Передал весточку от дочери, всячески расхвалил графиню и заверил Августа в своей искренней симпатии и уважении. Доставил к Августу двух ребят-плотников. А после разговора с ними Август только руки потер. Ну, дочка! Знала чем угодить!

Это ж золотое дно для корабеля! Чужа их мастер, чего бояться!

Если хотя бы часть досок пропитать этим составом, да ведь и недорого получится... одним словом — плотникам тут же был предложен хороший оклад и все гарантии безопасности. На что парни с радостью согласились. Графиня к ним была милостива, отец ее тоже вроде как неплохой человек — поработаем? Отчего ж нет! Хорошему плотнику на верфи цены нет!

А заодно Ганц рассказал любящему отцу все то, что знал и король.

Август разозлился.

Август задумался.

И принял серьезное решение.

Может быть, Лилиан и не желает пока рвать с мужем. Но все должно быть готово для нее. Дом. Земля. Мастерские.

А еще надо подумать о компромате на Джеса Иртона. И побольше, побольше... Издеваться над родным ребенком Август никому не позволит.

Что бы ни решила его доченька — у нее должно быть пространство для отступления. И на всякий случай надо перевести часть активов партнерам в Авестер и Уэльстер.

Если выбирать между Джерисоном и Лилюшкой, конечно, он всегда поддержит дочь. Понадобится — вместе сбегут. И лови корабль в море!

Он нигде не пропадет! И дочь пристроит! И внуков вырастит! А судя по тому, что в Лилюшке его кровь таки проснулась, недостатка в женихах не будет. И Мариэла огонь была...

М-да, Джерисон Иртон.

Не умел любить? Не умел беречь? Будешь век теперь о любви горевать...

Вспоминая строки старой баллады, Август упустил из виду только одно: Джес супругу не любил. И горевать будет только по упущенной выгоде. Ну да ладно! Это тоже больно!

Лиля как раз разговаривала с пастором Воплером.

— ...вы должны понимать, что ребенок ни в чем не виноват...

— Ваше сиятельство, вы и так проявляете совершенно непонятное милосердие. Таких блудниц надо просто палкой гнать из деревни.

— На большую дорогу? В зиму? Пастор, Альдонай заповедал нам милосердие.

— Ваше сиятельство, вы давно перешли все границы его заветов. Вас скоро причислят к Сияющим, при жизни.

Веселая улыбка в глазах пастора призывала не принимать слова всерьез. И Лиля подхватила шутку:

— Все в руках Альдоная, милостивого и милосердного. Пастор, пожалуйста, поговорите с людьми в деревне. Да, девица — дура и дрянь. Но в чем виноват ребенок? В том, что родился не у той и не от того?

Ирия сейчас жила в деревне как прокаженная. С ней еще разговаривали ее родные — и

всё. Остальные словно не замечали дурочку.

Лиля тоже наплевала бы и забыла, но Ингрид жить спокойно не дала, обрисовав перспективы развития событий. И Лиля впечатлилась. Самосуд ей в деревне не был нужен. И еще одна деревенская шлюха — тоже. Такие дамы болезни разносят как дышат. Да и бабы будут недовольны... нет, надо это как-то купировать.

— Ребенок не виноват, — признал пастор.

— Вот и... поговорите по деревням. Может, найдется какой-нибудь вдовец с кучей детишек? Ему такая жена — в дар. А девчонка поймет, в каком положении оказалась, и тоже рада будет замужеству.

— Уже поняла, ваше сиятельство, — вздохнул пастор. — Я поговорю. Обещаю...

Вот на этом месте их и прервали. В дверь поскреблась служанка:

— Барон Донтер, ваше сиятельство! С визитом!

Лиля пожала плечами:

— Проси в зал. Через несколько минут спущусь.

Сейчас она уже была спокойнее. Если что — она на барона и сама танком наедет. У нее тут почти сотня вирман, отряд Лейса, крестьяне — хватит, чтобы войну выиграть. Да и сама она времени не теряла.

Раскатают, как блин под лапшу.

Лиля посмотрела на пастора:

— Вы составите мне компанию?

— Разумеется. — Пастор улыбнулся. — Полагаю, разумно также послать за шевалье Авельсом. И занять чем-нибудь детей?

Лиля была полностью согласна. Особенно в последнем пункте. Не хватало еще, чтобы барона горохом оплевали. Черт ее дернул рассказать детям про духовые трубки!

Но ведь прижилось же!

Ладно. Пусть пока тренируются. Плеваться можно не только горохом, но и отравленными иголками. Ага, вирмане-ниндзя, спешите видеть...

Хватит пустословий! Как велела Скарлетт О'Хара — подумаем об этом потом!

Лиля провела руками по платью. Так, все в порядке, все вполне прилично. Пятен нет, ничего нигде не топорщится и не задирается.

Дома она давно перешла на широкую юбку-брюки. А в дополнение шли блуза и жилет. Все прилично, все закрыто, а самое замечательное, что под все это девушки сшили ей нормальное белье. Почти нормальное.

И теперь можно было носить нормальные трусики, а не панталоны до колен. Правда, без резинок, на завязочках, и больше похожие на батистовые шорты. Но хоть так-то!

Ладно. Трусики — потом. Сейчас — барон.

Лиля спустилась вниз. Медленно, спокойно, со свитой за спиной — пастор и шевалье едва шаг не печатали. Успели как-то подружиться.

Бароненок ждал в зале. При виде входящей Лилян он вскочил, раскланялся и рассыпался в приветствиях.

Машинально отвечая такими же пустыми любезностями, Лиля размышляла: что привело сюда барона?

Клива Донтера в Иртон привела банальная алчность. После того как он успокоился насчет работорговцев.

Посланные в Альтвер ребята вернулись ни с чем. Достать королевского представителя было нереально. Зато они разнюхали, что в схватке полегло достаточно много пиратов. И один из капитанов. Как раз тот, с которым вел дела барон.

После чего Клив вздохнул спокойно. Он же не дурак, чтобы все знали о таком промысле?

Нет, конечно. Крестьяне отбирались заранее, держались в темницах замка, а потом сдавались с рук на руки самому капитану. Никто другой при этом не присутствовал. Матросы даже не знали, с кем он торгует.

Беспокоило Клива кое-что другое. А именно — вещи, присланные Торию Авермалю. Сколько стоит ручное кружево, тем более такое, барон примерно представлял. Всю поверхность золотом выложи — и то мало будет.

И как в Иртоне научились его плести?

Ранее барона не слишком интересовал Иртон. Что умного может придумать женщина? Ан нет, смогла...

А когда Клив увидел стекло в окнах замка, ему чуть дурно не стало. Даже с учетом переплетов и слюдяных вставок смотрелось роскошно.

Стекло! Это же стоит безумных денег! Тем более его информатор рассказывал о цветном стекле, о зеркалах из стекла... Клив поначалу и не поверил. Но теперь...

Теперь барон планировал как-то или договориться с графиней, или... что дальше, он не загадывал. Ибо видел вирман. И знал, сколько их.

Ссориться с Лилиан Иртон при таком раскладе было невыгодно. Вирмане — звери. Голову отрубят, и доказывай потом Альдонаю, что ничего плохого не хотел. И с Вирмы их потом не достанешь. Никак.

— Достопочтенный Донтер, я рада вас видеть.

Барон вскочил с кресла и раскланялся. Лилиан Иртон была очаровательна. Высокая, с пышными формами, в белом и зеленом — она улыбалась, толстая коса была перекинута на спину, в ушках сияли изумруды бешеной стоимости, отблескивал драгоценными камнями брачный браслет.

Барон невольно подумал, что дама весьма богата. И хорошо бы... нет! Об этом — потом!

А пока...

На расшаркивания и раскланивания ушло не меньше пятнадцати минут. Но наконец барон заговорил о деле:

— Ваше сиятельство, ко мне приехали друзья на охоту. И может случиться так, что в горячке погони мы окажемся на вашей земле...

Лиля пожала плечами:

— Возможно.

— Вы не будете возражать...

Лонс, вставший так, чтобы барон его не видел, едва заметно отрицательно качнул головой.

— Я не хочу, чтобы на моей земле носилась орава бешеных охотников с гончими, — капризно проговорила Лиля. Изобразила «блондинку» и сморщила нос. — Это так шумно, утомительно... и мне жалко несчастных зверюшек. Неужели вы, барон, такой умный, такой тонкий мужчина, не понимаете, как они страдают, когда в них тычут

разными острыми штуками?

У барона глаза на лоб полезли. Такого аргумента ему точно не приводили.

— Ваше сиятельство, но мы ведь не будем охотиться на *вашудичь*... а если кто-то случайно...

— Нет-нет. — Лиля надула губы. — Охота — это так кроваво. И грязно. И пахнет... Я решительно против. Хватит того, что мой супруг изводит всю дичь в окрестностях! Скоро он приедет — и опять начнется этот кошмар. Грязные мужчины, шумные собаки... ужас!

При воспоминании о графе Иртоне барон чуть сдунся. Но все-таки попытался еще раз. С тем же результатом. Лиля стояла насмерть. А вовремя появившийся с докладом Эрик лишний раз напомнил Кливу об осторожности.

И барон перешел ко второму пункту программы:

— Ваше сиятельство, я виделся с бароном Авермалем...

— Надеюсь, у достопочтенного барона все хорошо? — Лиля выглядела абсолютной «блондинкой». Из тех, у кого ни грамма мыслей.

— Он рассказывал мне о вашем договоре.

Упс... Лиля поставила ушки торчком.

— Полагаю, мы тоже могли бы с вами сотрудничать. Я могу взять на себя переговоры с разными смердами и грубиянами, с которыми вам и говорить-то невместно...

Лиля переглянулась с Лонсом. Внешне она была абсолютно спокойна, но разум ее бешено работал.

Торий Авермаль никому не расскажет об их договоренности. В принципе. Он не дурак.

Донтер врет. Нагло.

Зачем?

Это вопрос несложный. Денег хочет.

А вот как он узнал о ее договоре с Авермалем? Вот ведь вопрос.

Лиле сначала и в голову не пришло, что утечка пошла из ее дома.

Но и Торий...

Нет, Торию незачем было делиться с бароном такими подробностями.

Лиля захлопала ресницами:

— Достопочтенный Донтер, о чем вы? Какие договора? Я всего лишь слабая женщина, живу в глуши... барон Авермаль немало помог мне, когда я закупала все необходимое на ярмарке. Но и только...

Клив прищурился:

— Ваше сиятельство, а мне барон рассказывал...

— Вы подвергаете сомнению слова графини? — Голос Лонса звучал холодно и надменно.

— Что вы, ваше сиятельство, — тут же пошел на попятный Клив. — Не подумайте худого, я бы не осмелился усомниться... Полагаю, меня ввели в заблуждение.

— Я тоже так полагаю. — Лиля выглядела абсолютно невозмутимой.

Барон отступил, заговорив опять об охоте. Но Лиля уже была настороже.

И как только удалось выпроводить соседа, обернулась к Лонсу:

— Что происходит?! Откуда он может это знать?!

Лицо Лонса было задумчивым.

— Не знаю. Надо думать...

Думать Лиля тоже могла.

— Есть два варианта. Либо от барона...

— Торий Авермаль далеко не глуп. — Тарис счел за лучшее не появляться, пока барон был в гостях, но стоило тому уйти, как мужчина вышел из укрытия. — Вы просили его молчать о вашем уговоре?

Лиля кивнула. Это обговаривалось отдельно. Торий обещал никому не рассказывать, а она обещала торговать через него. Так — удобнее. Ширма.

— Если не от барона, то от нас?

— От нас?! — возмутился Лонс.

— Шевалье, не от вас лично. Но у нас большой дом. И в нем есть слуги. Кто-то сказал кому-то, кто-то подхватил — и вот вам пошла гулять сплетня...

Лиля прикусила губу.

— Что мы можем сделать, чтобы это не шло дальше?

— Ничего.

Лиле очень захотелось выругаться. Но восьмиэтажного мата в устах графини здесь просто не поймут. Поэтому она промолчала.

Клив Донтер в этот момент костерил графиню последними словами.

Она посмела! Она отказала ему во всех просьбах!

И он ничего не может сделать! Вообще ничего! Слишком хорошо защищено ее поместье. Да и сама графиня осторожна...

— Господин барон!

Посреди дороги стояла женщина. В грязном платье, омерзительно воняющая, но — женщина. Мужчину он бы просто затоптал конем, но тут решил быть милосерднее. Барон замахнулся плетью, оборванка проворно отскочила и заговорила:

— Господин барон, вы хотите знать, как можно получить деньги от Лилиан Иртон? Большие деньги?

Плеть медленно опустилась.

Кальма ненавидела графиню Иртон всеми силами души. Из гувернанток юной Миранды Кэтрин — в уборщицу нужников! Кому понравится такое падение?!

Благодаря этой белобрысой гадине она потеряла все!

Место!

Уважение!

И даже мужчину!

Дамис Рейс уже не приходил к ней. Брезговал. Отстранялся. Кальма это отлично поняла. И возненавидела.

Сейчас у нее была только мечта отомстить! Всем, всем, всем!!! И она придумала, как это можно сделать.

Барон Донтер хотел денег. Она же... она использует барона вслепую. Почему бы нет? Главное, что этой белобрысой суке будет больно! А Донтер ее выслушает, она знает. Барон жаден и злобен.

Кальма говорила совсем недолго. Но барон улыбался. А когда она закончила говорить, спросил только одно:

— Сколько ты хочешь за свою помощь?

Герцог Фалион перечитывал письмо его величества и хмурился.

Присмотреть за Аделаидой Вельс, чтобы дамочка не сбежала до возвращения. В случае если она предпримет попытку — просто убить ее. Хм...

Интересно, а как к этому отнесется Джерисон Иртон?

Сам Фалион, будь его воля, шлюх вообще в посольство не взял бы. Только дам старше сорока лет. Опытных и умудренных, чтобы подсказали ее высочеству, что к чему. Но...

Королевской воле не противятся.

А теперь Фалиону расхлебывать.

Ладно.

Для таких деликатных поручений у герцога под рукой всегда были один-два надежных человека из тех, кто хоть и шевалье, но нищ, как веник...

За хорошую сумму они с Аделаиды Вельс глаз не спустят... а случись что — и не выпустят.

Миранда Кэтрин Иртон лежала в засаде.

Последнее время они все играли в следопытов. Надо было спрятаться, а когда тебя найдут — перебить всю группу из трубочки с горохом и опять прятаться.

Выигрывал тот, кому удавалось продержаться дольше остальных и выбить больше всего противников. Пока выигрывал Лойн — вирманский парнишка лет восьми. Сейчас была очередь Мири прятаться. И она надеялась стать первой.

Даже не так. Она обязательно станет первой!

Лиля постоянно повторяла девочке: графиня — первая среди своих людей. И лучшая. Она обязана делать все лучше остальных. Вторую часть поучения Лиля пока не договаривала. Ведь если ты не лучшая в чем-то, надо просто найти человека, который сделает это вместо тебя.

Это Мири было еще рано знать.

А вот что не рано...

— Ваше сиятельство...

Миранда гневно посмотрела влево, откуда и донесся шепот.

— Что тебе?

— Ваше сиятельство, графиня меня прислала за вами...

Девочка вздохнула:

— А потом нельзя?

— Ее сиятельство сказала, что это сюрприз, — уговаривала Кальма.

Миранда колебалась недолго. И вылезла из укрытия.

— Ладно. Идем. Куда?

— Ее сиятельство сказала, что будет ждать вас под старым платаном. Тем, который на дороге.

Мири даже не усомнилась. Кальма была все-таки своей. А Лиля могла придумать еще и не такое.

И пошла вслед за служанкой.

Никто и внимания на них не обратил.

Потом выяснится, что их все-таки видели, просто не стали окликать, но это все потом, потом...

А пока Мири доверчиво шла за Кальмой. Идти было совсем недалеко. Но на дороге никого не было. Под платаном было пусто. Миранда гневно повернулась к Кальме:

— И что это значит?

Гибкое тело метнулось из-за старого дерева. Сильная рука зажала девочке рот.

— Это — она?

Кальма довольно кивнула. Она знала, что, если Мири увидит кого-то незнакомого, она не подойдет к платану. А вот если там будет пусто...

Поэтому один из людей барона улегся на землю рядом с платаном, замаскировался — и ждал.

— Она, господин.

Миранду деловито укутали в теплый плащ, который обвязали веревками. Завязали рот, так что девочка могла только сверкать глазами.

— Отлично. Берем ее и уходим. Господин барон наградит тебя за службу.

Мири отчаянно забилась, но куда там. Силы девочки и силы взрослого мужчины были несопоставимы. Ловушка захлопнулась.

Клив Донтер рассчитывал, что ребенка хватятся не сразу и он успеет убраться вне пределов досягаемости Лилиан Иртон. Так оно и случилось бы. И похищение обнаружили бы только к вечеру. Если бы не Лойн. Мелкий вирманин буквально нюхом чуял, кто и где прячется. И Мири он нашел за несколько минут до Кальмы.

Только в отличие от служанки — подкрадывался. Незаметно. И отлично слышал разговор Миранды со служанкой.

Лойн тоже ничему не удивился, но — детское любопытство — последовал за Мирандой на расстоянии. Местность возле замка вообще-то планировалось очистить от деревьев и кустарников — на случай осады. Но кто будет штурмовать это захолустье? Да и Эдор себя не утруждал. Поэтому в распоряжении парнишки было достаточно кустов и мелких пригорков, чтобы прятаться. И мальчишка отлично видел сцену похищения. Хотя и издали.

Как орущую и пинающуюся Миранду заворачивали в плащ, как обвязывали веревками...

Было два выхода — или проследить за похитителями, или бежать в замок. И Лойн выбрал второе. Проследить — нереально. Если заметят — просто убьют. Они ведь не едут

верхом, они идут по дороге. Куда?

Да уж не в деревню.

Значит, или где-то логово, или их будут ждать с лошадьми чуть дальше.

В любом случае, чем раньше графиня узнает о похищении, тем лучше.

И Лойн бросился бежать.

Расстояние до замка он преодолел в десять минут. А оратор начал уже во дворе. Так что через минуту весь замок знал, что виконтессу Иртон украли. Зашевелились слуги, услышали и начали потихоньку собираться солдаты...

До Лили известие дошло через три минуты. Когда в кабинет влетела растрепанная Эмма, тащившая парнишку за руку.

— Ваше сиятельство!!!

— Да?

— Маленькую госпожу украли!!!

— ЧТО?!

Лили вцепилась в стол, чтобы не заорать во весь голос. Потом вдохнула. Выдохнула.

Ты — хирург. Ни один хирург не станет паниковать во время операции.

И посмотрела на Лойна.

— Рассказывай.

Парнишка сглотнул. Графиня менялась прямо на глазах. Исчезла куда-то неплохая тетка, которая рассказывала детям сказки и нещадно их баловала. На ее месте сидела... Лойн и слов-то таких не знал. Но самое близкое было — бешеная кошка. Дикая. Сузились, сверкнув зеленым, глаза, искривились, подобно когтям, пальцы, приподнялись губы, обнажая клыки...

Эта — не пощадит.

Мальчишка вздрогнул. Но вирмане вообще народ не из трусливых, и Лойн стал подробно излагать, как следил за Мирандой, как Кальма вывела ее из замка, как он проследил за ними до развилки дорог за холмом и там увидел, как Мири захватили в плен.

Лили слушала молча. Потом кивнула, отпуская мальчишку. И взревела так, что Эмму едва звуковой волной к косяку не приклеило.

— Лейс!!! Эрик!!! НЕМЕДЛЕННО КО МНЕ!!!

Эмма пискнула и со всех ног бросилась исполнять приказание. А Лили заметалась по кабинету.

Моего ребенка! Украсть!!! Пасть порву, моргалы выколю, рога поотшибаю!!!

Указанные личности влетели в кабинет ровно через минуту. Они тоже слышали вопли мальчишки. Пригодился бы и Лейф, но он сейчас был в солеварне. Вирманам эта технология ну очень понравилась — и Лейф активно вникал во все тонкости. Лили не возражала.

Рано или поздно они расстанутся, и это пойдет премией за службу.

Вслед за «силовыми структурами» влетел Лонс. А за ним и Тарис.

— Что случилось?!

— Мири похитили.

— Кто?!

— Не знаю. Часа еще не прошло. Мы можем?..

Договорить Лиля не успела. Эрик крутанулся на пятке — и вылетел за дверь. По замку понесся рев бешеного бизона, призывающий всех вооружаться — и СРОЧНО!!! А кто не срочно — того в рог! Бараний!

Лиля едва успела остановить Лейса:

— Я с вами...

— Ваше сиятельство, но это...

Лиля выдохнула. Так, только не орать! Не биться в истерике. Не беситься.

— Лейс, существуют ситуации, когда требуется мое присутствие. Я могу защитить себя.

— Ваше сиятельство, я с вами. — Лонс выглядел так, что Лиля поняла — не запретит. И кивнула:

— Пять минут на сборы. И свистни Джейми. Пусть тоже едет с нами.

— А ваш восточный докторус?

— Он стар. Ему такие поездки здоровья не прибавят. Все, собираемся!

И Лиля первая метнулась из кабинета.

Хорошо, что долго ей собираться было не нужно. Юбка-брюки и так были на ней, для верховой езды сойдет. Накинуть плащ.

Прихватить «медицинскую сумку». Оружие?

Вот тут проблема. Сами понимаете, хоть Лиля и сбросила большую часть лишнего веса, но привычного ей огнестрела тут не было. А что было...

Единственное что было — она сунула в сумку.

Три стеклянных пузырька. Очень осторожно, очень аккуратно, каждый в специальной меховой «рукавичке», набитой шерстью.

Лиля не просто так сидела в своей лаборатории.

У Лейфа она разжилась одним зажигательным снарядом, опознав в нем нефть. Запах-то характерный. Лейф вздыхал, но все-таки отдал графине небольшой кувшин. Его-то Лиля и поделила на три склянки. Потом долила чистым, почти стопроцентным спиртом. И сделала нормальный фитиль.

Поджечь и кинуть.

Если понадобится, она это сделает.

Получившаяся смесь буквально в нескольких каплях была испытана в лаборатории. И весьма неплохо горела. Даже на воде.

Что ж...

Лиля вылетела из комнаты. И тут же наткнулась на Марту.

— Девочка моя! Береги себя!!!

Лиля крепко обняла старушку. Поцеловала в щеку.

— Марта, милая. Помолись за меня... и за Миранду.

Марта сотворила знак Альдоная. Пастор, тоже случившийся рядом, только головой покачал.

— Ваше сиятельство, вы ведь женщина...

— И это *мое* горюбенка украли!!! Пастор, молитесь за нас...

Лиля помчалась во двор.

Все уже были там. Два отряда. Один — конный, десятка два человек. Другой — пеший. Примерно сорок вирман. Эрик и Лейс стояли рядом. Увидев Лилиан, переглянулись.

— Ваше сиятельство, — заговорил Лейс. — Если вы с нами, вы обязаны меня слушаться. Во всем.

Лиля кивнула. Но тем не менее Лейс продолжил:

— Случись что — малейшее неповиновение может стоить вам жизни. И Миранде Кэтрин — тоже.

Лиля кивнула еще раз:

— Лейс, я все понимаю. Приставьте ко мне охрану, делайте что хотите, но давайте выдвигаться! Там Мири! И ей плохо! Клянусь, я буду слушаться!

Эрик смерил графиню взглядом, в котором сквозило сомнение. Но смолчал. Лишь чуть натянул поводок, и Лиля увидела щенка, подаренного Мири.

Рядом на сворке держали еще пару собак, больше похожих на медведей.

Ладно. Вперед, и только вперед.

По коням, господа!

Коней, к сожалению, на всех не хватило. Да и у вирман с ними отношения не сложились. Поэтому Лейс со своими людьми поскачет вперед. Не может быть там серьезного отряда похитителей. Человек двадцать максимум. Больше бы заметили дозоры, которые так организовал Лейф. А Эрик с основным отрядом будет маршировать следом. Вирмане далеко не отстанут. У них скорость марша, как у средней лошади. Главное — нагнать мерзавцев как можно скорее. Лейс возьмет с собой двух собак — маленькую у седла, большая побежит сама. На месте собак спустят и дадут взять след. Их дело разобраться, кто похитил девочку.

Аварец слегка артачился под Лилей, но постепенно утихомирился, и Лиля вздохнула с облегчением. Не в ее состоянии сейчас лошадь успокаивать — саму бы кто успокоил.

В седле она держалась уже уверенно. И смела надеяться, что лошадь ее выдержит. Даже несколько часов. Раньше-то она не каталась верхом. Простите, животное жалко было. Может, оно и свезет тушу мамонта. Но... совесть иметь надо! Аварец — это не рыцарский битюг! Такую лошадь ценить надо!

Лейс действительно выделил двух охранников для Лили. Расстояние до платана они преодолели за три минуты — и собаки принялись обнюхивать место встречи.

А затем пошли по следу.

Тут-то Лиля и поняла, за что ценят вирмане своих сторожевых. Вид у них был, что у малявки, что у старшего пса...

Они не лаяли, не рычали, не мчались вперед, они шли. Сосредоточенно и неотвратно. И было видно — оставить след их вынудит только смерть.

Их смерть. Но лучше — врага.

Лиля кусала губы.

Мири, девочка моя... какая же я дура! Расслабилась! Позволила себе забыть обо всем! И вот результат!

Чем я только думала, кретинка!

Если все обойдется — никогда больше не совершу такой ошибки!

Только бы все обошлось!

Миранда Кэтрин Иртон была в бешенстве.

Чего уж там — в таком бешенстве, что горло перехватывало.

Ребенок ни разу не боялся. Мири выросла в тепле и холе, на нее никто не поднимал руку — и когда ее посмели похитить...

Она понимала, что ее могут убить.

Умом — понимала.

А вот душой, сердцем... Дети никогда не верят в свою смерть. И Мири не была исключением. Поэтому она не дрожала от страха.

Она прикидывала свои шансы на побег. Желательно — успешный. И понимала, что пока не получится. Даже кричать не выйдет. А что выйдет?

Миранда засопела. На глаза навернулись слезы.

Но девочка тут же успокоилась. Лиля обязательно ее спасет. Лиля добрая и умная. Она придет за ней куда угодно. А пока...

Вдруг вспомнились рассказы Лили про все на свете. И про женщин, которые шпионили для своих правителей. Исподволь, незаметно, рассказывая вроде бы сказочки, Лиля вкладывала в головы детей основные правила выживания. Везде. В любом мире. Сейчас они и давали о себе знать. Всплывали в памяти. Стоило только чуть-чуть успокоиться и перестать плакать от злости.

Главное — казаться слабой и беспомощной... Если тебя считают слабой, не ждут никаких неожиданностей. А зря...

Миранда Кэтрин Иртон вовсе не была безоружна. Игра в ножички привела к тому, что практически все дети в замке носили ножи. Да, небольшие. Засапожнички.

Но ведь и таким ножиком можно перерезать веревку. Главное, чтобы его не отняли.

Но кто подумает, что виконтесса Иртон может гулять с оружием?

Кальма...

Мири едва не взвыла от досады. Маленькие кулачки сжались.

Тварь, предательница, гадина!!! Погоди у меня!!! Лиля все узнает! Она до тебя обязательно доберется!!

Ненавижу-у-у-у-у!!!

Кальма была весьма довольна собой.

Жизнь прекрасна и удивительна. Ее ждут баронство Донтер, деньги, а может — чем Мальдоная не крутит, — еще и теплое место любовницы барона?

А почему нет?

Она молода, красива, умеет себя вести, хороша в постели... да и барону нужен кто-то, чтобы присматривать за девчонкой. Кальма подойдет на первой время. А потом он сам не захочет с ней расстаться...

В мечтах Кальма уже видела замок Донтер, золотые украшения, почет и уважение...

И самое приятное — мечь!

Мечь проклятой толстухе, которая посмела унизить ее!

Кальма даже и не вспоминала, что под ее присмотром Мири была и не ухожена, и не присмотрена. Забыла, что всю дорогу до Иртона упоенно крутила любовь с Дамисом Рейсом. Забыла, что не углядела за девочкой и ту едва не убили вместе с Лилиан.

О таком забывают весьма быстро. А вот крик души «Меня обидели!!!» помнится очень и очень хорошо.

Барон ждал их чуть дальше, съехав с дороги. Так, чтобы не было видно из замка. Ну и чтобы случайно какие крестьяне не наткнулись.

Они никуда не спешили. Зачем?

Кальма заверила барона, что Мири не хватятся до вечера. И была права, кстати говоря. Не хватились бы. Миранда очень часто пропускала обед. Как и сама Лиля. И та, и другая забегали на кухню, перехватывали что-нибудь... Марта ругалась и пыталась изменить такой распорядок, да и Лиля тоже, но поди уследи за активным ребенком, который дорвался до компании детей.

Когда удастся отловить — тогда и кормим. Главное, что завтрак и ужин девочка не пропускает. Еще и на кухню налеты совершаются. Сестра Хельке кормила всех не за страх, а за совесть — и детям всегда была рада. Ее младшие тоже влились в компанию Миранды и вирман и отлично себя чувствовали. Как тут не быть благодарной графине? Как тут не приглядеть за виконтессой?

Одним словом, хватились бы Мири к вечеру. Пока стали бы искать, пока пятое-десятое — как раз к утру бы и подумали о похищении. Если не к завтрашнему вечеру.

Так что можно было не спешить.

Увы, вирманского мальчишку барон в расчет не принял.

Клив Донтер был на седьмом небе от счастья.

Миранда Кэтрин Иртон обеспечивала ему хороший выкуп от графини Иртон. И даже очень хороший.

Кальма заверила его, что граф ничего не знает об инициативах дражайшей супруги. А значит, та будет молчать как рыба.

Женщинам свойственно чадолубие. Так что она все отдаст ради ребенка. И торговаться не станет. Как-никак она допустила похищение. А значит, ей и достанется от мужа. По полной программе.

Вот он доберется до дома, пошлет гонца к Лилиан Иртон, начнет торг...

Кусты зашевелились — и на поляну выбрались трое. Два воина, один из которых нес большой сверток. И Кальма.

Клив, удобно расположившийся под деревом на плаще одного из прихлебателей — не стоя ж благородному барону ждать своих людей, вопросительно посмотрел на воина.

— Она?

— Да, господин барон.

Мужчина положил сверток к ногам барона. Из теплого плаща доносились всхлипывания и поскуливания.

Кальма встала рядом:

— Господин барон, я исполнила ваш приказ.

Клив кивнул:

— Отлично. Ты хорошо послужила мне, женщина.

Кальма потупилась и присела в реверансе. И не видела, как Клив кивнул одному из своих прихлебателей. Все было оговорено до ее прихода. Поэтому мужчина просто подошел сзади...

Кальма и пикнуть не успела, когда ее перехватили за шею, и острое, неожиданно горячее лезвие ужалило под лопатку. Аккуратно, чтобы не заляпать землю кровью.

Барон покривился. Кальма оказалась лицом к нему — и до последней минуты смотрела в глаза убийце. Настоящему убийце. Не он занес нож, но приказ был его.

Клив махнул рукой:

— Убрать.

Кальму подхватили за ноги и потащили в кусты. А барон перевел взгляд на сверток.

— Разверните. Я хочу ее видеть.

Воин повиновался.

И глазам барона предстала девчушка лет семи-восьми. Симпатичная, синеглазая и темноволосая, с чумазым заплаканным личиком и в какой-то странной одежде. Юбка, рубашка, сверху теплая курточка — все сделано не красиво, а... так, чтобы не стеснять движения?

Барон не догадывался, что это — юбка-брюки. А Миранда не собиралась его просвещать. Да и Кальма уже не скажет.

Равным образом они не знали, что на щиколотке, в специальных ножнах, покоится засапожник. И девочка спокойно может до него дотянуться. Руки-то ей не связывали. Просто туго замотали в плащ. Только рот завязали на всякий случай, но повязку убрали вместе с плащом. Сейчас Миранда была заплаканной, замурзанной, растрепанной и производила впечатление совершенно потерянного ребенка. Но руки-ноги действовали, голова тоже работала... поэтому ровно через секунду девочка опять разревелась в шесть ручьев.

— Ну-ну... — Барон соизволил подняться с земли и неловко погладить ребенка по головке. — Все будет хорошо, никто тебя не обидит...

Слезы потекли интенсивнее.

— Немножечко поживешь у меня в гостях, а там посмотрим...

Барон как раз раздумывал, что хорошо бы поискать невесту, но где найти благородную дворянку в местной глуши? Ехать в Альтвер? А тут...

Хотя кусок может и не по рту оказаться, все же граф Иртон приближен ко двору, король его за что-то любит...

Это надо тщательно обдумать.

Впрочем, этого барон сделать и не успел.

Лиля уверенно держалась в седле. Вперед не лезла, но и старалась не отставать. А в голове теснились всякие ужасы из времен разгула экстремизма.

Отрезанные детские пальчики, приложенные к требованию о выкупе.

Похищение детей, чтобы заставить что-то сделать их родителей. Так часто, так страшно...

Шантаж ребенком... что может быть хуже?

Логично мысли перескочили с шантажа на тех, кто им занимается. Чаще всего — какие-нибудь экстремисты.

Лиля невольно вспоминала видеокассеты, которые показывал отец. С записями того, что творят «мирные исламисты». И ее слегка трясло.

Богом клянусь, здесь такого никогда не будет. Я раздавлю это в самом зародыше. Никаких переговоров с террористами и шантажистами.

Лиля не понимала до конца, что в Средние века была немного другая культура обращения с благородными заложниками. Тем более полезными. Она вспоминала лившийся с экранов кошмар. Она просто вспоминала...

Как говорил Лилин отец, глядя на очередной телесюжет со взрывом или захватом заложников, — на решительные действия у власти тестикул не хватает.

И характеризовал правительство коротким неприличным словом.

А дочь слушала. И впитывала, что никогда нельзя вести переговоры с террористом и шантажистом. Чем бы ни угрожали — нельзя! Потому что эти мрази никогда не удовлетворятся полученным. А значит...

Лиля знала, что сделает с теми, кто тронул ее ребенка.

Уничтожит. Грязно и кроваво. А тела оставит на перекрестке дорог с соответствующей надписью.

Пусть даже пастор ее проклянет — она поступит, как учил отец.

А папа считал, что если бы власть проявила решительность — захваты заложников прекратились бы раз и навсегда.

Надо просто никогда не идти с ними ни на какие переговоры. Уничтожать их, как бешеных зверей, и уничтожать тех, кто им помогает. Если уж у кого-то так конвенции свербят, вывозить это зверье в человеческом облике куда-нибудь на необитаемый остров и оставлять там. Пусть перервут глотки друг другу.

Да, страшно. Кроваво. И очень мерзко.

Но Лилиан — нет, сейчас скорее Аля Скороленок, собиралась следовать папиным советам, а не заповедям и проповедям о милосердии. Даже ценой своей души она не допустит повторения того кошмара в этом мире.

Это — ее грех.

Она ответит... Господи!!! Хоть бы Мири была жива!!!

Собаки вдруг зарычали. Глухо, утробно...

— Они рядом! — Лейс обернулся к Лиле. — Ваше сиятельство, держитесь сзади. Ясно?

Лиля кивнула. Рука сама собой легла на нож.

В комнате, осторожно, она пробовала повторить то, что умела Аля. И знала — она не полностью беззащитна. Но с тренированным воином лучше не сходитьсь.

Справимся...

Собаки свернули в сторону от дороги, и пришлось спешиться. Лейс отрядил двоих вести коней, и Лиля присоединилась к ним. Пусть хоть польза будет. Да и не станет ее жеребец слушаться кого-то другого.

Зачем идти через лес?

Сейчас, чуть-чуть подумав, Лиля сильно подозревала в похищении барона Донтера.

Только зачем? Какой в этом смысл? Он же не может не понимать, что его поймают... Хотя...

Если бы не мальчишка (с нее причитается...), когда бы еще хватились ребенка? Похитители ушли бы далеко. И догнать их... И вообще, она что, заявится в замок барона и начнет права качать я точно знаю, это вы ребенка умыкнули...

Найдет она там девочку? Да ни разу! Носки в квартире иногда не найдешь, не то что ребенка в баронстве...

А еще...

Это не двадцать первый век, где уже сложилась культура обращения с заложниками и террористами (будь они прокляты!). Здесь свои правила.

Расспросить бы Лейса... но нельзя. Он возглавляет погоню, он — командир. Тут она вперед не полезет. Люди должны видеть, что ведущий — один. И она не оспаривает его главенство.

Некогда расспрашивать, вот возьмем похитителей, тогда и решим.

А потом зазвенели мечи.

Лиля оглянулась на мужчин, которые вели коней. Те торопливо приматывали поводья к деревьям, фиксировали и доставали оружие.

Она не стала мешкать. Уж что-что, а узлы вязать она умеет. Джейми сноровисто помогал ей. Лонс также ввязался в драку. И звенел мечом где-то впереди. Деталей Лиля не видела. Лошади и деревья заслоняли обзор.

Будучи в тылу, Лиля не знала, что Лейс первым увидел барона и стоящую перед ним Миранду. А заодно мгновенно оценил обстановку на поляне.

Всего десяток человек.

Барон ведь ехал в гости, а не с военной операцией. Вот и взял с собой только свиту. Для похищения ребенка хватило за глаза. А вот отбиться...

У Лейса было почти два десятка человек, и практически все — бойцы. Те, кто приехал с ним, костяк дружины замка Иртон. Несколько вчерашних крестьян как раз и возились с лошадьми и графиней. И за них Лейс не волновался. Чтобы добраться до графини, надо пройти через его отряд. А это... это барону не удастся.

К тому же Эрик ненамного от них отстал. Скоро он будет здесь и барона просто размажут в кровавые сопли. А пока надо сковать его боем.

Зазвенели, сталкиваясь, первые клинки...

Двое лучников из отряда Лейса припали на колени, вытаскивая стрелы из колчанов. Они будут следить за схваткой...

Свита барона тоже оказалась не лыком шита. И сдаваться без боя никто не собирался.

Кроме барона.

Как только зазвенели мечи, барон вскочил, схватил поперек туловища Мири и прижался к сосне. Кто бы ни победил... если его люди — надо подержать девчонку, чтобы не сбежала.

Если враги — это товар для торга.

А в драку он не полезет, нет...

Там и убить могут.

Звенели мечи.

Лонс схватился с каким-то щеголем в голубом плаще, отвел его меч в сторону и всадил левой рукой кинжал ему под мышку. Проследил, как оседает тело, еще не принявшее свою смерть, и ринулся дальше.

Это не благородный турнир. Здесь нападают и втроем на одного, и бьют в спину... и плевать на то, что это некрасиво... ха!

Война все спишет!

Удар, еще один удар — и на помощь другому.

И снова звон мечей...

Все кончается очень быстро, и Лонс оказывается лицом к лицу с бароном, который держит девочку. Рука надежно лежит на шее малышки, а кинжал находится в опасной близости от ее горла.

— Шаг вперед — и я ее прирежу!!!

Что мог сказать в такой ситуации Лонс?

Да только одно:

— Ваше сиятельство!!!

Лиля не участвовала в схватке. Даже коней никто не попытался увести. Куда там. Десяток баронской свиты — на почти двадцать человек Лейса? Смешно!

Тем более что первые были без доспехов, а вторые — в легких кольчугах. Первые не ждали нападения, вторые убивали без разговоров. Да и лучники не в носу ковырялись. Рядом свистели стрелы и хлопали две тетивы.

Кольчуги? Дорого, да. Но она сама заказала их Эрику. А местные кузнецы подгоняли по размеру. Если не кормить свою армию, будешь кормить чужую.

И когда раздался крик Лонса, она не бросилась вперед, нет. Пошла медленно и спокойно.

Она никуда не спешит.

Лиля вышла на поляну — и сердце захолонуло.

Трупы. Много.

Наплевать. Важно другое.

Миранда. И кинжал у ее горла. Острый, длинный... рука дрожит, барон не уверен в себе? Или просто на грани истерики?

Опасно и то и другое... Она справится? Обязана.

Обернулась. Огляделась.

Лучники? Отлично!

— Стрелы на тетиву. Когда он отпустит Миранду — стрелять в барона без промедления.

И с радостью увидела, что мужчины повинуются. Теперь главное — чтобы барон убрал нож от горла Миранды. А это должна сделать она.

Сможет? Обязана!

Лиля медленно пошла вперед. Все следили за ее движениями как замороженные. Лейс кусал губы, но молчал. Надо ведь не сражаться. Надо разговаривать... а этим правом

обладает только графиня.

Клив Донтер был в ужасе.

Его собираются убить. Да и убьют, наверное. И очень скоро.

Его люди мертвы.

Нет! Он не дастся! Он — барон, а не какое-нибудь отребье, они не посмеют...

Или пусть хоронят соплячку тоже! Он возьмет ее жизнь за свою! И пусть все катится к Мальдонае...

Но воины не торопились подходить. А потом из-за деревьев вышла она.

Ее сиятельство Лилиан Иртон.

Статная блондинка приближалась медленным кошачьим шагом, шелестела опавшая листва под ее ногами, молчание было таким всеобъемлющим, что было слышно даже дыхание Клива.

Хриплое, тяжелое, сорванное...

— Я убью ее! Убью, если не уберетесь!!! — взвизгнул он. — Убью, Альдонаем клянусь!!!

Лиля остановилась ровно в пяти шагах. Хватит, чтобы они не могли достать друг друга. И заговорила. Тихо, спокойно, растягивая слова:

— Не убьешь. Нет смысла...

Клив ожидал чего угодно, но не этого.

Нет смысла?

Этот мир не привык к терроризму. А Лиля старалась прекратить истерику, заставить задуматься...

— Убью!!!

— Хорошо. Что ты хочешь, чтобы она осталась в живых? Лошадь? Деньги? Меня?

Голос плыл по поляне. Обволакивал, успокаивал, расслаблял сведенные судорогой мышцы... и Клив приходил в себя.

Действительно, чего он испугался?

Он — барон Донтер. А это всего лишь женщина. Красивая, но глупая самка. Мужчина чуть расслабился.

— Сейчас твои люди приведут мне коня и отойдут подальше. Потом мы уедем. Я не убью девочку и не причиню ей вреда.

— Зачем ты ее похитил?

— А об этом мы поговорим потом.

Клив, как ему казалось, коварно улыбнулся. Лиля вздохнула:

— Деньги? Отпусти Мири сейчас. Я заплачу.

Она медленно отстегнула от пояса кошелек. Покачала им на весу, гипнотизируя барона, словно змея — птичку. А потом одним движением пальца поддела завязку. И на землю перед ней пролился дождь золотых монет и янтаря.

— Отпусти девочку...

Клив невольно подался вперед. Такое уж у золота свойство. Даже если его немного — оно завораживает.

Рука с ножом дрогнула, на миг отойдя от горла девочки, словно потянулась за золотом.

Этого не хватило бы воинам. Но хватило лучникам. Лейс не приказывал кого-то щадить. А парни справедливо рассудили, что графиня не рассердится.

Свистнули две стрелы.

Барон дико заорал. Одна стрела, оказавшаяся широким срезнем, полоснула его по руке, да так удачно, что на траву хлынула кровь. Вторая ударила в плечо, пришпилив мужчину к дереву.

Мири шлепнулась на землю, перекатилась и оказалась в шаге от Лили.

Женщина упала на колени и обняла девочку.

— Маленькая моя, я так за тебя испугалась!!! Девочка моя родная...

Мири уткнулась Лиле в плечо — и разревелась в сорок три ручья:

— Ма-а-а-ама...

Лиля крепко обнимала девочку. И когда она успела так привязаться к ребенку?

Хотя что удивительного? Единственное существо, которому от нее ничего не нужно, которое любит ее и не видит в ней прежнюю Лилиан, — это Миранда. Вот и возникла связка.

Лиля гладила девочку по голове. И больше всего ей хотелось запереть малышку в замке и никуда не выпускать. И оказаться там прямо сейчас...

В сторонке Лейс распекал лучников в хвост и в гриву. Те вяло огрызались, говоря, что они профессионалы. Но сейчас это мало волновало ее сиятельство.

От дерева таки отделили орущего барона. Одна рука у него висела плетью, и Лиля мельком подумала, что повреждены сухожилия. Ее срочно перехватили жгутом, останавливая кровь, чтобы не подох раньше времени, но и только. Вторая стрела пробилась плечо и пришпилила подонка к сосне. Лиля бы тут его и оставила, но...

— Давайте ее сюда, госпожа. — Джейми подошел тенью. — Я осмотрю виконтессу.

Лиля выдохнула. И с благодарностью отдала ребенка в протянутые руки.

А потом развернулась к барону.

— Поговорим, достопочтенный Донтер?

Голос прозвучал так, что поежились все. Даже свои. А Лиля продолжала мягко и ласково:

— Сейчас вот этот милый человек подойдет к вам...

Эрик с готовностью сделал шаг вперед.

— ...и за каждую ложь будет бить кулаком по стреле.

Стрелу из барона так и не вытащили пока. Просто обломили.

— А вот что с вами случится — вы истечете кровью или помрете от боли... посмотрим...

Эрик потерял руки. По его мнению, с похитителями детей так и надо было поступать. А то и похлеще.

— Пустите меня! — попытался вякнуть барон. — Да как вы вообще смеее?! Я буду

жаловаться королю!!!

Лиля молча кивнула Эрику — и по поляне понесся болезненный вой. Вирманин не стал бить рукой по стреле. Он просто принялся раскачивать ее в живом теле, стараясь причинить побольше боли. Заволновались лошади. Джейми спешно зажал уши юной виконтессе. Хотя сам слушал вопли, как музыку.

Лиля подождала пару минут, пока барон не перестал орать. Теперь он только поскуливал. И вежливо спросила:

— Зачем вы похитили Миранду?

Ответом ей было грязное ругательство. Эрик не стал дожидаться приказа.

И снова крик.

Лиля прикусила губу. Руки сжались в кулаки. Но это было единственное, что она себе позволила.

Страшно это — смотреть, как пытаются человека. Очень страшно. И сама поневоле что-то ломаешь в душе. Что-то, что уже не срастется... а, пропади оно пропадом три раза!!!

Миранда мне дороже! Я за нее таких троих размотаю... Лиля представила, что эта мразь могла причинить вред ее девочке, и кулаки сжались так, что ногти до крови впились в ладони.

Мири ведь привыкла к безопасности, любви... ну и безнаказанности, а о бароне шла дурная слава. Мог и покалечить. И... да что угодно!

Все, не надо об этом думать! Я в своем праве.

Как и все садисты, барон боль терпеть не умел совершенно. И начал колотиться, как сухое полено.

Сам бы он никогда бы... его обманули, подтолкнули, в спину пнули... короче — это все Кальма!

Но он ее уже убил!

И вообще — это, наверное, Мальдона в нее вселилась! Она может, она такая... и ему ум помрачила, а сам бы он ни за что не поссорился с милой и очаровательной графиней (в этом месте была сделана попытка припасть к ручке, но Эрик не дремал — и придержал барона за шкирятник)...

Лиля слушала и ей становилось все противнее. А когда выяснилось, что барон хотел в качестве откупа за Миранду потребовать от нее мастеров, она вообще озверела. Она тут учит, налаживает производство, приносит технологии — и что? Все ради того, чтобы какой-то ушлепок...

Но что же теперь с ним делать?

По-хорошему — кишки по соснам размотать.

А по закону?

— Ваше сиятельство...

Лонс, как всегда, подошел незаметно. И Лиля благодарно взглянула на него. Вдвойне благодарно, потому что мужчина протянул ей флягу с водой.

— Выпейте. Миранда в порядке. Она не пострадала.

Лиля кивнула:

— Это я заметила. Вот что с этой гнидой делать?

— Казнить, — явно удивился такому вопросу Лонс.

— А меня потом король за уши не растянет? За самоуправство?

Лонс покачал головой:

— Нет. Вы — графиня. Миранда тоже расскажет, как ее похитили. А еще у вас есть мое слово. Я шевалье, а не смерд. Да и Лейс может свидетельствовать. Он потомственный воин по отцу вот уже в шестом колене. И Эрик по закону приравнивается к шевалье. Он же вождь, хотя и безземельный...

— Тогда... почему бы нет? Только кто этим займется?

— Эрик, разумеется.

Лонс был непоколебимо спокоен. Словно пытки и смерти происходили не у него на глазах. Словно не он только что мог погибнуть, и Лиля еще раз подумала о разнице менталитета. Спокойные они, эти средневековые ребята...

— Эрик, — позвала Лилия.

Мужчина подошел. Чуть наклонился, чтобы Лиле было удобнее.

— Ваше сиятельство, вам бы отдохнуть...

— Мы тут подумали, что делать с бароном...

— Казнить... — Эрик не спрашивал, он утверждал. М-да. Пацифистов тут не поймут.

— Как лучше это сделать? Я хочу, чтобы любой подонок в округе знал: моя дочь, мои люди, мой дом — неприкосновенны!

Эрик даже сильно не задумался.

— Ребра негодяю вывернуть и на кол посадить. На Вирме таким прощения нет. А когда подохнет — отрубить голову, снять шкуру, засыпать все солью и отправить в Альтвер. Пусть Авермаль на площади выставит и огласит, что негодяй пытался сделать.

Лилия поежилась.

Страшно? Очень.

Она бы просто убила. Не мучила. А он?

— А что делать с его замком?

— Выяснить, сколько у него там людей, и наведаться в гости. — Эрик растолковывал женщине прописные истины. — Поискать, чего он там припрятал. Наверняка в грязи замазан по уши...

Лилия кивнула. М-да. Девять чемоданов компромата — пошло из этих времен?

— Мне надо идти с вами?

Мужчины не сговариваясь замотали головами.

— Нет, ваше сиятельство. Мы с Лейфом сходим, чай не в первый раз. А вы бы королю отписали да Авермалу, чтобы все по закону было...

— Я составлю компанию ребятам, поищу бумаги, — вызвался Лонс.

Лилия взглянула на мужчин с благодарностью.

Да, здесь нет телефона, Интернета и теплого туалета. Здесь кровавые нравы и жестокие законы. Но посягнувшего на ребенка тут принято убивать страшной смертью. А женщин не берут в бой. Потому что это — не женское дело. Умирать и убивать должны мужчины. И точка.

А в мире, откуда она пришла, сделано все для удобства людей. И никто не может чувствовать себя в безопасности. А женщины так же умирают и убивают... пытаюсь защитить своих детей.

Так какой мир — честнее?

— Когда выступаете?

— Как сдохнет, — пожал плечами Эрик.

Барон, понимая, что речь идет о нем, уже не орал. Только тихо скулил на одной ноге. По штанам расплзлось большое темное пятно.

— А Лейф?

— Как раз подтянется. Я останусь охранять замок, — твердо сказал Лейс.

И женщина подчинилась. Смысл спорить? Мужчины тут разбираются лучше.

— Тогда я отправлюсь в Иртон. Успокаивать Миранду и писать письмо королю.

Джейми передал Лиле Миранду, помог устроить ребенка на лошади, и девочка прижалась к Лиле.

— Я знала, что ты придешь и спасешь меня.

— Знала она, — проворчала графиня. — Миранда Кэтрин Иртон, извольте объяснить, почему вы пошли куда-то за стены замка? Я же говорила — играть только внутри!

— Я же с Кальмой!

М-да. Лиля прикусила губу. Предательство — от него никто не застрахован.

— Пообещай мне.

— Да?

— Ни ногой за стены без согласования со мной.

— Обещаю. Я напугалась...

— А как я напугалась, — сказала чистую правду Лиля.

Дома их встретили бледная Марта и улыбающийся пастор. Рядом крутился его сын. Лиля передала Мири на попечение няньки, рассудив, что сейчас ребенку нужно искупаться, поесть и, может, даже поспать, — и пообещала навестить ее чуть позже. А сама пригласила пастора в кабинет. Где и заявила без обиняков в ответ на осторожные расспросы:

— Все разъяснилось. Барон хотел похитить Миранду, чтобы потребовать выкуп.

— Полагаю, ваше сиятельство, он уже мертв?

Лиля кивнула:

— Мы их догнали. Была схватка.

Про пытки она решила не упоминать, подозревая, что пастор не одобрит.

— Ну и правильно, ваше сиятельство. Барон он весьма сомнительный, была там темная история... по крови он даже не Донтер...

Лиля передернула плечами. Потом вспомнила...

— Не было ли у него какого-нибудь высокопоставленного покровителя? Мне не придется из-за него с кем-то разбираться?

Пастор покачал головой.

И разъяснил Лиле, что над всеми дворянами властен только король. Принцип вассалитета, когда «вассал моего вассала...» и прочие радости, тут был не особо в ходу. Одни дворяне могли наняться на службу к другим, могли принести даже клятву верности, но, если ты владелец своего куска земли, над тобой только король.

Раньше Лиля как-то не задавалась этим вопросом. Но король так король. Разберемся.

В дверь постучали.

Джейми, стоящий на пороге, был бледен, встрепан и решителен.

— Ваше сиятельство, мне надо с вами поговорить.

Лиля пожала плечами:

— Сейчас мы с пастором договорим...

— Ваше сиятельство, мне нужен и пастор...

Лиля переглянулась со священнослужителем, и Воплер кивнул. Мол, поговорим, если надо.

— Итак? Садись, рассказывай. — Лиля кивнула на табурет рядом со столом.

Джейми уселся. Выложил на стол небольшую шкатулку.

— Вот, ваше сиятельство...

И открыл крышку.

Лиля в недоумении воззрилась на свиток, три кольца, браслет с гербом и маленький портрет женщины, как две капли воды похожей на Джейми.

— И?

— Ваше сиятельство, посмотрите на гербы.

Лиля посмотрела.

Все три герба были идентичны. То же и на браслете. И... минутку...

— Джейми, это ведь...

— Это старые перстни. Перстень старого барона, перстень его сына и его дочери. Ее обручальный браслет. Миниатюра. И исповедь, написанная собственноручно и заверенная достойными свидетелями.

Пастор вопросительно посмотрел на пергамент и протянул руку. Джейми кивнул, и в комнате воцарилась тишина.

Пастор читал. Джейми переживал. Лиля размышляла о том, что все неплохо складывается. И можно вытащить хвост из ловушки... наверное. Если Джейми действительно...

— Ваше сиятельство, все верно и по закону. — Пастор дочитал и теперь протягивал свиток Лиле.

Лиля тоже пробежала его глазами.

Неизвестная ей Марианна Донтер писала вполне доходчиво. Описывала свою жизнь, как вышла за шевалье Клейнса, как он взял ее фамилию, как начал издеваться... все вроде бы очень скупо, но такая боль стояла за этими словами.

И что самое интересное — дама утверждала, что барон Донтер (ее супруг и папаша нынешнего барона) убил ее родных, чтобы самому стать бароном.

Писала, что супруг хвастался перед ней, мол, имел предосудительную связь со своей сестрой, не прерываясь ни на год, и что сын его сестры родился в результате кровосмешения.

Лиля только присвистнула.

— Пастор?

— Если это правда, ваше сиятельство, то вы совершили благое дело. Альдонай не одобряет кровосмешения.

— До такой степени, что надо уничтожить его результаты?

Пастор нахмурился. Лиля тоже. И продолжила читать.

Когда девчонка поняла, что беременна, она решила бежать. Отлично осознавая, что жива только до рождения наследника.

И удрала из замка. Как — она умолчала.

Но у Лили было серьезное подозрение, что был какой-нибудь травник... и кто его знает, чей там Джейми сын...

Но...

Лиля окончила чтение и посмотрела на пастора.

— Вот так. У нас тут барон Донтер проживает... Джейми, а сразу сказать было нельзя?

— Вы бы мне поверили, ваше сиятельство?

Джейми распрямился, улыбнулся... и стала, черт побери, видна порода! Можно вымазать сиамскую кошку гуталином, но стоит его смыть — и сразу же видишь правду.

Можно изображать простолюдина. Но маска падает — и ты видишь барона. Впрочем, это еще не повод...

— А твой рассказ по бабку-травницу?

— Ваше сиятельство, вы же понимаете, почему я скрывал правду?

Понимает. Кто бы спорил. Вот перед тобой совершенно левая тетка. Чтобы сбежать от опасности? Пойдет! Но доверять ей?

Ну-ну... то-то все здесь прямо так берут и исповедуются перед первыми же встречными...

— И что же ты хочешь?

— Чтобы вы, ваше сиятельство, написали обо всем королю.

Лиля кивнула. Тупых вопросов типа «А сам чего?» задавать не стала. Все и так ясно. До короля далеко. И не факт, что у Донтера не было покровителей. Такое дело с бухты-барахты не провернешь. Сообщники нужны. Финансирование нужно.

Прикрытие при королевском дворе. И кто-нибудь, кто все объяснит королю в нужном ключе.

Да прорва всего нужна.

— Я напишу, — пообещала Лиля. — Надо узнать, нельзя ли отдать тебе баронство. Вот только вирмане вернутся с добычей... сам понимаешь, если там какой-нибудь компромат обнаружится, будет на порядок легче.

Джейми кивнул.

— Я пойду, ваше сиятельство?

— Да...

Пастор тоже откланялся. А Лиля плюнула на все и пошла к Миранде. Сидела рядом с девочкой, рассказывала сказку...

Когда этот ребенок стал мне близок?! Когда?!

Не знаю... ничего не знаю... но Миранда — *моя!*

Глава 4

Я К ВАМ ПИШУ... КАКОГО Ж ЧЕРТА?

Таким растерянным Рик своего кузена еще не видел.

— Что случилось?

— Письмо получил.

— От Альдоная?

— От своей коровы.

— И?

— Сам читай. Я уже ознакомился. — Джес сунул кузену письмо, и Рик углубился в чтение.

Прежде всего он обратил внимание на почерк. Ровный, твердый, без завитушек, которыми так любили приправлять письма придворные дамы... казалось, пишет мужчина. И очень резкий.

И что пишет...

Твою ж... так, этак и переэтак!

Слов у Рика не было. Он дочитал и перевел взгляд на Джеса.

— Это — розыгрыш?

Джес молча протянул второе письмо.

От дядюшки-короля.

«Граф Иртон.

Судя по состоянию дел в вашем поместье вы либо желали смерти своей супруге и дочери, либо не желали видеть ничего дальше собственного носа.

Я не стану отзывать вас из посольства, но по возвращении нас ждет весьма содержательная беседа. Графиня переслала мне копию письма, направленного вам, и я подтверждаю каждое ее слово. Было проведено расследование, в ходе которого выяснилось много интересных подробностей.

Также приказываю вам своей королевской властью никаких распоряжений в Иртон не направлять. Графиня будет при дворе весной, полагаю, как только закончится ваша поездка, вам надо будет встретиться *лично*. А до тех пор извольте отписать мне, что заставило вас подобным образом обращаться с женой.

Единственное, что я позволяю вам сейчас, это отписать графине, что вы довольны ее решениями и полностью ее одобряете.

Об остальном — при встрече.

Печать. Подпись.

Рик только глазами захлопал.

— Что это на отца нашло?

— А на мою корову?

Рик ехидно фыркнул:

— Судя по письму? Парочка убийц, работорговцы и контрабандисты. Тебе еще мало?

— Да какие контрабандисты в Иртоне?

— Янтарь там разрабатывали. Янтарь. А ты — болван. Ты туда ездил и у себя под носом корову не заметил?

— Корову-то как раз я и видел...

— Так отвел бы глаза от жены и осмотрелся. Ты что, не видел ни?..

Джес выругался. Длинно и затейливо.

— Оно мне надо было? Иртон в жизни дохода не приносил, одни убытки. Охота там хорошая... ну и что?

— А то. Слушай, ну как можно было не заметить, что тебя обкрадывают?

— Посмотрим бухгалтерские книги? — оживился Джес.

Рик угадал ход его мыслей:

— Надеешься, что там все будет верно и твоя супруга села в лужу?

Джес промолчал. Но да. Надеялся.

Рик ехидно фыркнул. Почему-то ему не верилось, что Лилиан Иртон ошиблась.

И, как показали дальнейшие события, он был совершенно прав.

Бухгалтерские книги были разными. С пометкой тем же почерком графини на переплете.

Для графа.

Для своих.

Для себя.

В первой книге — Иртон был просто яблочком в сахарном сиропе.

Во второй — было видно, что управляющий ворует.

В третьей — было подробно записано: кому, куда, сколько, за что...

Джес читал и понимал, что строчки не лгут. У него и правда воровали. И крупно. Но это еще полбеды. А вот все остальное...

— А янтарь? Откуда он там взялся?

— Морские слезы обычно на берегу и находят. Хотя и очень редко.

Джес потрянул головой:

— Нет, ну как ей это удалось?

— Так ты туда наезжал на три дня. А она живет постоянно. Вот и заметила. Что удивительного?

— Ты же видел мою корову...

— Знаешь, — Рик был беспощаден, — если она все это заметила и пресекла, то тут еще большой вопрос: она корова или ты баран?

Джес обозвал кузена нехорошими словами, но Рик не обратил на это внимания.

— Ты лучше подумай, кому надо было травить твою беременную жену. А потом еще и убийцу посылать?

— Сам бы знать хотел...

Глаза Джеса невольно обратились к лику Альдоная в углу. Увы, бог отвечать не торопился. Видимо, ему своих забот хватало.

Эрик и Лейф были довольны. Все-таки основное дело вирманина — война. На берегу хорошо, но позвенеть топорами — это же удовольствие! Да еще какое!

Баронство Донтер было не слишком большим. И замок скорее напоминал усадьбу. Зато хорошо укрепленную.

Впрочем, вирмане и не собирались брать его штурмом. Козе понятно, хозяин из дома — слуги на волю. Наверняка найдется калитка. Или даже ворота будут открыты. В крайнем случае есть окна и кошки. Этого за глаза хватит.

А рубить таран и рваться с грозными воплями на штурм... ага, шаз-з-з...

В любом отряде есть такие незаменимые люди — разведчики. Вот один из них и вернулся. Ага, Ингвар...

— Ну и?

— Есть калитка в стене. Не заперта. Похоже, черный ход для прислуги, чтобы каждый раз ворота не отпирать.

— Веди.

Руководство операцией доверили Лейфу. Вызванный с моря, тот был тихо счастлив. Солеварня ему поднадоела, но, как он объяснил Эрику, для них это — золотое дно. Вокруг Вирмы — сплошное море. Если из него получать соль... да, в Ативерне это умеют. А есть куча мест, где не умеют. Да и на Вирме пригодится — не везти ж невесть откуда? Еще не хватало!

Лейф серьезно задумывался о повышении своего материального благосостояния. Даже если и не знал таких слов. Зато у него была Ингрид. А ради нее воин готов был даже коз пасти.

Вирмане не шумели. Не жгли факелы, не разговаривали... Они теньями проскальзывали в калитку. Не блестили закрытые темными плащами кольчуги, не звенело придерживаемое оружие...

Сам дом был... весьма невелик. Скорее одна башня с пристройками. И стена вокруг нее. Стену они преодолели и рассредоточились по территории. Лейф отдавал команды выразительными жестами: в конюшню, на псарню, в тот сарай, в этот...

Как и сказал один из нечаянно оставшихся в живых баронских прихлебателей, стоило барону уехать надолго — и челядь начинала отрываться. Вино, бабы, еда с господского стола...

И имело смысл ему верить. После увиденной расправы над бароном ему и в голову не приходило лгать или молчать. Хотя жизнь ему все равно не оставили. Ну да легкая смерть — это тоже много.

Перерезать баронскую дружину?

Вот тут Лейф и Эрик сходились во мнениях. Надо. Потому как три десятка человек, лишённые командования, будут представлять угрозу. Работать они не станут, значит, разворуют баронское имущество. И примутся гулять, пока вино не кончится. А потом пойдут за добычей в Иртон. Потому как больше некуда.

Графиня бы не одобрила, но ей никто ничего и не скажет. Так получилось. Погибли при штурме. Защищались. Железками в ваших солдат тыкали.

И Лейф, и Эрик признавали приказы Лилиан Иртон, но считали, что воевать должны мужчины. Работа у них такая.

На штурм?

Конечно, без шума и жертв не обошлось. Как среди местных, так и у вирман.

Далеко не все гуляли и пили, кое-кто успел схватиться за меч. Началась драка, жестокая и беспощадная. Скорее даже резня. Вирмане убивали. Молча и жестоко.

И итог был в их пользу.

Тридцать солдат противника — и четверо своих. Трое погибли в бою, четвертого прикончил какой-то особо умный слуга, выплеснув чуть ли не котел кипятка с огня. Слуга поплатился жизнью, но война было не спасти. Так что ему оказали последнюю милость — добились, чтобы не мучился.

И Лейф довольно оглядывал замок.

Нашлось здесь многое.

В подвалах, которые были приспособлены под темницы намного лучше, чем те же помещения в Иртоне, содержались четыре десятка крестьян, которых собирались продать в рабство за долги.

А в кабинете барона нашлась прорва бумаг, которые Эрик сгреб в стоящий тут же большой сундук и в таком виде распорядился отправить графине.

Нашлось и оружие, и деньги... вирманам не впервой было грабить замки. Хотя в этот раз добычу они не присвоят, а отдадут графине. Но Лилиан Иртон выделит им справедливую долю. В этом никто не сомневался.

Штурм начался в предрассветный час — и солнце увидело баронство Донтер уже в других руках.

Вирмане разбились на два отряда — Эрик остался в Донтере, а Лейф с трофеями отправился домой. В Иртон.

Ганц Тримейн отчитывался перед королем.

— Ваше величество, как мы и подумали — убийство графини этот негодяй задумал вместе со своей кухней. Она же любовница. Аделаида Вельс. Как он рассказал, когда Аделаида зацепила графа Иртона, любовники решили, что ей надо стать графиней. И Алекс начал посылать убийц.

— Доказательства?

— Причастности Аделаиды, ваше величество? Их нет.

— То есть?

— Слов мало, ваше величество. Вы же понимаете, он говорил, она говорила...

Эдоард понимал. Дело ясное, что дело темное. Аделаида от всего отопрется.

— Нет ли писем?..

— К сожалению, ваше величество, мерзавцы были осторожны. Понимая, что их ждет в случае разоблачения, они старались не оставлять свидетельств своего преступления.

Эдоард сдвинул брови. Своей властью он мог многое. Но сейчас, конкретно сейчас, практически ничего. Аделаида входит в состав посольства как фрейлина будущей королевы.

Отозвать ее? Позор на три страны. Тем более шила в мешке не утаишь, если ее казнить — потом все будут спрашивать, кого они принцессам подсунили? Убийцу? Или еще что

похуже?

Все возможно.

Скандал выйдет... ладно! Ядовитые зубы у гадины вырваны. Надо бы еще раз отписать Джерисону. Пусть приглядит за своей шлюхой.

И Альдоной его упаси хоть слово дурное сказать жене.

Нет, Эдоард еще его проработает с песочком, чтобы блестел и икал при одной мысли... с-сопляк!

— Ваше величество, пришло еще одно письмо от Лилиан Иртон.

— Вот как? И?

— После моего отъезда ее пытались отравить.

Король не удержался. Присвистнул.

— Да что она, всем вокруг насолила?

— Нет, ваше величество. Но существует какой-то таинственный господин, которому выгодна ее смерть. И ниточки ведут в столицу. Графиня написала все, что удалось узнать от отравителя, поэтому если вы разрешите...

— И даже приказываю. Но параллельно со всем остальным. И завтра заберешь у секретаря приказ о казни.

— Кузена Аделаиды Вельс, шевалье Алекса, ваше величество?

— Именно.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Я хочу, чтобы ты выяснил, кому выгодна смерть Лилиан Иртон. На этом свете и так слишком много грязи, чтобы еще поганить его такими мерзавцами.

Ганц поклонился.

Его величество, безусловно, был прав. И приказ он выполнит охотно. Тем более что его симпатии полностью на стороне правосудия.

На стороне Лилиан Иртон.

Лиля сидела в лаборатории.

У нее возникла интересная идея. Перегонка нефти ей вполне доступна. Али обещал еще привезти. Перегнуть и наделать зажигалок. По самому простому варианту. Колесико, кремень, фитиль... а что? Стекло есть, бензин есть, знания... ладно! Знаний почти ноль, но разве там все так сложно? Надо только грамотно закрепить колесико и кремень. А это уже вопрос к Хельке. Но попробовать-то надо?

— Ваше сиятельство? — В дверь поскреблись.

— Да!

— Письмо от вашего отца, ваше сиятельство.

Лиля вздохнула и отправилась читать.

Тарис уже произвел расшифровку. И письмо ждало графиню на столе.

«Милая моя дочка.

Знай — я поддержу тебя во всех делах. Весной мы поговорим более подробно. А пока

будь уверена в том, что я тебя не оставлю своей заботой.

У меня был шевалье Тримейн. Я все знаю и помогу ему.

Лиля почесала нос. На глаза наворачивались слезы.

Раньше он так не писал. А это письмо... Прямо из сердца... почему так?

Хотя ответ она знала. Раньше она была другой. А сейчас...

Такуюдочь лестно иметь каждому отцу.

А с другой стороны... много ли пришьешь голубиной почтой? Зная, что твое письмо может попасть в чужие руки?

Она бы не рискнула.

А тут сказано все, что надо. Сопли-вопли, да. Любовь-морковь, темная ночка, где ты шлялась, дочка... Это на поверхности. А под ней...

Ганц Тримейн все рассказал отцу. Это раз.

Есть вещи, которые бумаге не доверишь, — два.

У нее есть безоговорочная поддержка отца против супруга и короля — три.

Искать убийцу будут коллективно — четыре.

Мало?

Очень много. А попади письмо в чужие в руки — обычные сю-сю...

Почему Лиле все чаще кажется, что они с отцом найдут общий язык?

Джерисон Иртон писал письмо жене.

«Любезная супруга.

Я доволен вашими распоряжениями. И полностью их поддерживаю.

Как себя чувствует Миранда? Как у нее дела?

Достаточно ли вы здоровы, чтобы весной опять попытаться зачать наследника? Надеюсь, в этот раз вас никто не попытается отравить или убить иным образом.

С нетерпением жду нашей встречи при дворе.

Джес хотел написать вежливо. Но злость и раздражение все равно прорывались.

Дядя его отругал — и из-за кого?! Кто всему виной?!

Эта белобрысая корова!!! Дрянь такая! Да ее дело сидеть вышивать и молиться! Ну и детей рожать! А она? Наемники, янтарь, ворье, работоторговцы... Куда мир катится?!

Погоди у меня, дражайшая супруга, мы еще пообщаемся накоротке... Я у тебя еще расспрошу, кто тебя надоумил.

Ты у меня еще заплатишься за эту выволочку от дяди, с-сучка!..

Упомянутая самка собаки как раз выслушивала доклад.

— Ваше сиятельство, все исполнено.

— Все — что?

— Трупы захоронены, пастор провел отпевание, шкура и голова барона Донтера засыпаны солью...

— А Кальму нашли? — уточнила Лиля.

— Кальму? Так точно, ваше сиятельство, как есть нашли. Дохлую.

— Тем лучше для нее.

— Мы ее тоже зарыли, все как полагается...

— Отлично. Лейс, давайте сначала о неприятном. Я вам поручаю проверить всех, кто обитает в замке. И как следует расставить караулы. Если бы не вирманский мальчик — что стало бы с Мири?

Лейс опустил голову. Графиня не ругалась, но это было еще обиднее. Его ошибка. Его вина. Он — комендант замка, не она. Он должен был все организовать, а вместо этого...

— Я все сделаю, ваше сиятельство.

— Проверю. — На стол мягко лег тяжелый кошелек. Приятно звякнул. — Теперь о хорошем. Это — вам и вашим людям. Кому сколько — распределите сами. Вирманам выплачу отдельно. За хорошую и своевременную работу.

Лейс покачал головой:

— Если бы мы не просмотрели... не заслужили мы благодарности... Спасибо хоть не гоните...

— Заслужили. Мне решать. — Зеленые глаза были холодными и спокойными. — Лейс Антрел, вы сделали все возможное в данной ситуации. Все хорошо и правильно. Особо поощрите тех двух лучников.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

— Давно бы так. — Лиля перекинула косу на грудь, потеревила шелковую ленту — белую. Ничего розового на ней не осталось. Надоело. — Когда вернутся Эрик и Лейф?

— Полагаю, уже к завтрашнему утру, ваше сиятельство.

— Отлично. Подождем.

Впрочем, ждать пришлось немного дольше. На несколько дней дольше.

Алисия Иртон накинула шаль. То, что надо. Хотелось еще и украшения надеть, но Алисия задавила в себе это желание. Хотя сделано все было так, как нужно. Не слишком броско, не отвлекая внимания от человека...

Интересно, как графине удалось сделать такое чудо?

Или достать? Тогда откуда? Иртон — это же медвежья глушь! Дыра! Там купцы раз в год бывают!

Ладно. Надо идти. Опаздывать на прием могут только короли и королевы. Ей же надо быть на месте через десять минут.

Пройти по переходам дворца, скользнуть в один из входов «для своих» и оказаться в зале, неподалеку от юных принцесс, которые демонстрируют подарки графини Лилиан Иртон всему свету.

Уже не первый день демонстрируют. И наслаждаются завистью придворных дам.

Не успела Алисия появиться в зале, как атаковали и ее.

— Графиня, какая милая шаль...

— Вы сегодня очаровательны...

— Графиня, вам так к лицу... Это подарок вашей невестки?

Алисия улыбалась и отвечала: да, очаровательна (сильно же тебя припекло), да, шаль просто чудо (завидуй дальше), да, это от Лилиан Иртон (так что улыбайся, если тоже такую хочешь).

Откуда у нее (Лилиан) такое чудо? У нее спрашивайте. Лично Алисия не в курсе.

Нельзя ли поспособствовать приобретению чудесных вещей? Можно. Она лично отпишет Лилиан Иртон. Надо полагать, как раз к весне все прояснится.

Август Брокленд? Да, надо и у него тоже спросить. Должен же он знать, чем его дочь занимается...

— Ваше сиятельство?

Легок на помине!

— Дistinguished Брокленд, рада вас видеть...

— Как и я вас, графиня. Вы просто очаровательны.

— И во многом благодаря вашей дочери.

Август улыбнулся:

— Лилиан — умница.

— Август, скажите, это вы поспособствовали ей в приобретении такой чудесной вещи? — Пальцы скользнули по тонкому кружеву.

— Что вы, госпожа графиня. К сожалению, после отъезда Лилишки в Иртон я не уделял ей достаточно внимания... в чем сейчас и раскаиваюсь.

— А я считала, что Иртон — это захолустье. Разве можно там найти такое чудо?

— Моя кровь. — Август просто расплылся в улыбке. — Госпожа графиня, скажите, мой зять не писал вам?

— Нет. А вам?

— Тоже.

— Странно.

Графиня и купец помолчали. Оба думали примерно об одном и том же. Если поток новинок из Иртона неожиданность для Джеса — что он скажет, когда узнает?

Первой молчание нарушила Алисия. Гадюка, да. Но вовсе не дура.

— Август... Вы разрешите мне называть вас так?

— Разумеется, госпожа графиня.

— Алисия. Мы все-таки родственники, хотя встречались всего пару раз.

— Вы вечно при дворе, моя госпожа, а мне здесь делать нечего.

— О да. Ваша стихия — море, корабли, Эдоард хвалил вас.

Вот так, скромно. Не король, не его величество. Эдоард.

Намекая на свою дружбу с королем и давая понять масштаб оказанной чести.

— Я польщен.

— Скажите, а мой сын...

Алисия спрашивала не зря. Эдоард последнее время (именно после письма графини Лилиан) сердился на Джерисона Иртона. А немилость короля к сыну плохо скажется и на самой Алисии. Женщина была умна. И понимала — если Лилиан Иртон с кем-нибудь и поделится, то только с отцом.

Август это тоже понимал. Но таиться от Алисии не посчитал нужным.

— Ваш сын, графиня, весьма своеобразный человек. У него творческий ум. В том, что касается бизнеса, он гений. Он нюхом чует товары, на которые будет спрос, он старается и вникает в корабельное дело... у него есть все. Ум, образование, способности, если ему интересно — он день и ночь просидит.

— Но это ведь не все, Август?

— Разумеется. Обратная сторона та, что он равнодушен к людям. Это хорошо заметно на верфи. Если человек ему нужен — использует. Не нужен — выкинет.

— Но...

— Разве не так везде? Так. Но у него это возведено в абсолют. Вот такой пример. У меня работал старый мастер. Давно работал. Уже лет сорок. Я старика ценил, поставил на работу полегче... Джес его выгнал.

— И что?

— А у старика семья. Сыновей бог не дал, так он троих дочерей замуж выдал. И его зятя тоже в нашем деле вертят. И один зять хотел от меня уйти, а плотник он от Альдоная, и слава чуть дурная не пошла... Я вовремя вмешался.

— Джес бывает весьма резким.

— Часто в ущерб себе.

— Но ведь его дела идут успешно...

— Да. Но сам он только отдает распоряжения управляющим. А они уже крутятся по его приказам.

— Для этого тоже нужен талант.

— Нужен. Но ваш сын, графиня...

— Алисия.

— Алисия, ваш сын прискорбно пренебрегает людьми. Даже не замечая этого.

Вот так. Имя употреблено. Если хочешь — с *тобой*мы не враги. Но только с тобой. Джерисон Иртон, кажется, в список не входит.

— И вашей дочерью тоже?

— Лиля не жаловалась.

И опять Алисия прочла подтекст. Не жаловаться — не значит быть довольной и счастливой, ой как не значит. Не жаловалась — это демон, до поры до времени сдерживаемый в защитном круге. Это — затаенная обида.

Алисия знала женщину, которая никогда не жаловалась. Просто прятала синяки. А потом, в одну жуткую ночь, ее дом запылал ярким пламенем. Вместе с мужем.

Для Джеса ей такого не хотелось бы. Все-таки... да, по крови Джес не был ей сыном. По душе — тоже. Но он многое значил в ее жизни. Деньги, подарки, расположение короля... М-да. Ситуация.

— Лилиан весной приедет ко двору. И Эдоард просил меня взять ее под свое

покровительство.

— Я тоже буду вам признателен, Алисия.

Серьезный взгляд зеленых глаз. М-да. Эта семейка не забудет. Ни зла, ни добра. Джес, болван, какая бешеная собака тебя покусала?! Неужели нельзя было договориться с супругой по-хорошему?

— Алисия, разрешите пригласить вас на танец?

«Старая гадюка» изумленно хлопнула ресницами:

— Меня? Август?!

— Вас, госпожа графиня. Хочу потанцевать с умной и обаятельной женщиной.

Этот комплимент Алисия оценила. А еще поняла, что ее размышления не стали тайной для Августа.

Джес, болван!!! Если дочь хотя бы отдаленно похожа на отца и ты ее разозлил... Голову оторву!!!

Нет! Эдоард оторвет! А я полюбуюсь. И поаплодирую!

Эдоард опаздывал на прием по очень простой причине.

Доигрывал с Ганцем партию в нарды. Тихо ругался про себя, но доигрывал. Вредная зараза прилипла, как ткань к ране. И он действительно отдыхал, передвигая янтарь по гладкой доске.

А заодно...

— Солеварня — это нечто восхитительное. Первая партия соли уже получена. Я опробовал — она ничем не отличается от каменной. Разве что чуть горьковата. Но это почти незаметно. Прибыль обещает быть королевской. Ганц, графиня Иртон это сама придумала?

— Да, ваше величество. Сказала, что глупо жить на берегу моря и солить суп за бешеные деньги.

— И давно?

— Когда я приехал, все уже было построено.

— Почему же Джес молчал об этом раньше?

— Со слов графини, ваше величество, я понял, что графа Иртона... простите меня за мою наглость...

Эдоард повел рукой, как бы подтверждая; что прощение дано. И бросил кости. Пять — четыре.

— Граф Иртон не интересовался ничем, кроме охоты.

— А сама графиня...

Бросок Ганца. Три — шесть.

— А она со дня приезда в Иртон была как в тумане.

— Этому были причины?

— Пока не знаю, ваше величество. При мне ничего не обнаружилось. Графиня обещала писать — и я тоже напишу ей, спрошу.

— Спроси.

Шесть — шесть.

Его величество закончил партию и поднялся из-за стола победителем.

— А еще наведайся к управляющему Джерисона Иртона и сообщи, что ни одно письмо в Иртон не должно уйти, если я его не видел.

— Слушаюсь, ваше величество.

Ганц раскланялся и ушел. Эдоард вздохнул, поправил корону перед изумительно прозрачным стеклянным зеркалом и отправился к гостям.

Жизнь продолжается...

Письмо Джерисона Иртона его величеству Эдоарду Ативернскому.

«Ваше всемилостивейшее величество.

Припадаю к вашим ногам с покорнейшей просьбой...»

Впрочем, дальше Джес придворный стиль не выдержал. Сил не хватило. Тем более что Эдоард все эти словесные кружева недолюбливал.

«Дядюшка, прошу вас, напишите подробнее, что такого случилось в Иртоне? Откуда там взялось столько... неожиданностей?

Там же тихое спокойное место. Глушь и тишь. Моя бабка жила там чуть ли не двадцать лет одна — и хоть бы один разбойник возник.

Но стоит мне отправить туда дочь, как начинается кошмар! Пираты, работорговцы, ворье... В последнее я готов поверить, но откуда все остальное?

Я не понимаю!

Не говоря уже о моей жене!

Вы видели ее один раз. Я — чаще. Она глупа, скандальна, истерична, сейчас у меня полное впечатление, что за ней кто-то стоит. И указывает, что и как делать. Хотелось бы знать, кто это может быть и зачем?

Я даже к Миранде приставил кучу слуг, чтобы кто-то занимался дочерью. Ибо Лилиан на это не способна. Все, что ее интересует, — вышивка и еда. Ну и молитвы.

Откуда вдруг что получилось?

Я НИЧЕГО не понимаю!!!

Что с моей дочерью? Она жива? Здорова?

Может быть, стоит вывезти ее в столицу?

Дядя, умоляю вас — разьясните!

Остаюсь преданный и покорный вашей воле

Альтрес Лорт, нагло читающий всю переписку ативернских гостей, фыркнул.

М-да. А интересно: что там в этом Иртоне?

Надо дать секретарю поручение — пусть принесет все записи, где упоминается родовое имение графа. И послать туда кого-нибудь поразведать... кто там из своих есть поблизости?

Ройс Релаймо? Пойдет.

Шевалье, умница, вполне симпатичный парень — для скучающей зимой графини самое

то, что надо.

Сегодня же отправлю приказ с голубем!

— Хочу!

Немногие из мужчин способны отказать любимой дочери, когда она произносит это страшное слово.

Особенно глядясь в изумительное зеркальце. Небольшое, но такое ясное, что полированному металлу до него расти и расти.

Его величество Леонард посмотрел на дочку. Ларисия упоенно гляделась в зеркальце, не замечая ничего вокруг.

Перевел взгляд на купца.

— Каким чудом получено это зеркало? Нет ли здесь скверны?

— Я приобрел его в Альтвере, ваше величество. — Купец кланялся, мысленно подсчитывая прибыли. — И барон Авермаль заверил меня, что скверны на нем нет. Да и посмотрите сами — сзади там знак Альдоная.

На этом настояла Лиля. Ее клеймо и клеймо Хельке скромно приткнулись в уголочке. А посередине ювелир выгравировал знак Альдоная и украсил завитушками. Это церковь позволяла.

— Действительно, будь это происки Мальдонаи — зеркало не выдержало бы священный знак. Но на всякий случай пусть альдон помолится над ним. Отнеси его в храм.

— Слушаюсь, батюшка.

Ларисия подхватила шкатулку, в которой лежала ее драгоценность, и умчалась.

Леонард посмотрел на купца:

— Назови свою цену.

Купец жадничать не стал и король это оценил. Чуть позже он получит освобождение от налогов на полгода. За такую редкость не жалко. Ларисия порадуется...

Дочь Леонард любил. И баловал.

Это кому-то крыска. А кому и родное чадо.

— Господин мой! Прошу тебя!!!

Не лучше обстоят дела и в Ханганате, где любимая жена трогает пальчиками невесомое кружево и обращает к тебе огромные влажные глаза. Остальное скрыто плотной вуалью, но и того, что есть, хватает.

Ты Великий Ханган, владыка пустыни, но ты отлично понимаешь, что отказа тебе не простят.

Жена не станет закатывать скандалы, кричать, плакать... нет. Внешне все будет идеально. Разве что с легким холодком. А еще пойдет слух, что ты отказал любимой женщине в маленьком капризе. Что беден...

Да и вообще... умный мужчина знает, что жена должна быть довольна жизнью. Тогда она из кожи вон вывернется, чтобы тебя ублажить. Все сделает.

Можно держать супругу в страхе, но зачем? Пусть поиграется. Он может позволить себе такие мелочи, как это воздушное розовое облако и гребень...

— Сколько ты хочешь, купец?

Мужчина с поклоном назвал свою цену. Ханган нахмурился, но приказал уплатить.

Дорого, да. Но такого чуда ни у кого нет. Есть узенькое кружево, но широкое полотно... а наскучит эта жена — он подарит кружево следующей. Почему нет?

— Здесь свиток, господин. И указано, как его носить...

Вечером Ханган оценил свою любимую жену в новом кружеве. Только в кружеве. И сполна наслаждался ее благодарностью.

С довольной женщиной жизнь приятнее и легче.

Граф Альтрес Лорт пробежал глазами донесение.

— Тахир Джиаман дин Дашшар? Знаменитый лекарь. Сейчас в Иртоне?

Пергамент молчал. Альтрес нахмурился.

Иртон... захолустье. Что там делает такой мудрец? Хотя что делает — понятно. Прячется от гнева Хангана. Но почему — Иртон?

Подробностей осведомитель сам не знал.

Альтрес сдвинул брови и быстро набросал несколько строчек.

Разобраться. Подробно доложить.

И, возможно, пригласить знаменитого лекаря в Уэльстер?

Если он согласится.

Нрав Гардвейга был хорошо известен. А вот его болезнь — нет.

Альтрес не знал, поможет ли иноземный лекарь. Но почему бы и не попытаться?

Брата он любил.

Очень любил.

Сам знаменитый лекарь в этот момент разговаривал с графиней. И получал от разговора громадное удовольствие.

Он, конечно, изучал человеческое тело. Но одно — тыкаться вслепую. Другое — узнать о таких вещах, как нервы, мышцы, сосуды, от профессионала. А Аля и была профессионалом. И это она, не Лиля, сейчас водила указкой по рисунку. А Тахир внимал с радостью.

— ...Большой круг кровообращения. А малый проходит через легкие. Начинается в правом желудочке легочным стволом, а затем разветвляется на легочные вены, выходящие из ворот легких, по две из каждого легкого. Выделяют правые и левые легочные вены, среди которых различают нижнюю и верхнюю легочную вену. Вены несут легочным альвеолам венозную кровь. Обогащаясь кислородом в легких, кровь возвращается по легочным венам в левое предсердие, а оттуда поступает в левый желудочек. Примерно так.

— Значит, госпожа, кровь переносит кислород. А без него мы умираем. А почему человек умирает, если дышать дымом? Это тот же воздух?

Лиля рассказывала про гемоглобин, эритроциты, про присоединение угарного газа, а мужчина слушал — как песню. Запоминал, записывал и многое становилось понятнее.

— Госпожа, вы бы и сына Великого Хангана вылечили. Я уверен.

— А что с мальчиком?

Хотя не такой уж мальчик, юноша. Лет шестнадцати. Наследник, первенец, любимец отца...

Лиля слушала и хмурилась. Основные симптомы были однозначны. Головная боль, тошнота, понос, рвота, температура... да что угодно! А вот одышка... кровоточивость десен... это интереснее. Лимоны, апельсины мальчик ел? В товарных дозах? Даже поят водой с соком лимона?

Тогда не цинга.

А что?

Ой, ё!

Металлический привкус во рту? Боль при сглатывании?

Лиля хмурилась все сильнее.

— А кончики пальцев и носа не розовые?

— Да...

Она покачала головой:

— Тахир, мальчика не вылечит никто. Отравители — это не по части медиков.

— Отравители?

Лиля вздохнула. И прочитала краткую лекцию. Больше всего, по совокупности симптомов, было похоже, что мальчика травил ртутью. Медленно и верно. Каким образом?

А она не всевидящая. Оказалась бы на месте — может, и нашла бы, кто его травит. А сейчас — увы.

— И никак нельзя спасти мальчика?

— Можно. Убрать отравителя и долго лечить. Если еще не произошло необратимых изменений в организме.

— Если бы в Ханганате об этом знали!

Лиля задумалась. Если бы знали... А почему нет? Что она теряет? Пусть ищут отравителя. Найдут — ей плюсик. Не найдут — так и минуса не будет. Где Ханганат, а где она? Далеко...

— Тахир, друг мой... У вас есть возможность отписать друзьям? В Ханганат?

— Э-э-э...

— Тогда направим письмо барону Авермалу. Вы вложите свое, а он переправит с оказией.

— Если сын Хангана еще не умер, я смогу надеяться...

Лиля послала старику улыбку. Хотя старик... здесь это лет пятьдесят. В ее мире в сорок лет жизнь только начиналась, а здесь в этом возрасте уже прикидывают размеры гроба.

— Если мальчика вылечат — вы сможете вернуться.

— Оставить вас, госпожа? Никогда! Если только сами погоните прочь...

— Тахир, я ведь себе не хозяйка. Надо мной муж...

— Госпожа, я не думаю, что он настолько глуп, чтобы запрещать вам нести людям

пользу. Ваши знания могут спасти тысячи! Десятки тысяч людей!

— Ваши знания, Тахир. Я лишь ваша скромная ученица.

— Как пожелаете, госпожа. Только не гоните...

А подтекстом слышалось совсем другое. Тахир был готов положить жизнь, чтобы лечить людей. Так как он поступит с тем, кто помешает ему научиться?

Судя по тому, что он рассказывал... яды — вещь такая... при нынешнем уровне развития их обнаружить нереально. Тахир даже сильно размышлять не станет.

И она не ошибалась.

Тахир Джааман дин Дашшар и не рассчитывал на такую удачу.

Побег из Ханганата дорого ему обошелся. Старик устал, не знал, где завтра преклонит голову, — и вдруг...

Удачей было уже получить кров над головой. Но чтобы так?

Когда Али привез его в Иртон, Тахир сначала отнесся к женщине, которая вздумала постигать тайны человеческого тела, с легким удивлением.

Что может женщина?

Это прекрасный цветок. Она украшает жизнь, но решать, лечить, учить — должен мужчина. Это однозначно.

Ан нет.

Уже на второй день Лилиан Иртон завела с ним беседу. И Тахир был в шоке. Она знала... он до сих пор не ведал глубины ее знаний. А ведь женщина ничего не скрывала.

И он понимал — ему не лгут. Там, где говорят о медицине, не лгут. Разве что стараются объяснить понятнее.

Но как поверить в маленьких существ, живущих везде, в том числе и внутри людей? И в то, что рана гноится не от дурной крови, а именно от них. И если ее про... дезин... фицировать...

Как поверить, что кровь состоит из маленьких бусин (так Лиля для простоты объясняла про эритроциты, лейкоциты и тромбоциты) и к тому же разных?

И в то же время — как не верить?! Такое не придумаешь, это не бред.

Тахир костями чуял, за Лилиан Иртон серьезная школа. Это ее знания, но не только ее... Такое собирается тысячелетиями.

Но, когда он попытался узнать — откуда, графиня покачала головой. Отговорила рукописями.

Он не поверил. И искал бы. Но тут как раз случился налет работорговцев.

Раненые люди.

И они забыли обо всем.

Он, графиня, местный травник — человеческая боль стерла все различия. Они лечили. То есть лечила в основном графиня. А они были просто на подхвате.

Тахир смотрел, как она работала, как уверенно брала инструменты, как раскладывала их в определенном порядке, как отдавала приказы, — и крепла уверенность: они с графиней одной крови. Чтобы лечить людей так — надо иметь дар. И полностью отдаваться ему. Если бы не графство, Лилиан Иртон была бы лекарем, докторусом... она бы помогала

людям. Но и так...

Она делает все возможное. Если больше нельзя, на то есть причины.

А если он ей благодарен, он не станет спрашивать. Видит небо — Тахир руку бы отдал, чтобы учиться там же, где и она. Но, видимо, эта дорога была закрыта.

Так примем же те знания, которые нам дарует милость Великой Кобылицы, и постараемся оседлать коня удачи.

А если кто-то рискнет помешать...

Лиля угадала правильно. Джес Иртон еще не знал о Тахире, но это и не важно.

Лекарь уничтожил бы его, как ядовитую змею. Из благодарности. Из жажды знаний. Да и просто из привязанности к графине. У ученого не было детей. Но если бы у него была дочь — как бы он хотел видеть ее такой же.

Умница, красавица, лекарь... она заслуживает счастья.

— Госпожа графиня, а если повредили череп? Человек же не всегда при этом умирает... что определяет...

Лиля вздохнула. И принялась адаптировать нейрохирургию к современному уровню медицины. А что делать? На занятия с Тахиром и Джейми она тратила время без всякой жалости. Лучше поспать поменьше. Но рассказать побольше.

Этот мир не будет благодарен ей за порох и пушки. Но ее умение лечить людей не должно пропасть даром. Здесь нет инквизиции и лекари не сгорят на кострах. Такие — не сгорят. Они всегда будут нужны. Даже священникам, или как их тут, альдонам.

Болеют все. И жить хотят тоже все.

Так что... череп состоит из нескольких костей. А мозг — из нескольких долей... где тут был рисунок?

— Ваше сиятельство... — Лейф явно был доволен. И собой, и вылазкой... — Баронский замок взят. Там теперь наши люди.

— Отлично. Что еще хорошего?

— Тут куча бумаг в сундуке — сгребли все, что нашлось. Поглядите?

— Да. А что заставило вас задержаться?

— Ваше сиятельство, в замке у барона было человек сорок пленников. Он собирался их работорговцам продать. Мы и прикинули, что доказательства нужны...

Лиля кивнула:

— Разумеется. Опросим, запишем и пошлем в столицу. Сложно было взять замок?

— Да нет. Не слишком. Мы узнали, что, как барон из дома, — его дружина гуляет. Не в полный дым, конечно, но вояки из них не ахти под вином-то. Дождались нужного часа — ну и пошли. По-тихому, без шума... не всегда обошлось, но перед рассветом все сонные.

— Сколько наших погибло?

— Четверо.

— Раненые?

— Восемь.

— К лекарю. Чем скорее, тем лучше. Раны обработали?

— Да, ваше сиятельство. Как вы учили.

Лиля действительно учила. Ранили? Да, варварство. Но хоть так. Рану залить спиртом — благо запас есть. И завязать чистым бинтом. Специально вываривали, чуть ли не стерилизовали, и заворачивали в пергамент.

— Мы займемся. Но, по-моему, это немного для захвата замка?

— Очень мало. Двое у Эрика, двое у меня.

А в глазах читалось отчетливое «Мои люди...» И прав ведь. Если командир относится к людям как к грязи — недолго он пробудет в командирах. А значит...

— У погибших остались семьи?

— У одного жена.

— Ей будет выплачиваться жалованье погибшего мужа. Ну и за кровь тоже выплачу. Это мало, но ведь любимого человека не вернешь...

Прошлое царапнуло по сердцу. Отец, мать, Алеша... интересно, как скоро он забыл ее? Так, не надо об этом думать сейчас. Потом, все потом...

Сейчас же — Лейф. И... вирмане, которые загоняют во двор, как скотину, кучу связанного народу.

— Вы всех сюда притащили?

— Да, ваше сиятельство.

Лиля схватилась за голову:

— А размещать?

— Кто вам понадобится — тех оставим. А остальных — пинками под зад со двора. Осядут по деревьям...

Лиля подумала.

— И то верно. Ладно. Сейчас поговорю с Лонсом — прогоним вдвоем эту толпу, поговори с Лейсом, пусть направит сюда человек пять, чтобы порядок был, и отдыхай. Заслужил.

— Слушаюсь, ваше сиятельство. — Лейф одарил Лилю доброй улыбкой.

Лиля улыбнулась ему в ответ. Хорошие они ребята, эти вирмане. Несмотря на все трудности и сложности.

Спустя час ей улыбаться не хотелось.

Только рвать и метать.

Потому что одним из людей, оказавшихся в подвале у барона, был... Эдор.

Благополучно покойный бывший управляющий.

Лиля не то чтобы разозлилась... нет. Скорее ее переполняла смесь злости и азарта. И в то же время она боялась наделать глупостей. Один раз уже рубанула сплеча. И что в итоге?

Поэтому она распорядилась поместить Эдора отдельно, поискать его супругу и дать им чего-нибудь поесть. Пока...

Допрашивать будем потом. И коллективно.

А для начала разберемся с остальными.

Остальные были не особо интересны. Барон не слишком церемонился и набирал подходящих мужчин и женщин из своих крестьян. Утешало одно — женщин не насиловали. Не из-за передозировки благородства, нет. Просто нетронутая девушка стоила дороже. Поэтому если девушка была девушкой, ее после проверки оставляли в покое. Если же нет — ею пользовались в свое удовольствие и потом уже определяли для продажи.

Всего таких не девушек было пятеро.

Лиля подумала и распорядилась послать весточку в деревни. Были же те, с кем девушки стали женщинами? Были. Вот если они захотят взять невест с приданым (из баронских закров), пусть берут. Если же нет...

Бывшим швеям, а нынче кружевницам всегда нужны подмастерья. Тем более Лиля собиралась попробовать конвейерный метод. Почти как с ирландским вязанием. Каждая девушка плетет свою часть узора, несложную и не слишком большую, а потом все собирается вместе уже мастером. Сначала — ею. Потом и кто-нибудь еще научится. У той же Марсии работа вообще в руках горела. Училась девушка не за страх, а за совесть. И на Лилю глядела так, что даже неловко становилось. Ну не заслуживает она такой собачьей преданности.

Лиле и невдомек было, что она сделала.

Дала девушкам кров над головой, еду, одежду, статус, работу, платит деньги, учит новому, да такому, что дороже драгоценных камней и золота стоит будет, — девушки это оценили. И пастор на исповеди регулярно выслушивал благодарности в адрес доброй и щедрой графини. И просьбы помолиться за нее...

С девушками было проще. Их однозначно вернут родителям. Вешать себе на шею лишние рты Лиля не собиралась.

А мужчины практически все были из крестьян. Их надо было гнать обратно в Донтер. Была еще пара-тройка бродяг. Но им Лиля предложила выбор. Либо работать в солеварне, либо к чертям кошачьим.

Никто из бродяг не ушел. И ничего удивительного. Бродить по дорогам хорошо летом. А вот зимой, когда холодно, дуют ветра с моря, нечего есть... Лучше уж переждать на не самой тяжелой работе до весны. Да еще и медяк какой за нее получить, а как потеплеет — можно и в дорогу.

Так что разобрались достаточно быстро. В качестве фейс-контроля присутствовали Тарис и Лонс, для силовой поддержки — Лейс. Ингрид, встретившая его чуть ли не на пороге, убежала к раненым. Сейчас ими занимался Тахир.

Ничего сверхсерьезного не было, а то, что было, могло и подождать. Просто же промыть раны, обработать — с этим справились и Тахир с Джейми.

Лиля пришла чуть позже. И началась учеба.

Сколько есть видов хирургических швов? Вроде бы и немного. Но применить нужный в нужном месте — уже почти искусство.

Поставить дренаж. Прощупать и вполне профессионально собрать в самодельные лубки сломанную кость.

Все быстро, четко, аккуратно, приглядывая и за работающими рядом учениками. Хотя... ладно Тахир, он действительно ее ученик. А Джейми теперь кто?

Вот закончим с ранеными и поговорим.

Джейми запирается не стал.

Сел напротив Лили в кабинете, вздохнул и начал рассказ.

Парень не знал о своем происхождении, когда соглашался ехать с Лилей. Это все было на уровне догадок, идей, размышлений...

Он видел, что его мать — птица другого полета, нежели окружающие. Понимал, что отец (он же не знал тогда, что это отчим) ей не ровня. Но родители были вполне счастливы друг с другом. А для черной работы отец приплачивал одной из соседок.

Неприятности посыпались, когда родители умерли. Во время морового поветрия. А мальчика взяла к себе бабка. Тоже травница, как и отец. И воспитывала ребенка несколько лет. Кормила, учила... не бросила. Хотя и не могла не знать, что не родной он по крови ее сыну.

Но, видимо, покойная старушка относилась к редкой категории умных свекровей. Которые стремятся не сжить со света «гадюку, которая покусилась на моего сыночку», а, наоборот, сделать так, чтобы сынок чувствовал себя уютно с молодой женой.

Шкатулка? Да, она была. Бабка просила не открывать, пока край не придет. Вот он и не открывал.

Почему сейчас открыл? Вот так масть легла. Раньше как-то уматывался, да и жил под постоянным стрессом (хотя такого слова и не знал). Не до шкатулок было.

А тут образовалось свободное время, силы, интерес — ну и полез. И обнаружил. Кольца принадлежали его деду, дяде и матери. Браслет — матери. Ей же принадлежал и портрет.

А Джейми — он был одно лицо с матерью. И больше был похож только на своего дядю. Или деда. Опять-таки Лиля могла это только предполагать. Но...

— Ты говорил, патер Лейдер на тебя нехорошо смотрел... Давно ли он в Альтвере?

— Да уж лет десять как...

— Мало. Но, с другой стороны, мог знать что-то и раньше...

Джейми пожал плечами. Мог знать. Мог не знать. Теперь уже не угадаешь. А значит, и гадать нет смысла.

Почему не рассказал раньше? А зачем было языком трепать? Ради Джейми никто не стал бы завязываться с бароном. Но раз уж тут есть варианты — почему бы и не воспользоваться?

Лиля подумала примерно так же. Почему бы нет? Был у нее под боком вражина, а станет хороший друг. И сбежать к нему всегда можно, если что. И часть производства перенести. И вообще, надо делать хорошие дела.

Графиня Иртон вздохнула и вытащила на свет листок пергамента.

— Давайте писать, господа...

После долгих споров и оттачивания каждой фразы, на свет явилось следующее:

«Ваше всемилостивейшее величество.

С прискорбием сообщаю, что обитавший рядом барон Донтер потерял рассудок. Только этим можно объяснить его попытку похищения моей дочери Миранды Кэтрин Иртон, к счастью — неудавшуюся.

Полагаю, что Альдонай покарал барона за грехи его отца, который вступил в противоестественную связь со своей сестрой и прижил от нее ныне покойного Клива Донтера.

В доказательство я прилагаю к этому письму копию свидетельства Марианны Донтер, также ныне покойной супруги старого барона. Оригинал находится у меня и будет предъявлен по первому же требованию.

Также хочу сообщить, что сын Марианны Донтер, последней из рода Донтеров, находится сейчас в моем поместье и ждет ваших указаний.

Остаюсь преданная вашему величеству,

Вот так. А поместье пока доверим вирманам.

Например, Эрику.

Без королевского приказа отпускать туда Джейми было нельзя. А Эрик пусть побудет. У него не забалуешь и не забунтуешь.

Уж слишком горячими глазами смотрел на нее в последнее время вирманин. Слишком...

Не то чтобы Лиля была настроена всю жизнь прожить монашкой, но до того ли сейчас?

И дел много, и сил мало, и законный супруг рогам не обрадуется... Хотя последнее — это уже отговорка. Плевать на его рога с высокой колокольни. Пусть хоть по кругу ими обрастет! Но пока есть возможность уладить отношения мирным путем — надо пробовать. Поругаться я всегда успею, говорила жена капитана Мельниченко, — и без единого дурного слова глушила пьяного мужа тяжелой скалкой по чему придется.

Так вот, пусть Эрик побудет подальше... От греха. А то ведь тоже блондин, как и Алешка...

А если с супругом все будет плохо...

Ну что ж, вспомним классика — господина Мольера.

«И если у мужей растет кой-что на лбу, пускай винят себя — не жен и не судьбу. Уж ежели тебе жених попался скверный, то, как ты ни крепишься, женой не будешь верной».

Сколько лет словам — и какие верные! Но пока — подальше от искушения.

Эдор был бледен, вымотан и изрядно потрепан. Только вот жалости у Лили не было. Сколько она уже за ним бардак разгребает?

А сколько еще разгребать?

Нет уж. Умел воровать — сумей и отсидеть! Во исполнение заветов великого Глеба Жеглова.

Тару так и не нашли, и Лиля особо не переживала по этому поводу. Наоборот, смотрела на управляющего с нехорошим интересом.

— Вот мы и опять встретились, Эдор. Поговорим?

Мурлыкающий тон никого не обманул. Потому как Эдор побледнел еще больше и предпринял попытку свалиться в обморок. Стоящий сзади Олаф тут же отвесил ему подзатыльник. Помогло не хуже нашатыря. Эдор хрюкнул и выпрямился.

— Госпожа графиня...

— Я, любезнейший. И очень хотелось бы послушать, что вы мне скажете...

— О чем, госпожа графиня?

— А вот вы начните с начала. Давно вы в Ирhone управляли? — вкрадчиво поинтересовался Тарис.

Эдор было дернулся, но при виде внушительного кулака под носом принялся говорить. Понимал, что его и в пыточную перетащат — не заморятся. А нагадил он точно не на одну пыточную, в это время и за меньшее головы рубили.

Конечно, он запырлялся. И приходилось стимулировать затрецинами.

Пытался врать. Вилять. Недоговаривать.

Но квартет Лиля — Лонс — Тарис — Лейф справлялся. Где не замечал лжи один — видел ее другой. И допрос шел медленно, но уверенно.

Эдор служил управляющим не первый год. Сначала — у Джайса Иртона. Как оказалось, Джайс был отвратительным хозяином. У него нельзя было воровать. И вешал без промедления, и дело поставил так, что не своруешь. Гнусный тип.

Потом уже, когда Джайс умер, незадолго до свадьбы с Лилей, кстати, Эдор задумался. И пригляделся к наследнику.

Выходило так. Джес был умен. Не отнять. Но в рамках своего сословия. Аристократическая спесь позволяла ему торговать, но не позволяла даже подумать, что его могут обкрадывать. Он априори считал всех простолюдинов глупее себя. И это давало Эдору неплохие возможности.

Он подумал, посоветовался с троюродным кузеном своей жены. Ширви Линдт идею одобрил, — и Эдор отправился в поместье.

Зачем? А из земли многое можно выжать. Если не жалеть ни землю, ни людей, которые на ней работают. Предприимчивые подонки договорились с соседом-бароном, через него с пиратами — и процесс пошел.

Эдор достаточно быстро обнаружил, что семейство Грисмо копает янтарь, вошел в долю, и ручеек прибыли стал наполняться вкусной водичкой.

Дальше все было весьма интересно.

Джерисон Иртон женился. И отослал в поместье свою супругу.

Сначала Эдор загрустил. Как правило, аристократки сами управляли поместьем. Ну хотя бы замком. Но...

Лилиан Иртон оказалась тихой девушкой. Много плакала, молилась, вышивала... Часть вышивок была подарена церкви, а часть Лиля преподносила супругу, когда он появлялся в замке.

Впрочем, это случалось редко, к подаркам граф относился с брезгливостью, да и...

Эдор не сразу понял, что происходит. Глаза ему открыла Тара. Все-таки кухарке виднее, кто что в еду подсыпает. Раз она проследила за Сарой, два, три и поняла, что все не так просто.

Эдор и Тара вызвали девчонку на откровенность. И договорились еще и с семейством Дарси. А почему нет? Надо же ребятам поправлять свое материальное положение...

Почему ничего не замечал докторус?

Не замечал? Да кто вам сказал такую глупость! Все он видел! Еще и сам добавлял какую-то пакость. После чего графиня становилась тихой, смиренной и спала часами.

Почему нянька не замечала? Так докторус ей вообще голову заморочил. И полезно это для будущего ребеночка, и граф распорядился, и...

В общем, Марте по ушам ездили по полной программе.

При графе? Э нет, при графе никто ничего графине не давал. Почему она и была резкой, истеричной, бесилась по поводу и без повода...

Лиля мысленно чертыхнулась. Вот так вот. Оказывается, ее мерзкое состояние было еще вызвано ломкой? Вот так выкидыву и порадуешься. А то родила бы не мышонка, не лягушку... ой-ой-ой...

Где докторус травы брал? С собой привозил. Местной травнице не доверял.

Лиля перевела дух. Местную травницу она еще планировала использовать в своих целях.

Потому и простила ей снабжение Сары. Как-никак еще в столицу ехать. Что там понадобится — неизвестно...

А Эдор колотся, как сухое полено.

Когда Лиля пришла в себя и выгнала его — пошел он недалеко. И твердо намеревался вернуться. И за деньгами, и из соображений личной мести. Хотел добраться до барона, заручиться его поддержкой в плане вооруженных людей и вернуться. Расквитаться с Лилей, забрать деньги...

Не дошел. Сразу — не дошел.

Крестьяне, весьма разозлившись на управляющего, помешали. Напали, отметели так, что Тара не пережила, а сам Эдор валялся чуть ли не месяц в доме у Грисмо. А когда смог выдвинуться к барону, было уже поздно.

Лиля благополучно приехала с вирманами. И план захвата провалился. Потом еще добавились Лейс с его отрядом, Эрик... Одним словом, планы великой мести накрылись.

А барон со злости засунул Эдора в темницу. И собирался вытрясти из Лили и его записку в обмен на Миранду.

И поделом: не рой яму другому.

Жалеть мерзавца не тянуло. А вот что с ним делать?

Глупый вопрос. Беречь как зеницу ока. Вдруг еще что в голову придет. Например...

Остались ли сообщники в замке?

Остались. Конюх по имени Алекс. Скорее не сообщник, а слуга. Но вынести сундучок его бы хватило. Или последить за Лилей...

Конюха Лиля распорядилась тоже взять и допросить с пристрастием.

Эдора закрыть и глаз с него не спускать. Весной отвезем его Ганцу Тримейну. Пусть разбирается.

А потом — посмотрим.

Дамис Рейс был весьма и весьма зол.

Графиня не обращала на него внимания. То есть вообще. Словно его и не было.

Не помогали ни наряды, ни духи, ни томные взгляды — на большее мужчина не осмеливался, не видя привычного отклика.

Да какого отклика? Графине все было безразлично, кроме хозяйства. Ну и девчонки. Она работала с утра до ночи, занималась падчерицей — и все.

Соблазнить ее просто не выходило. Но как потом отчитываться перед нанимателем о провале?

Да, вот так тоже бывает.

Если графиню подловят на неверности, с ней могут и не развестись. Но Дамис всегда может засвидетельствовать, что наследник Иртона — незаконнорожденный.

Потому Дамиса и выбрали — по сходству типажа с графом Иртоном.

Те же темные волосы, голубые глаза — и графиня должна скорее повестись, и сходство, даже если наследник родится от графа, несомненно.

Увы. У графини были свои планы.

Дамис обучал мерзких сопливых детей и зверел с каждым днем. Если и дальше так

пойдет, наниматель откажется ему платить. Но что же делать, что делать?

Может быть, сделать так, чтобы графиню застали с ним в компрометирующей ситуации?

Можно попробовать...

Или сначала — активный штурм?

Вечером Лиля готова была упасть, где стояла. Но Тахир прицепился репьем.

— Ваше сиятельство, а где водится ртуть?

Лилия только плечами пожала.

— Да много где. Но, судя по тому, что принца не рвало каждые пять минут, он ее не глотал, а вдыхал. Или через кожу. Или как-то еще... Не знаю! Картина похожа. А уж что там и как... я не Альдонай, чтобы, не видя человека, сказать, что с ним неладно.

— Ваше сиятельство, а вы не хотите съездить в Ханганат?

Лилия сразу и не нашлась что ответить.

— Тахир! Да что мне там делать? И потом, у вас к женщинам отношение... особенное.

Тахир вздохнул. Что есть, то есть. Это здесь он увлекся и про все позабыл. А окажись Лилиан Иртон при дворе Хангана — ее будут воспринимать как красавицу. Потенциальную жену. Но никак не лекаря.

— Вы ведь графиня, ваше сиятельство. И замужем...

— И когда это кого останавливало? Нет, Тахир. Хочешь — отпиши Хангану, что, судя по симптомам, его сына медленно травят. А я туда не поеду. Зима, между прочим. А мне весной к королю Ативерны. И Миранду я не брошу. И Иртон...

Тахир снова грустно вздохнул:

— Я понимаю, ваше сиятельство. Я отпишу.

— И учтите, друг мой. В моем доме для вас всегда найдется пища и постель. Вы в нем не гость, но скорее член семьи.

Брат по медицине, ага...

Тахир стер слезинку:

— Ваше сиятельство, я вас не подведу. И с вашего разрешения отпишу своим знакомым в Ханганате...

Лилия взмахнула рукой. Мол, поступай как знаешь.

Ртуть... Где она содержится в природе? Много где. Лилия решила не ломать себе голову. Она не химик, она — медик. А отравителей пусть ловят сыщики.

Она не была бы так спокойна, если бы узнала о намерении Тахира.

Старый целитель уже успел изучить Лилиан Иртон. И знал: она не прогонит никого из нуждающихся в помощи.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе.

Тахир не знал этой пословицы. Но собирался применить ее на практике.

Письмо Лилиан Иртон Ганцу Тримейну.

«Приветствую вас, лэйр Ганц.

Хочу сообщить, что мой сосед, барон Донтер, предпринял попытку похищения моей падчерицы Миранды Кэтрин Иртон. Попытка провалилась, а барон погиб в результате несчастного случая. Впрочем, у баронства нашелся законный наследник. И вы его тоже знаете. Это Джейми, травник, который нанялся ко мне в Альтвере. Как оказалось, его мать, Марианна Донтер, будучи беременной сбежала от его отца-барона, потому что тот состоял в кровосмесительной связи со своей сестрой и грозился убить жену после рождения наследника.

Джейми, зная о своем происхождении, решил убраться из Альтвера, но попал из огня да в полымя.

Покамест за землями барона приглядят мои люди. И я буду готова передать их новому хозяину по первому же требованию, подтвержденному указом короля.

Так что направляю вам, а через вас и его величеству копии всех документов. Надеюсь на благополучное решение вопроса в пользу Джейми и всегда готова оказать ему помощь и поддержку.

Кроме того, у барона Донтера в плену находился мой бывший управляющий Эдор.

Протокол допроса я также прилагаю. Расписывать еще раз все, что я выяснила, не буду. Отмечу только, что была потрясена подобным коварством и мерзостью человеческой души.

Буду ждать от вас весточки.

Остаюсь искренне расположенная к вам,

Лиля перечитала письмо и кивнула. Вроде бы так. Хороший сплав вранья и правды получился. Вот скушают ли? А, время покажет.

Вообще, у нее было большое желание прибить голову барона на перекрестке. Но — разубедили. Тарис и разубедил. Ни к чему графине такая слава. Не поймут.

Лиля подумала и согласилась. Вроде бы подобные отморозки — исключение, а не правило. Не надо раньше времени показывать зубы.

Вспомнить только вирманских песиков. Добрые, умные, пушистые... в жизни не поверишь, что в этом клубке меха еще и зубы есть.

А они есть.

Так что берем пример.

Письмо Джерисона Эдоард получил не в самый подходящий момент. На границе были легкие беспорядки. Зима-с. Голодно, холодно, лихие люди активизируются...

Но не оставлять же сына без разъяснений?

Перо быстро забегало по пергаменту.

«Граф Иртон.

Не понимаю, с чего у вас сложилось подобное мнение о вашей супруге.

Она не дура и далеко не истеричка.

А вот кто вы — еще предстоит выяснить.

Вы в курсе, что вашу супругу опаивали ядами, в результате чего она потеряла вашего сына и была близка к смерти? Что на нее совершались покушения? И могла пострадать не только она, но и ваша дочь?

Я требую, чтобы по окончании посольства вы явились ко мне. Отзывать вас пока не буду. Но сообщу плохую новость.

За покушениями стоял кузен вашей любовницы, Аделаиды Вельс.

Так что поручаю вам допросить лэйру Вельс и выяснить степень ее причастности. Отчет пришлете мне.

Постарайтесь быть благоразумны и удерживать Рика от всяческих выходок.

Прилагаю протоколы допроса убийц и их нанимателей.

Запечатать, отправить. И пусть Джес разбирается. Не дурак же он...

Альтрес Лорт посмотрел на бледную Анелию.

— Значит, так. Сегодня у нас — бал. У тебя последний шанс заинтересовать принца. Сможешь — хорошо. Нет — я сам возьмусь за дело.

— См-могу... — Анелия заикалась, губы у нее дрожали.

Альтрес покачал головой.

— Хотя бы сделай так, чтобы вас застали в компрометирующей ситуации. Это ты сможешь?

Анелия кивнула.

— Я приставлю к тебе пару фрейлин. Как только ты уединишься с принцем, они позовут на помощь. У тебя будет несколько минут — так что делай что пожелаешь. Вешайся ему на шею, ахай, охай... Ты поняла?

Анелия закивала интенсивнее. Альтрес нахмурился. Доверия эта перепуганная соплюшка не вызывала. Но и выбора нет.

Рику пора жениться. И наследник нужен. Ждать, пока подрастут младшие принцессы, он не будет. Да и какое влияние такая мелочь будет на него иметь?

Нет, нужна именно ночная кукушка. Вот ее Альтрес и обеспечит.

— Идешь на бал?

— Куда ж деваться. Больше валяться не получится.

— Хорошо еще, что столько провалялся. — Джес осмотрел кузена. В черном с золотом Рик был великолепен. — Бабы с ума сойдут.

— Дамы, Джес. Дамы...

— Ой, да все они шлюхи. — Джес скривился. — Любая, какую ни копни.

— А ты в дерьме не копайся, — парировал Рик.

— Так на нем самые красивые цветы вырастают.

Мужчины одновременно расхохотались.

— Ладно. Идешь?

— Скоро приду. Письмо из дома получил, хотелось бы сначала прочитать.

— Я свое уже... Ты чем занят был, кобель?

— Тем и был. По-твоему, я Адель с собой взял, чтобы Альдонаю молиться?

— Конечно. Вместе с ней. — Рик скорчил кузену рожу.

Джес махнул рукой:

— Прочитаю — приду. Мне же не обязательно быть с самого начала, это ты у нас принц...

Рик вздохнул и вышел.

Джес отправился в свои покои.

И распечатал увесистый конверт.

Письмо дяди повергло мужчину в шок. Лилиан травили? Убийц нанимала Адель?

Милая, добрая, нежная...

Джес не стал сразу орать и требовать ответа. Нет.

Сначала он просто не поверил. Потом просмотрел копии протоколов. А потом, пылая праведным гневом, помчался искать предательницу.

Естественно, на балу. А то где ж еще.

Анелия старалась.

Роскошное платье из желтого шелка подчеркивало темные волосы и яркие глаза, на шее сиял янтарь, глаза тоже сияли... мало кто мог распознать, что сейчас ее ведет страх.

Но тем не менее.

Анелия подсознательно боялась Альтреса Лорта. И еще больше боялась стать ненужной. Потому что тогда...

Тут ее фантазия разыгрывалась так, что принцесса не могла спать и по ночам мерила шагами комнату.

А Рик был неприступен.

Вот и сейчас они танцевали, принц говорил ей дежурные комплименты — но и только. И Анелия решилась:

— Ваше высочество, не могли бы вы уделить мне минуту внимания?

— Да, разумеется. — Рик не стал отказывать. Они на балу. Куча народу вокруг. Что тут может случиться?

Анелия потянула его за рукав, и принц скользнул за ней в сторону от танцующих.

Тонкая женская рука отвела занавеску, принцесса исчезла внутри, принц огляделся: и тоже шагнул за девушкой.

Этот момент удачно совпал с появлением в зале Джерисона Иртона, который увидел золотую голову кузена и решил, что вдвоем допрашивать мерзавку будет удобнее.

И рванул к Рику, пробиваясь сквозь толпу.

Не успела фрейлина, приставленная к принцессе, подать знак, как на нее вихрем налетел Джерисон Иртон.

— С дороги!

Женщина только пискнула. А Джерисон ворвался в альков.

— Рик! Ты мне срочно нужен!

— Тебя что, шильда за зад цапнула? — ехидно уточнил Рик. — Ты хоть на ее высочество обрати внимание, болван!

Джес выругался вполголоса и обратил внимание, что за фигурой Рика просматривается и еще одна. Ну да. Кузена-то он увидел. А принцессу, которая скользнула туда на пару минут раньше, не приметил.

— Ох... простите великодушно, ваше высочество!

Анелия только кивнула. Сил хоть что-то сказать у нее не осталось.

А галантный кавалер схватил Рика за рукав.

— Ты мне срочно нужен! Сейчас же! Пошли! Простите, ваше высочество... давайте мы вас проводим к отцу?

Анелия мысленно поблагодарила небеса, что не успела растрепать вырез платья. Потому что, судя по тону графа, его не интересовали никакие возражения. Ни ее, ни Рика.

И принц это тоже понимал.

Случалось такое с Джесом, он пер тараном и отказывался слушать голос разума. Вот и сейчас его на чем-то заклинило. Так что Рик упроще было проводить принцессу к отцу, сослаться на внезапную дурноту, а когда они вышли из зала — грозно посмотреть на друга.

— Ты что вытворяешь?! Рехнулся?!

— Дядя мне написал, что в покушениях на мою жену виновна Адель.

— ЧТО?!

Альтрес Лорт наблюдал за выполнением своего плана.

И видел, как вбежал Джерисон, как Рик вылетел из алькова... почему бы?

Он успокаивающе махнул рукой фрейлине и скользнул за мужчинами. Чтобы в гостевых апартаментах не было тайных ходов? Смеяться изволите, господа?

Определенно надо послушать, о чем говорят гости.

До покоев Джеса летели как на крыльях.

Рик не мог поверить. Ну зачем Адели так поступать?

Она что, всерьез надеялась выйти замуж за Джеса? Простите, это — бред. С такими вдовушками хорошо погулять. Но жениться на них? Можно. Но Адель — другой вопрос. Денег у нее нет, связей тоже, в семью она ничего не принесет, она — пустышка. Джесу только свистнуть — и десяток таких прибежит.

— Может, это ошибка?

— Дядя все написал... сам посмотришь. Не ошибка. — Джес был весьма мрачен.

— Тогда просто глупость. Не верю. У твоей Адель мозгов как у устрицы. Может быть, ее втянули, а сама она и не подозревала?

Джес чуть посветлел лицом:

— Может быть.

Впрочем, когда Рик начал читать, сомнения у него пропали. Адель действительно была...

если она и не приказывала, то уж точно знала о происходящем.

Ее кузен после нескольких дней пыток запел как птичка.

И выложил все.

Да, состояли в связи. Давно и всерьез.

Да, он планировал убить и Лилиан, и Миранду. А потом женить Джеса на своей любовнице и убрать также и графа.

Тогда все достается Адель, а он может подать прошение королю и жениться на несчастной вдове. Почему нет?

Прерывалась ли их связь, пока Адель и Джерисон Иртон...

Нет. Еще не хватало!

На какие средства?

Так это просто. Джерисон любовницу баловал, дарил дорогие украшения, вот кое-что Адель и отдала любовнику. На наем убийц хватило.

Протокол допроса самого первого убийцы это подтверждал. Хотя и косвенно.

— М-да. Твой человек, из твоей дружины...

Джес, метавшийся по комнате, обжег кузена злым взглядом.

— Мой! И что? Я ему ничего не приказывал!

— А Август в это поверит?

Джерисон сверкнул глазами. В этот момент он был удивительно красив.

— Поверит, не поверит... Лилиан — моя жена!

— И что? У вас что в контракте прописано? А дядя ведь выступает его гарантом... м-да. Ты попал.

— То есть?

— Знаешь, если бы Лилиан жила с тобой в столице, покушаться на нее было бы намного труднее.

— С этой истеричкой?! Под одной крышей?

— Джес, ты что, не читал? Дядя тебе черным по белому пишет, что ее опаивали. О-па-и-ва-ли.

Джес насупился, но промолчал. Зато Рик не сдержался:

— И это — полностью твоя вина! Ты с ней хоть раз поговорил? Да ты Альдонаю должен новый храм построить в благодарность! Твоя супруга осталась жива, здорова, в здравом уме, сберегла себя, твою дочь, навела порядок в твоём поместье... И ты еще недоволен?

Джес выглядел загнанным в угол. Как ни крути — его вина. Воров распустил он, попытки отравления допустил он, убийства тоже на его совести — если бы он не завел себе такую гадюку...

Вот, кстати о гадюке.

— Может, пока, я читаю, ты за Аделью сходишь?

Джес повиновался. И через десять минут втащил в комнату плачущую Аделаиду Вельс.

Аделаида была в шоке.

Джес нашел ее на балу и просто утащил с собой. А на все просьбы объясниться — тихие, правда рыкнул, чтобы молчала. А то не удержится.

Скандала Адель не хотела. И предпочла молчать. Хотя и недоумевала, что случилось. Джес ее приревновал к тому маркизу, с которым она танцевала? Но это же смешно! Или что-то другое?

Но что тогда?

Джес дотащил ее до своих покоев и грубо впихнул внутрь. Аделаида споткнулась, но тут же вернула себе равновесие и встретилась глазами с его высочеством.

Рик смотрел с явной неприязнью. И заговорил холодным тоном, не оставляющим сомнений:

— Объясните мне, лэйра Вельс, почему ваш кузен хотел убить жену Джерисона?

Аделаида вздрогнула. Алекс? Раскрыт?! Альдонай...

Ей не раз приходилось имитировать обморок. Но сейчас ей действительно поплохело. В висках застучало, в глазах потемнело и пол как-то резко рванулся к лицу.

Джес подхватить ее не успел.

Рик критически оглядел распластанную тушку Аделаиды.

— Молодец...

— Издеваешься?

— Нет. Правду говорю. Я тут почитал документы, пока ты за своей дамой ходил...

— И?

— Влип ты, дружище.

— Думаешь, я сам не понимаю, — насупился Джес. — Драгоценности я ей дарил, в постель укладывал... теперь докажи, что я ни при чем!

— Драгоценности хоть не супруги?

Джес призадумался. И покачал головой:

— Вроде нет. Если только пара колец была, не знаю. Они ж лежат россыпью...

— Лилиан не забрала свои побрякушки с собой?

— Эту дешевку? Я ей фамильные передал.

Рик промолчал. Но так выразительно, что до Джеса дошло без озвучивания.

— Кто ж мог знать...

— А кто мог думать головой, а не головкой? Докажи теперь, что ты тут ни при чем.

— Я что, полный идиот? Верфи Августа — это золотое дно. От такого только идиот откажется! Если я согласен был терпеть эту толстую идиотку...

— Такую уж идиотку? Я тут посмотрел, что отец пишет, Иртон она в порядок привела, воровство обнаружила... короче — ты этим заниматься должен был. А не она.

— Ну я.

— Вот так отцу и скажешь. Мол, я тут и мимо не проходил...

— Рик, ну что я, идиот, беременную жену травить? Я бы хоть наследника дождался... хотя от этой дуры...

Рик едва не взвыл:

— Джерисон Иртон, ты думать начнешь? С чего ты решил, что твоя жена — дура?

— Ты знаешь, сколько раз я с ней пытался поговорить?

— Раза два? Три?

— Издеваешься?

— Нет. Расспрашиваю. До свадьбы ты ее видел?

— Нет.

— Значит, на свадьбе. А припомни-ка ты, голубь, в каком состоянии сам из-за стола выполз?

— Хочешь сказать, она тоже напилась?

— Болван! Она — женщина! Они на свадьбе вообще не в уме. Джесси рассказывала, что, когда она за отца замуж выходила, с нюхательной солью не расставалась. Раз шесть чуть в обморок не упала от волнения.

— Думаешь?..

— А то ж. И твоя жена скорее всего ничего не соображала.

Джес насупился, но крыть было нечем. На полу застонала Аделаида Вельс, и мужчины переключились на нее. Рик молча протянул кузену графин с вином, и Джес щедро окатил свою любовницу.

Аделаида застонала и открыла глаза.

Выглядела она жалко. Волосы слиплись, косметика поплыла, платье было в пятнах от вина — короче, вместо утонченной придворной дамы на полу валялась дешевая портовая шлюха.

А хлынувшие слезы не улучшили положения.

— Я... не...

— Что ты — не?! — рявкнул Рик. О практике злого — доброго следователя кузены не знали, но работали согласованно. — На каторгу не хотела? Так не волнуйся, такие... как ты, там по специальности работают! Тележки таскать не придется!

Слезы хлынули вдвое интенсивнее. И спустя час мужчины таки добились истины.

Аделаида ни в чем не виновата! Факт!

Кто виноват? Алекс!!!

Это он, злодей проклятый! И только он! Он шантажировал бедную вдову, которая хотела лишь оплакивать своего мужа.

Он заставил ее продать поместье и явиться ко двору.

Да, милого Джерисона (горячий взгляд из-под слипшихся ресниц и чувственное шмыганье покрасневшим носом) она любила. И любит. И поймет, если он не захочет ее больше видеть.

Но как могла она, слабая женщина, сопротивляться?

Пожаловаться? Но кому? И ей было стыдно...

Любовная связь? Не было такого! Наглый оговор! Кто это утверждает? Алекс?

Он под пытками еще и не то утвердит! И вообще, он как раз хотел очернить ее, потому что домогался и получил отказ. А милый и любимый Джерисон отказа не получил.

Драгоценности он брал. Но как она могла сопротивляться? Ее опять избили бы... ей было страшно! Одна, беззащитная, закон дает Алексу власть над ней...

Рик мрачно слушал и думал, что гадючка вывернется. Ее слово против слова ее кузена. А на своем она будет стоять до последнего. Он бы точно стоял.

А так ее никто не видел. Она не нанимала убийц, ее даже в постели с кузеном не заставляли. И даже если Алекс опишет все приметы на ее теле — бесполезно. Мало ли где он мог что увидеть...

Вывернется.

Видимо, это понял и Джес. Потому что выпихнул плачущую даму за дверь и вернулся к Рику.

— И что ты думаешь?

— Ничего. Могла быть права она, мог быть прав он. Но я бы поставил на Алекса. Под пыткой врать плохо получается, да и допрашивать у отца умеют.

— Здесь ее не допросишь. Да и шум поднимать...

— Не надо. Всё дома. А то отец устроит ей несчастный случай.

— Он — может, — согласился Джес.

Они несколько минут помолчали. А потом Джес неожиданно вздохнул:

— Рик, мне ее жалко.

— Жену бы ты так жалел. А то какой-то шлюхе — руки целовать, а законную жену, как последнюю шлюху... Кстати! А я ведь тебя помню на свадьбе.

— И что?

— Ты к концу ее узлов не вязал. Ты так и к жене заявился?

Джес опустил глаза.

— Э-э-э...

— Ага. Ну-ка рассказывай, друг любезный, что ты с женой такого сделал?

Джес изобретательно послал кузена в пеший эротический тур. Рику хватило.

— Понятненько. Поговорить с ней ты так и не удосужился...

Джес вообще плохо помнил брачную ночь. Какое там поговорить...

— Но потом же...

— Что — потом? Джес, это домашняя девочка. Балованная, заласканная... да сколько бы она ни весила! А ты скорее всего просто поимел ее и отослал в Иртон?

Судя по лицу Джеса — так и было.

— Ага. А что было потом?

— Да она и потом особенно не... Смотрела коровой, вышивки какие-то дарила...

— Ты хоть что-то в ответ подарил?

Джес хлопнул ресницами. Рик возвел очи горе.

— Ну да! Это придворным шлюхам надо дарить. А законной жене зачем? Не с ней ведь

жить, правда?

— Я уже понял: я — дурак, — огрызнулся Джес. Хотя понимания в его голосе не было. Только злость.

— Приятно слышать. А теперь подумай. Ты ее сильно обидел, не извинился, не обращал внимания... Она честно сделала шаг навстречу — где эти вышивки теперь?

— Да где угодно! Думаешь, вспомню?!

— А потом ты заслал ее в Иртон... хоть приезжал?

— Ну да. И приезжал, и докторуса привез... она как бешеная была. На меня едва смотрела, на всех срывалась...

— Ее травили, баран! Тут кто хочешь с ума сходить бы начал!

— Действительно...

— А вот когда она смогла с этим разобраться... Сама, заметь!

Судя по лицу Джеса, в его мозгу боролись злость и раздражение. Хотелось бы верить, что на себя, но Рик знал кузена уже больше двадцати лет.

— Дядя мне теперь в жизни не поверит, что я ни при чем.

— Остается прощение у жены вымалывать.

— Вымолю. — Джес махнул рукой. — Жена как-никак.

— Вот именно. И все больше — никак.

— Слушай... — До Джеса что-то дошло. — А с Аделью я недавно познакомился.

Рик сдвинул брови.

— Соображать начинаем? Адель хотела убить Лилиан. А травить ее начали...

— Намного раньше. Твою ж...

— То есть у тебя двое разных убийц?

— Скорее заказчиков. Про докторуса дядя ничего не пишет...

— Его найти не могут.

— Интересно почему...

— Потому что. У меня бы тоже не нашли. Кто тебе его посоветовал?

— Сестра.

Мужчины переглянулись.

— Вроде бы Амалии незачем...

— Надо выяснить, кто ей посоветовал.

— Да Крейби был популярен. Молодой, симпатичный...

— И ты такого послал к жене?

— Он и докторус неплохой. А чтобы позариться на эту корову...

Рик едва не взвыл. Безнадежно. Вот что с ним делать?! Жена — корова. Аделаиду — жалко. Хотя уж кого бы и на скотобойню, так это вторую.

— Два разных заказчика. Плюс воры-управляющие. Знаешь, Джес, если твоя жена хоть

немного похожа на отца, — тебе прощение на коленях вымаливать придется.

Джес расплылся в обаятельной улыбке, от которой билась в экстазе добрая половина придворных дам.

— Женщины есть женщины. Простит, куда денется...

Тьфу!

Рик искренне удивился бы, если бы узнал о мыслях Альтреса Лорта.

А мысли подозрительно совпадали.

Альтрес не имел ни семьи, ни детей, но... если бы с его дочерью поступили так, как с этой Лилиан, он бы разозлился.

А еще он смотрел на Джеса и удивлялся. Чем этот петух нравится женщинам? Чем?!

Да, он красив. Мускулистое телосложение, этого не отнять. Глаза синие, улыбка потрясающая.

Достаточно умен. Во всяком случае, дело, которое он унаследовал от отца, процветает. И вроде как неплохой вояка.

Но опять же — войны не было давно (и слава Альдонаю), а гонять разбойников тут много ума не надо.

Есть за что полюбить. И есть за что разлюбить.

Когда он показывает свою душу, а там видишь пустоту. Не то чтобы Джес был виноват. Нет.

Но... разве умной женщине понравится, когда к ней так отнесутся? Слово она — вещь. Без разума, без чувств, хочу — сниму с полки, хочу — обратно задвину...

Альтрес сильно подозревал, что с дурой, которая способна повестись на мордашку Джерисона Иртона, у него ничего и не получилось бы.

А ведь поведется...

Из своего опыта Альт знал, что женщины падки на это. Смазливое лицо, деньги, слава, улыбка... и все. Этого достаточно.

Альтрес убедился в этом сам. Тогда ему было всего восемнадцать лет. Или — целых восемнадцать?

Ей было шестнадцать и родители привезли ее ко двору, чтобы выбрать мужа. Тихая, нежная, домашняя... Лидия, Лидди, Лия...

Со светлыми волосами, серыми глазами, хрупкой фигуркой... она была даже ниже Альтреса. Семья небогатых баронов. И Альтрес в первый и в последний раз в жизни увлекся. Или даже полюбил.

Впервые он был готов заботиться о ком-то больше, чем о молочном брате. И Гардвейг это заметил.

Но — за что Альтрес и любил его — свирепый, коварный и часто жестокий Гардвейг умел быть поразительно великодушным. Особенно с близкими и любимыми. Именно он предложил Альтресу жениться. И именно он согласился выступить сватом.

Конечно, родители девушки были счастливы. И Альтрес — тоже. И... наверное, Лия тоже? Нет?

Она позволяла Альтресу брать ее за руку. Целовать в щеку и в лоб. Они даже танцевали вместе. Тогда Альтрес еще не стал королевским шутом. И мало кто знал, что своим

телом он владел получше многих.

Горб? Кому он мешает! Особенно если захотеть научиться...

Альтрес был счастлив. И не обращал никакого внимания на то, что иногда рядом с его невестой появляется красавчик-кузен. Кстати — чем-то напоминающий Джерисона. Только в чуть ухудшенном варианте. Пониже, попроще...

Он летал на крыльях своей любви... Альдоной, больше двадцати лет прошло...

Ровно за четыре дня до свадьбы его невеста сбежала со своим кузеном.

Альтрес был как оглушенный.

Он не стал мстить, не стал преследовать парочку...

Он просто заперся в четырех стенах и хлестал вино. Пока не явился Гардвейг. Вытащил брата за шкуру из комнаты, поволок его в бордель, и юноши вместе ударились в трехдневный загул.

А потом Альтрес проснулся, посмотрел на бутылки, на спящую рядом шлюху — и понял, что хватит.

Больше никто.

И никогда.

Он выкинул бутылки, забыл про вино и отправился в обучение к старому начальнику королевской разведки. Гард посодействовал.

Лию Альтрес не видел при дворе уже лет восемь. Ее супруг оказался редкостным ничтожеством, промотал все ее приданое и свое состояние, и они с детьми безвылазно сидели в деревне.

Ну и пусть.

Жалеть Альтреса не тянуло. Особенно когда он видел свою бывшую любовь — расплывшуюся от частых родов, с поредевшими волосами, с затравленным выражением некогда милого лица...

Интересно, какая она — эта Лилиан Иртон?

Ладно. Ройс пришлет отчет — тогда и посмотрим.

Торий Авермаль прочитал письмо от Лилиан Иртон и поморщился.

М-да. Значит, графиню хотели убить. Это — плохо. И купец Карист Трелони может быть связан с заказчиками.

Ладно. Узнаем все, что только можно.

И продадим несколько кружевных изделий, которые прислала графиня. Ради хорошего делового партнера можно еще не так извернуться.

Вот второе — хуже.

Тахир просил переслать с первой же оказией письмо в Ханганат. А какой дурак сейчас пойдет по проклятому проливу?

Ну да ладно. Надо послать слугу на пристань, пусть поразузнает.

Письмо надо передать? Вот он и передаст. С первой же оказией.

Аделаида Вельс не была умна в общем смысле этого слова.

Обычно говорят — ум. А ведь это понятие включает и эрудицию, и жизненную сметку... Так вот, если бы появилась возможность проверить Аделаиду на ай-кью — она не набрала бы и двадцать баллов. Она не разбиралась в истории, музыке, политике, она имела в голове десяток шуток и парочку историй — достаточно, чтобы поддерживать светскую беседу. В остальном она придерживалась правила «молчи, дурак, умнее будешь».

Но в то же время...

Она была по-крысиному хитра и нюхом чувствовала опасность для себя. Понимала, в какую щель надо пролезть, чтобы увернуться от карающего ботинка, и какой пирог пахнет ядом.

И этого у нее было не отнять.

Тоже ум. Просто... своеобразный.

Сейчас она отлично понимала: единственная ее защита от окружающего мира — Джерисон Иртон.

Поэтому, изодрав в клочья пару платков и отвесив несколько оплеух служанке, она послала ту шпионить за комнатой Джерисона и дать знать, когда граф останется один.

Ждать пришлось долго.

Сначала Джес и Рик обсуждали сложившуюся ситуацию. Потом выпивали.

Ивернейское вино обладало своеобразным действием — затуманивало разум, но тело двигалось. Вот вино из Ханганата било в ноги, оставляя ясную голову. А тут — наоборот.

Потом опять разговаривали и опять пили. Так что к себе в покои Рик отправился около полуночи. А Аделаида пошла «на дело».

Разделась до рубашки, протерлась салфеткой, пропитанной духами, и спустя пять минут поскреблась в покои Джеса.

Потом толкнула дверь.

Не заперто. Отлично.

Джерисон сидел за столом. В состоянии тяжелого алкогольного опьянения, на что указывали штук восемь винных бутылок. И поднял на Аделаиду затуманенные алкоголем глаза.

— Чего... н-надо...

— Джес, пожалуйста, не гони меня. — Аделаида нашла верный тон. И прежде, чем Джес успел опомниться, упала ему в ноги. — Джес, я люблю тебя! Я жить без тебя не смогу! Лучше сразу убей, только не гони!

Все бы подействовало. Днем раньше, еще бы чуть-чуть... Увы. Только не сегодня.

Джес был пьян и зол как черт.

Поэтому вместо поцелуя Адель получила оплеуху. И сильную.

А потом еще пару ударов ногами, когда упала на колени. Правда, удары больше были обозначены, поскольку Джес был в состоянии нестояния. В том числе и на ногах. Так, едва задело...

Вусмерть пьяный Джес выбрался из-за стола, пнул женщину на прощанье, выдал нечто вроде «И шоб я т-тебя б-льше н-видел...» и отправился к Риду.

То ли спать, то ли на жизнь жаловаться.

Аделаида полежала минут десять. Потом со стоном поднялась на ноги. Щека болела и на глазах опухала.

М-да. Недоценила она свое влияние. Но что же делать теперь, что делать?

Для начала ей пришлось несколько дней провести в постели — пока не сойдут синяки.

А потом... надо искать нового покровителя. И одновременно попробовать еще раз с Джесом?

Надежда у Аделаиды была. Всем в посольстве было объявлено, что она упала ночью с лестницы, вот и расшиблась, бедняжка.

Джерисон приходил, принес ей цветы, про украшения не заговаривал, был отстраненно-холоден и вежлив... может быть, еще есть шансы?

Почему бы не попытаться?

Глава 5

О, СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ СНЕЖНЫХ ГОТОВИТ ЗИМУШКА-ЗИМА...

Рик предлагал устроить Аделаиде несчастный случай. Не просто попинать, а вообще уничтожить. Физически.

Но Джес уперся рогами. Аделаида — женщина. А женщин легко обмануть, запугать, заставить действовать в своих интересах... Да и пусть лучше будет под присмотром. А то кто ее знает...

Единственное, что смог выторговать Рик, это обещание почаще писать и жене и дяде. А если вина Адель будет доказана — никаких противодействий.

Джерисон согласился без споров.

Рик подумал, что плохо настолько не разбираться в женщинах. Но не удивился. Его отец приучал с детства, что за всяким интересом кроется подвох. Джесу ничего подобного не внушали. Вот и выросло...

Альтрес Лорт, узнав о сложившейся ситуации, задумался. И приказал своим людям собрать все сведения об Аделаиде Вельс. И ее участии в покушении.

Пока ее не убрали — пригодится. Если его высочество не клюнул по-хорошему — будем ловить как получится. И точка.

Ну и... Шута заинтересовала Лилиан Иртон.

Он тоже был не слишком высокого мнения о женщинах. Но признавал, что среди них есть незаурядные личности. А такими можно воспользоваться к своей выгоде.

Жаль, что отчет от Ройса придет не скоро. Но Альт умеет ждать. И действовать тоже.

Так что ждем и планируем. Интрига — как поединок. Должен быть всего один удар, но смертельный. А гоняться друг за другом и тыкать мечами — фи.

Это недостойно профессионала.

А жизнь шла своим чередом.

И Лиля смотрела на снег из окон замка, а Миранда вместе с другими детьми лепила снеговиков, снежные домики и снежные фонарики.

Иртонская зима оказалась достаточно снежной, но промозглой. Сыростью тянуло то ли с моря, то ли с болот — Лиля точно не знала. Ей просто было зябко. Хотя замок хорошо отапливался.

Мерзли все. Но голодать не приходилось. Была рыба, был кое-какой скот, а в централизованном распределении ресурсов были и свои плюсы. И все чаще пастор за столом говорил, что в деревнях молятся за добрую графиню. И все чаще Лиля слышала шепотки по углам, что странности странностями, а ведь все благодаря ей...

И была довольна.

Да, Иртон ей не принадлежит. На разве это повод жить в свинарнике? Голодать? Уморить голодом крестьян? Нет уж!

Хотя насчет дома Лиля изрядно кривила душой.

Она привязалась и к старому замку, который облагораживала по мере сил. И к людям, которые в нем жили. А что уж говорить про Миранду! Девочка стала ей дочерью.

Когда-то давно, еще в другой жизни, психолог, учивший Алю Скороленок, утверждал, что усыновленных детей никогда не полюбят так, как своих.

Тогда Аля не стала с ним спорить. Была занята. Учила анатомию. А сейчас... Она бы просто показала умнику Миранду и сказала короткое: «Убью, если кто обидит!»

Хотя воспитывать девочку ей это не мешало.

Однажды Лиля тихонько зашла в классную комнату. По случаю сквозняков все двери дополнительно занавешивались чем-то вроде тяжелых штор. И за ней Лиля могла, оставаясь незамеченной, наблюдать за детьми.

— Кто был основателем Ативерны?

— Элор Могучий!

— Все даже и нет! Дерек Первый!

— Нет, Элор! Я лучше знаю!

— Дерек! Я уверен!

— Проверим?

Молчание на пару минут, шуршание страниц — и торжествующее:

— Я же говорил, Дерек! А Элор — уже его сын!

И возмущенный голос Миранды:

— Зато я графиня! Прикажу — и тебя на конюшне выпорют!

Вот как? Лиля вскинула брови и вышла из-за шторы.

— Что здесь происходит?

У Миранды была еще возможность отыграть ситуацию. Она могла сказать, что шутила, что они просто поспорили. Но вместо этого...

— А чего он! Я — графиня! А он...

— Смеет знать больше тебя? Миранда Кэтрин Иртон, прошу вас пойти со мной. Этот урок вы пропустите.

Она кипела от возмущения. Нет, ну что за наглость?

Мири бежала следом, пытаясь уцепиться за руку мачехи, но Лиля была холодна, как Снежная королева.

В кабинете она уселась за стол — и указала Миранде на кресло.

— Итак, госпожа, что вы хотите мне сказать?

Мири шмыгнула носом:

— Лиля, я не понимаю...

После того случая на поляне у Миранды иногда прорывалось «мама», но редко. И Лиля не давила на девочку. Ни к чему. Все придет в свое время.

— Чего?

— Почему ты сердишься?

Лиля смотрела в синие глаза. И злость стихала.

Мири *действительно не понимает*. Она не со зла. Она просто так воспитана. Она — аристократка. А место остальных — за плинтусом. Прикажет — и выпорют.

— Подумай, малышка... — Лиля заговорила мягко и серьезно. — За что ты грозилась выпороть мальчика на конюшне?

— А чего он задается?

— Задается, да. Ты считаешь, он не имеет на это права? А как звали первого короля? Посмотрим в летописях?

Мири потупилась. А Лиля развила успех:

— Он знает лучше. И за это ты грозишься его наказать? Так?

Девочка хлюпнула носом:

— А если он дразнится?

— Но ты ведь *правдане* знаешь. Вот и получается, что ты хоть и графиня, но глупая. А он вирманин, да умный.

— Это же нечестно!

— А кто тебе мешает выучить? Он бы тебе: знаешь, кто королем был? А ты ему — да, знаю. Такой-то и разэтакий. А ты вот это знаешь? Не знаешь. И получаешься ты балбес, а я умная. Потому что графиня.

Миранда опустила голову. Потом все-таки подняла лицо.

— Лиля, а почему он смеет быть умнее меня? Я же графиня?

— А ты много знаешь о вирманах?

— Ну-у-у...

— Опять не знаешь. Невежество, милая моя, не оправдание. Это плохо. Очень плохо. А то бы знала, что Бьерн, — имя мальчика выплыло неожиданно, — сын корабела.

— И?

— Те, кто строит корабли, у вирман почитаются весьма высоко. У вирманина корабль — это добыча, а часто и жизнь. Поэтому Бьерн соответствует сыну какого-нибудь барона. Из не особо богатых. И твой титул тебе особых преимуществ не дает. Знаешь, почему эти мальчики и девочки так старательно учатся? Они понимают, что это — возможность принести на свою родину что-то новое, важное, интересное. А тебе учиться не надо?

— Я же графиня... — Но уверенности в голосе уже не было.

Лиля фыркнула:

— А выше тебя — герцоги. И принцы. Вот представь себе, радость моя, захочешь ты замуж... Захочешь?

Миранда кивнула.

— А за кого тебя выдавать? Жена должна и поместье вести, и счета проверять, и за управляющим следить. Я бы сказала, обязана. А еще — быть интересной для мужа. А иначе бросит тебя где-нибудь в глуши и носа не покажет.

— Как папа?

Малышка ударила в самое больное место. Как обычно и делают дети — по незнанию. Но — неприятно.

— Да. Вот когда увидишься с папой — спроси. А он тебе скажет, что я была толстой, глупой и противной. И ему не хотелось со мной даже разговаривать.

— Я не толстая!

— Зато собираешься стать глупой и противной. Уверю тебя, тучность мне твой отец

простил бы. А вот все остальное...

— Ли-и-иля...

— Ну да. Вот возьмет тебя супруг в общество, а ты там и ляпнешь — мол, я считаю основателя нашего королевства, Сидора Восьмого...

— Не было такого!

— Хоть что-то помнишь. Но ляпнуть-то можешь. А что потом? Оконфузит тебя барон, а ты на весь дворец ему: на конюшне запорю!!! Вот позорище-то будет. И ничего не знает, и еще на других лает...

Мири уже откровенно расклеилась. По розовым щечкам текли слезинки. Сейчас уже не показушные. Она просто плакала, не пытаясь вызвать к себе сочувствие. Расстроилась.

И неудивительно. Выговор делался холодным, резким и язвительным тоном. Чтобы прочувствовала.

— Лиля, а что мне тогда делать?

— Учиться. Да так, чтобы любого за пояс заткнуть.

— А если неинтересно?

Лиля вздохнула, вышла из-за стола и опустилась на колени рядом с девочкой.

— Малышка, а ты думаешь, мне так интересно заниматься всеми хозяйственными делами?

— Ты же занимаешься?

— А ты — будущая графиня. Ты обязана. Если что-то случится со мной и с твоим папой, именно ты должна будешь вести хозяйство. А ты даже урок выслушать не можешь. Ну куда это годится?

Мири всхлипнула:

— Лиля, я больше не буду...

— А что ты должна сделать?

— Э-э-э...

— Тебя ведь сейчас опять начнут дразнить?

— Начнут.

— Тогда советую сделать так...

Вечером Мири с довольной улыбкой отчитывалась перед Лилей.

— А ты была права. Я вхожу, а Бьерн мне, мол, получила, графиня недоученная?

— А ты ему?

— А я ему — сам недоученный. А если хочешь — десять дней нам на подготовку. И на соревнование.

— Согласился?

— Еще как!

— Тогда эти десять дней нам надо серьезно заниматься.

— А ты мне поможешь?

— Обязательно.

Аделаида Вельс была в отчаянии. План соблазнения провалился. Мягко говоря.

Джерисон ее избегал.

Нет, граф не шарахался демонстративно в сторону, он не отобрал у нее свои подарки, но... Он не извинился за побои. Он больше не разговаривал с ней.

Ее словно и вовсе не существовало. А ведь это сильно нарушало ее планы на жизнь. И ставило саму жизнь под угрозу. Кто еще защитит ее, кроме Джерисона? Как только она вернется домой... ох-ох-ох... даже если ее не отдадут палачам — все равно ни жизни, ни репутации... только в публичный дом идти.

И Аделаида решилась.

Она подождала, пока чуть сошли синяки, уродовавшие лицо, и однажды ночью снова поскреблась в дверь его сиятельства.

— Войдите... А, это вы, госпожа? Что вам угодно?

Голос был ледяным и ироничным. И Аделаида рухнула на колени.

— Джерисон, выслушай меня!

— Не хочу. Нам не о чем говорить.

— Я не виновата ни в чем!

— Да неужели? И не моими подарками были оплачены покушения на мою жену?

— Я не виновата! У меня все отбирал Алекс!

— Да неужели? В постели?

— Я никогда не спала с ним! Алекс не был моим любовником! И мужу я не изменяла!

— Вот как? А твой любовник утверждает другое.

— А что ему остается делать? Он просто лжет! Подумай сам! Он был моим опекуном! Он мог выдать меня замуж второй раз! Я обязана была его слушаться!

Джерисон вздохнул. Вообще-то да.

Жена да убоится мужа своего. А женщина — мужчины. Ибо Мальдонаино начало сильно в ней, и требуется держать ее в строгой узде, как кобылицу непокорную или овцу неразумную. Так что спорить с кузеном Аделаида не смогла бы. И не отдать ему драгоценности...

— Ты могла бы пожаловаться мне.

— Я не могла тебя потерять. Я люблю тебя. До безумия люблю...

— Ты меня уже потеряла.

Аделаида потупила глазки в пол. Покраснела.

— Значит, наш ребенок никогда не узнает своего отца? Джерисон, в чем виновато дитя?

Мягко говоря — граф ошалел.

— Ре... бен... ка?!

— Да, любовь моя. Нашего сына. Или дочку.

— Н-но...

— Любая осторожность не сможет противостоять воле Альдоная.

Адель играла с убежденностью отчаяния. Она понятия не имела о системе Станиславского, но надрыва было столько, что ей поверил бы кто угодно.

— А может быть, наша любовь оказалась сильнее осторожности! Я не знаю! Но моя связь с луной прервалась. И груди отяжелели, посмотри сам...

Аделаида рванула платье на груди. И Джес невольно посмотрел на два упругих холмика.

— Вот, пощупай...

Аделаида почувствовала, как у графа перехватило дыхание. Неужели...

Но Джерисон справился с собой.

— Вот что, Адель. Я тебе дам сейчас деньги на повитуху. И к тебе прикасаться больше не хочу.

Руки убрались с ее груди. Граф достал из стола кошелек. Толстый. И бросил его Адели. Женщина не сделала движения поймать — и золото покатилося по полу.

— Вытрави плод, пока не поздно. Не знаю, спала ты с другими или нет, но я тебе больше не верю.

Аделаида выпрямилась. Глаза ее засверкали. Вот так, грудь вперед, подбородок вскинуть, чтобы виднее были синяки.

— Моего ребенка?! Лучше стать отверженной, чем убить свое дитя!

И вылететь из комнаты, хлопнув дверью.

Расслабиться Аделаида смогла только в своих покоях, предварительно выгнав служанку и запершись на все замки.

Кажется, сцена разыграна нормально. Джерисон точно купился. А что не сразу простил... на это она и не рассчитывала.

Ничего, капля камень точит.

После ухода Аделаиды Джерисон накатил бокал вина, плюнул, швырнул кубок в стенку и отправился к Рику.

— Адель беременна.

— От тебя?

Джерисон задумался.

— По срокам вроде как да.

— А по жизни?

— Не знаю. Деньги на повитуху я ей дал... но любые травы могут дать сбой.

— Болван. Мог бы и по-другому тоже...

Спорить Джес не стал:

— Не уберегся. Понимаю.

— И что ты теперь будешь делать?

— А что тут сделаешь? Если ребенок от меня — я его бросить не смогу, сам понимаешь.

Это Рик понимал. Сам бы так поступил. Но...

— И куда ты его?

— В Иртон.

— К жене?

— Да нет, что ты. Я же понимаю...

— Правильно. Не знаю уж, чем твоя супруга так отца зацепила, но он тебя в порошок изотрет и в грязь затопчет. Да и Август не обрадуется...

— Я же не предложу ей признать ребенка своим. Пусть растет, найду ему семью, потом в Лавери заберу...

— Угу, у твоей жены под носом — тебе Иртон что, свалка? Или думаешь, она не узнает?

Граф сверкнул глазами.

— А что ты мне предлагаешь делать?

— Да для начала сводить свою куклу к повитухе. Мало она тебе врала?

Джес тряхнул головой:

— Рик, ты чудо. Как я сам не подумал?

— Потому и не подумал, что это тебя касается впрямую. Думать нормально не можешь.

Джес фыркнул:

— А ты бы смог?

— Думаю же. А вот тебе надо выпить...

— Золотые слова.

Рик плеснул вина в бокалы.

— У нас с собой только докторус. Это не то. Сам понимаешь. Есть здесь повитухи при дворе?

— Найду. Можно даже и в городе.

— Ну, давай тогда за правду.

Мужчины чокнулись бокалами и выпили вино.

— Госпожа уделит мне минуту внимания, не так ли?

Адель вздрогнула.

В ее комнате стоял невесть как попавший сюда шут короля Гардвейга. Имени она не помнила, но дамы шептались, что он вроде как знатен.

Надо было бы вскрикнуть, но алкоголь чуть притупил чувство опасности, а Адель таки выпила кубок, вернувшись от Джеса. Слабенькое ягодное вино наложило на тревогу и ударило в голову не хуже крестьянской бражки.

Поэтому Адель поднялась с кровати и сделала приглашающий жест.

— Прошу вас, господин.

Альтрес Лорт ухмыльнулся.

— Что, страшно жить стало?

Адель сдвинула брови, но мужчина быстро продолжил:

— Дома — плаха или тюрьма. А самое легкое — изгнание. Здесь же... Думаешь, твою ложь сложно проверить? Про ребенка?

Адель всхлипнула, поднеся кулачок ко рту. А и верно же...

— Н-но...

— Если будешь со мной дружить, я тебе помогу. — Альтрес был снисходителен и милосерден. — Не придется бояться, считать копейки, замазывать синяки...

— Что я должна делать? — Женщина не колебалась ни минуты.

— Слушайся меня. На днях к тебе приведут повитуху. И она подтвердит твою беременность. А потом поговорим.

— Н-но...

— Считаю это авансом за твои услуги.

Альтрес шагнул к двери, отодвинул засов и вышел вон. Вошел он через потайной ход, пока девица не видела. Но не показывать же его чужеземке?

Нет уж. Пользоваться ею — это одно. А доверять... ищите дурачков в Ативерне. Можно даже в посольстве.

Найденная Джесом повитуха подтвердила слова Адели ровно через два дня. И Аделаида оказалась в сложном положении. С одной стороны — Джерисон старался быть с ней вежливым и осторожным. С другой стороны — обдавал морозным холодом Рик.

А шут...

А шут пока молчал.

Соревнование проводилось по-честному.

Все дети написали по одному вопросу и бросили в кубок.

Миранда и Бьерн тянули по листочку и отвечали. Судила комиссия из Дамиса Рейса, Лонса Авельса и Марии Рейхарт. Все трое были предупреждены Лилей, чтобы не подсуживали. Ребята отвечали на вопросы, комиссия открывала толстые книжки и вслух зачитывала ответы, зрители, состоящие из слуг и вирман, сопереживали.

Миранда с небольшим перевесом, но все-таки разгромила своего противника. И, жутко довольная, повисла на шее у Лили.

— Мама, я тебя обожаю!

Лиля погладила черную макушку.

— Я тебя тоже люблю, малышка.

Надо отдать должное Великому Хангану. Когда к нему пришел лекарь и с поклонами протянул письмо, властитель даже не приказал его выкинуть пинками.

Он принялся читать. Хотя было большое искушение разорвать письмо, а лекаря выгнать. Потому что его старший сын умирал. Любимец, опора, умница и красавец...

А этот негодяй Тахир — сбежал, когда понял, к чему идет дело.

За такое благодарным не будешь.

Но письмо было...

В весьма изысканных оборотах Тахир сообщал, что сбежал не просто так. Нет! Чувствуя свою неспособность вылечить наследника, он решил отправиться на поиск чудодейственного средства. И нашел таковое.

Некую графиню Иртон, осененную милостью Звездной Кобылицы. Которая распознала болезнь, даже не видя юношу.

Оказывается, ее причиной был яд.

Как его дают — графине неизвестно. По ее словам, этот яд могли либо наносить на кожу, либо подсыпать под половицу комнаты, растворять в пище... да что угодно. Но убивать человека он будет именно так. Медленно. Поэтому, если Великий хочет видеть сына здоровым, пусть ищет отравителя.

Или отправит сына в Иртон. Конечно, путь неблизкий, но в пути и отравителю будет сложнее. А чтобы проверить правдивость слов графини, пусть устроит ему молочную диету. Хвойные ванны тоже помогают.

Но прежде всего следует найти отравителя.

Ханган задумался.

И решил для начала попробовать молоко и ванны. Тахир писал, что юношу специально травят медленно. Вот если поможет — скажем, если за пять дней ему не станет хуже, тогда будем думать дальше.

А пока... Кого Тахир упомянул, призывая в свидетели своих слов? Али Ахмет дин Тахирджиан?

Знатный и достойный род.

И верный своему Хангану. Он не станет лгать господину.

Проследить контакты Кариста Трелони Торию не удалось. И Лиле он об этом сообщил с искренней печалью. Мол, и рад бы, да статус не пускает. Не его поле игры. В столице своих умных хватает.

Лиля подумала и еще раз отписала отцу и Ганцу. Пусть найдут с другой стороны.

Она пока никуда не спешит.

Хотя пищу все равно проверять приходится. Никаких специй, ничего незнакомого. Лиля откровенно боялась — и не скрывала этого.

А тут еще...

Дамис Рейс выводил графиню из себя. И Лиля на полном серьезе размышляла — не отправить ли его к чертовой бабушке в Альтвер?

Плевать, что зима. Если Бог милостив — выживет, а не подохнет. А подохнет — переживем.

Учителем он был неплохим, но... Бывает такое с женщинами. Когда у них «женская интуиция».

Вроде бы ничего такого, на что можно людям пожаловаться. Но взгляды. Вздохи. Вроде бы случайные прикосновения к руке.

Цветов не было, но зимние букеты были. Хвоя с ягодами... красиво, но...

Лиля нервничала, раздражалась и решила разрубить этот узел первой. Если какой-то фактор травмирует тебя — анализируй и оперируй. Само в этой жизни ничего не рассасывается. Зато отлично нарываёт и вскрывается в неудобный момент.

Итак — свет!

Дамис Рейс шел к графине как на праздник.

Заметила?

Безусловно. Он все сделал, чтобы его заметили. И теперь... что она будет делать? Краснеть? Опускать глаза?

Интересно, какая она в любви?

Да, днем графиня сильная и жесткая, но она ведь женщина. Всего лишь женщина. А женщины по определению слабые и хрупкие. Ищущие сильное плечо. И всегда готовые на кого-то опереться. Это нормально и правильно.

Он ожидал многого. Смущения, робости, удивления...

Чего он не ожидал — так это того, что его официально вызовут в кабинет. Лонс выйдет и Лиля, даже не вставая из-за стола, посмотрит на него с интересом.

— Итак, любезнейший Рейс, что все это значит?

Лиля долго готовила эту сцену. Подбирала место, наряд... Ей надо было сейчас выглядеть внушительно и она будет выглядеть именно так.

Свободное черное платье скрывает избыток полноты, стол завален свитками и книгами, гостевое кресло убрано, так что любой вызванный должен стоять перед ней, как провинившийся школьник в кабинете директора.

Дамис с порога наткнулся на ледяной взгляд.

— Итак, любезнейший Рейс, что все это значит?

— В-ваше сиятельство?

— Да. Вот и объясните мне, что это за взгляды, букеты и прочее. Вы мне уже месяц жить спокойно не даете. Почему?

Дамис на миг даже опешил. А потом решил раскрыть карты.

— Ваше сиятельство, простите мне мою наглость...

Возможно, здесь ожидалась реплика от графини. Но Лиля молчала. Иногда, собирая анамнез на больных, она понимала: вопросы могут и навредить. Дай человеку выговориться.

И Дамиса понесло. Он рассказал, как ждал приезда сюда. Как восхитила его лично Лилиан Иртон. О ее красоте, уме, достоинствах и выдающихся душевных качествах можно было написать целую поэму. А потом еще положить на музыку и спеть.

И несчастный влюбился. По самые уши.

А госпожа графиня не обращала внимания, была холодна и недоступна, как звезда с ночного небосклона... и что оставалось делать несчастному?

Лиля слушала и косела. Чуть ли не в буквальном смысле слова.

Нет, ну что за бред? Она, конечно, женщина симпатичная. Особенно сейчас, когда ушла лишняя вода. Но чтобы мужика вот так пробрало?

Дамис отвечивал комплименты ее глазам и волосам, плел что-то про пряди, в которых запутались солнечные лучи, а Лиля напряженно размышляла.

Учитель. Всего лишь учитель. По нынешним временам — человек, стоящий между

слугами... и чуть более привилегированными слугами. Он просто не может влюбиться в графиню. То есть теоретически — может. Но практически за такое его просто повесят на суку, без суда и следствия. И он не может этого не понимать.

На что тогда расчет?

На то, что она — одинокая, вся такая несчастная, без секса, без мужа-управителя под боком, просто упадет к нему в руки, как спелое яблоко?

Или...

В первую минуту Лиле эта мысль показалась глупостью. Но ведь паранойя не означает отсутствия слезки, так? Согласно законодательству, если она поймает супруга на горячем, она может только развестись. А если наоборот — тут все куда печальнее. Изменницу могут и в местный монастырь засунуть, а это жуть такая, что тюрьма раем покажется.

Какая-то подстава? От мужа?

Лилия вспомнила доносы Эммы. Учитель спермотоксикозом не страдал, ибо регулярно пользовался услугами Мэри. А то и еще пары служаночек. Лилия специально в свое время попросила Эмму подобрать не особо благочестивых. Мужиков в замке много, надо же им напряжение сбрасывать...

Да и... Лилия до сих пор считала, что была красивой. А сейчас ей до красоты как до Китая. Кто поведется вот на это?! Пусть уже и не сто килограммов. Пусть девяносто, но при росте примерно сто семьдесят сантиметров — все равно много...

Так что об искренней любви речь не шла. А расчет... а на что мужик рассчитывает?

Связь аристократки и учителя долго не продлится. Дамис даже не шевалье. Он сын купца, то ли шестой, то ли седьмой.

Подарки? Может быть.

Материальная выгода? Почему нет...

И компромат.

Даже если здесь не знают такого слова, само понятие в ходу. И шантажируют здесь ничуть не хуже, чем в двадцать первом веке. И подставляют... Эй, это еще что?!

Вконец разговорившийся учитель решил перейти от слов к делу, обежал стол и рухнул перед Лилей на колени. Цапнул ее за ручку и принялся так нацеловывать, словно кисть шоколадом обмазали...

Лилия резко рванула руку.

— Пусти!

Куда там... собственная неотразимость перла до такой степени, что мужчина положил вторую руку Лиле на колени и нес какую-то чушь, мол, не встанет, пока госпожа графиня не...

— Пусти! — посерьезнее рявкнула Лилия.

Вторая рука поползла в нехорошем направлении. Лилия уже хотела звать на помощь, но тут...

— Ааааааааа!!!!

Дамис, взвывая, рухнул носом ей в колени, а над поверженным врагом материализовалась собачья голова. Несколько секунд Лилия соображала, что произошло, а потом вскочила на ноги.

— Умница ты мой!

Нанук, которого Лиля держала при себе большую часть дня (щенок должен привыкать к хозяйке), не стал дожидаться команды. Вирманские сторожевые — очень умные собаки. Услышав гнев в голосе хозяйки и поняв своим собачьим умом, что этот дядя нападает, щенок поступил просто.

Пользуясь тем, что Дамис стоял на коленях, Нанук (который рос не по дням, а по часам и сильно напоминал размерами взрослого немецкого овчара) прыгнул сзади на врага, сбил его и вцепился зубами куда достал. То есть в плечо.

— Держать! — Лилия метнулась к двери. — Стража!!!

Но первым в кабинет влетел Ивар.

— Ваше сиятельство?

— Взять!

От нервов Лиллю перемякло, но Ивар все понял, и Дамис Рейс закачался в его руке на высоте примерно сантиметров тридцать от пола.

— Госпожа, он вас оскорбил?

— Пытался. Нанук не позволил.

Взгляд, брошенный Иваром на учителя, не сулил тому ничего хорошего.

— Ваше сиятельство, прикажете ему голову отрубить?

Учитель что-то замычал, явно протестующее. Точнее Лилия не поняла — воротник, за который товарища подцепил Ивар, намертво передал ему горло.

— Кажется, ему жить охота...

Ивар тряханул добычу.

— Да его только за прикосновение к вам надо без рук и ног оставить! Как еще осмелился, глист?!

— Вот и мне любопытно: как осмелился, что ему пообещали за такую наглость и кто пообещал?

Ивар повторил встряхивание.

— Понял, сукин сын? Если сейчас все расскажешь — живым останешься! Может быть!

И выпустил добычу.

Дамис Рейс упал на ковер. Сначала он попытался вякнуть насчет своей великой любви. Получил пару подзатыльников от Ивара и передумал.

Попробовал заговорить о личной выгоде. Получил пинок в бок и обещание оттащить в подвал, со всеми вытекающими.

И начал петь.

Лилия, Ивар и присоединившаяся к ним Марта только головами качали.

Как оказалось, его наняли еще в Лавери.

Дамис действительно был учителем. Но слишком уж нестойким и падким до баб. А хуже было то, что и женщины слетались к нему, как мухи на... мед.

А почему нет?

Красавчик, даже слишком сахарный, моется раз в неделю. По здешним меркам — апостол чистоты. Косметикой не пренебрегает, красиво говорить умеет, в постели не засыпает, короче — диагноз.

Для начала товарищ соблазнил дочку купца. Купец попытался решить вопрос с помощью полена и овечьих ножниц — и парню пришлось бежать.

В столице его взяли учителем в дом Йерби. А он взял в оборот старую баронессу.

И спустя пару месяцев барон сделал ему предложение, от которого нельзя было отказаться. А именно — пристроил учителем к Миранде Кэтрин. Ее-то Дамис пока соблазнять не пытался.

— Йерби? — Лиле это ровно ни о чем не говорило. — А кто и что тебе пообещал за связь со мной?

Оказалось, что тот же барон Йерби. Старый.

Лиля пожала плечами:

— Зачем бы? Ладно, что он тебе пообещал?

— Если я соблазню вас и вы в меня влюбитесь — пятьсот золотом. Особенно если вас поймают на измене.

— Или?

— Если просто удастся соблазнить вас — тогда три сотни. Золотом.

— Дорого же нынче графские постели стоят, — меланхолично заметила Лиля. — А убить меня...

— Это не я! Я не знал!

Теперь Дамиса отчетливо трясло. Одно дело — соблазнение. Другое — убийство. За первое можно и поркой отделаться. А вот второе...

— А смысл меня соблазнять, если я ребенка ждала?

Дамис удивленно посмотрел на Лилю.

— Самый прямой. Кто бы стал разбираться...

— Да уж стали бы. Ребенка же я... момент... — Лицо Лили стало страшным. — Мой выкидыш. Получается...

Они с Иваром переглянулись.

— Кто?! — выдохнула Лиля страшным шепотом.

Дамис едва не обмочился от ужаса. Показалось на миг, что вместо красивой женщины за столом сидит сама Мальдоная. Такое смотрело из зеленых глаз...

— Не знаю!!! — истерически завизжал он. — Мне сказали, что ребенка не будет!!!

— А если бы... — Лиля вдруг успокоилась. — Ивар, прикажи обыскать его вещи.

Вирманин зло усмехнулся.

— Слушаюсь, ваше сиятельство.

А еще через два часа Лиля получила консультацию от Джейми. У учителя был обнаружен пакетик бурого порошка, спрятанный в вещах. И Джейми заверил, что это вовсе не от моли.

Это был порошок копытня, которым женщины издавна пользовались, чтобы скинуть ребенка.

Ивар весьма недовольно оглядывал учителя.

— Что с ним теперь делать?

Дамис замер, ожидая приговора. Лиля махнула рукой. Казнить не было никакого желания.

— Суньте в камеру. Там разберемся.

Ивар утащил негодяя. Тот скулил что-то неразборчивое, но Лиля думала уже не о нем.

Судя по всему — она чем-то не угодила нескольким врагам сразу. Одного выявили — некто Йерби. Второй — тот, кто посылал убийц. Это кузен Аделаиды Вельс. Но тут Лиля уже была спокойна. Ганц писал ей, что мерзавца схватили и он сидит под надежной охраной. А скоро будет лежать. Под надежной каменной плитой. Может, и уже лежит. Туда и дорога.

А вот кто еще?

Лиля не забыла, что ее травили во время беременности. И кто-то послал докторуса... И Карист Трелони связан с кем-то в столице... это явно не простой барон.

М-да. Проблема.

Итак — кто?!

Кому она перешла дорогу? Не она, да. Но Лилиан Иртон — прежняя. Кому могла помешать туповатая богомолка с вышивальной иглой в зубах? Кому она вообще такая нужна?

Лиле ее положение напоминало гнойник. Или подкожный абсцесс. Снаружи все аккуратно, спокойно, можно даже сразу не заметить... А вот когда он воспаляется — начинается нечто веселое и интересное. Вот как сейчас. Гнойники надо вычищать своевременно.

А пока...

А пока напишем свекрови.

Пусть разузнает все что может об этих Йерби. Чем живут, чем дышат, и вообще — какого черта?!!

Нет уж, господи!

Покушаться на себя Лиля никому не позволит.

Али Ахмет дин Тахирджиан прибыл по вызову Великого Хангана, как только смог.

Встал на колени сразу, едва за ним закрылась дверь, прополз по ковру и ткнулся в него лбом в ритуальном приветствии.

Ненадолго.

— Поднимись, Али.

Али послушно встал на колени.

— Али...

Великий Ханган сделал жест рукой — и Али опустился на подушки рядом с его возвышением.

— Чем я могу служить моему господину?

— Али, расскажи мне про Иртон.

Такого вопроса мужчина не ожидал. Но быстро справился с собой.

— Мой Ханган, это захоlustье. Я не сказал бы, что там есть...

— Докторус?

— Э-э-э...

— Что ты можешь сказать мне о графине Иртон? Лилиан Иртон? По слухам, она вылечила тебя...

Али вздохнул. Посмотрел на своего господина. И начал рассказывать.

О ярмарке. Быке. И лечении.

Продемонстрировал шрам. Показательно попрыгал, побегал, поприседал, вызвал Омара, чтобы тот подтвердил его рассказ.

И Омар подтвердил. Да так, что Великий Ханган слушал с широко открытыми глазами. Про женщин-докторусов, да еще таких, которые могут собрать сломанную ногу и не оставить ни малейшего следа от перелома, в Ханганате не знали.

Зато теперь...

Когда Али понял, что господину все известно, он перестал умалчивать и рассказывал. Про Иртон, про графиню, про ее золотые руки... к концу второго часа Ханган потихоньку стал подумывать, что Али...

— Ты взял бы ее женой?

— Никогда!

— Нет!

Тут Али и Омар были единомышленны.

— Почему? — искренне удивился их повелитель.

— Потому что это женщина с мужским умом. А в своем доме предпочтительнее покорные и ласковые кошечки. — Али был искренен. — Я могу восхищаться Лилиан Иртон. Я могу дружить с ней, как с женщиной, она очаровательна, но...

Ханган кивнул. Бывает и такое. Иногда рождается женщина с мужским разумом. Кобылица не ошибается, но иногда может подшутить. Видимо, сейчас ее копыта коснулись звезд над местом рождения Лилиан Иртон.

— Она посоветовала мне, как вылечить сына. Я попробовал — и лечение идет успешно.

Действительно, молоко и ванны помогали. Хотя до полного излечения было весьма далеко.

— Теперь я хочу вызвать ее сюда...

— Господин, она не поедет. — Али был абсолютно уверен.

— Что?

— Она на родине графиня. И ею распоряжается супруг.

Это Ханган мог понять.

— Надо написать ему...

— Господин граф Иртон сейчас в посольстве в Уэльстере, — поделился Али информацией, которую узнал еще в Иртоне.

— И жена не с ним?

— Мой господин, у них принято оставлять жену дома, если она ждет ребенка...

О его потере Али не сообщил.

— Понятно... — Великий Ханган задумался. И кивнул. — Надо отписать графу.

Али и Омар переглянулись, но расспрашивать не стали. Даже будучи стражем караванной тропы, Али понимал, что некоторые вещи лучше не знать. А Омар вообще предпочитал помалкивать, пока его не спросили.

Заговорил Омар, только когда они вышли:

— Почему ты не сказал господину...

— Что Лилиан Иртон потеряла ребенка?

— Да.

— Я обязан ей жизнью. И не хочу взамен разрушить ее жизнь. Женщина с мужским разумом — редкость. И господин захотел бы ее, как драгоценный камень в свою корону...

Омар кивнул. Все так. Даже не как жену, не как любовницу, но как кольцо на палец. Потому что Звездная Кобылица никогда и ничего не делает зря. И от женщин с мужским разумом может прийти великая польза.

А может — и великий вред.

И Али был уверен: если Лилиан Иртон к чему-то приневолить, добра не будет.

Она чудесный и щедрый друг.

И смертельно опасный враг.

Великий Ханган об этом не задумывался.

Мысли его были простыми и ясными.

Сына он любил. И сейчас думал об одном: если нельзя вызвать графиню сюда — можно отправить сына в Иртон.

Переживет ли он дорогу? Неизвестно. Зима, шторма, пролив опять же... Но часть пути можно проделать и по суше. А здесь...

Ханган изолировал мальчика от всех, но яд как-то поступал в кровь подростка. То юноше становилось чуть лучше после молока и ванн. То опять рвало кровью, и он стискивал зубами подушку, чтобы не кричать от боли.

И Великий Ханган подозревал, что Лилиан Иртон — его единственный шанс на спасение сына.

А еще можно отправить с ним одних солдат. Ну там пару самых доверенных слуг. Может быть, так отравителю будет сложнее добраться до жертвы? Кто знает...

Страшно это, когда на глазах у тебя умирает твой ребенок. И ты — будь хоть кто — не можешь ему помочь.

Тут не то что в Иртон — к самой Кобылице отправишься!

Зима в Иртоне не отличалась разнообразием. Дети шалили и играли, учились и бездельничали, дрались и вместе проходили краткую практику под руководством Джейми.

По поводу молодого барона пришел ответ от Эдоарда. Его величество хотел видеть юношу лично. А потом уже утвердить. До тех пор же — пусть поместье остается под контролем графа Иртона. То есть — графини.

От супруга не было ни слуху ни духу.

Лиля не знала, что письмо Джерисона к ней сначала прочитал Эдоард. Выругался, перечитал — и разодрал на клочки. А потом еще раз отписал графу, разнеся того в пух и прах.

Справедливости ради — Джерисон поступил с королевским письмом точно так же.

Не привык его сиятельство к разносам. И тем более к таким унижительным. А в последнее время ему их только ленивый не устраивал.

Во-первых, Джесу сильно досталось от кузена за неуместную возвышенность помыслов. Мол, куда ты лезешь? Если Адель беременна — деньги на травницу ей в зубы и пусть травит плод! Рехнулся, что ли? Жена и так на тебя обижена. А после такого вообще разведется. Это ты мог ее раньше застращать. Пока она сидела ровно и ничего не делала. А сейчас твой ребенок — это доказательство твоей измены. Явное.

Август первый взовьется. И от короля тебе влетит. Так что деньги в зубы — и пошла, коза!

Во-вторых, Джесу досталось от Аделаиды, когда он предложил ей этот вариант.

Дамочка заявила, что, если Альдоной спас ее ребенка и позволил ему уцелеть после побоев отца, — значит, это явно дело богоугодное. И ребенка она родит! А господин граф Иртон может катиться к Мальдонае. Она вырвет эту любовь из сердца.

А что досталось?

А вот то. Все вышеизложенное было выдано на ультразвуковых тонах истерики — и в Джеса еще кидались вазами. Не попали, правда. Но ведь и в ответ вломить было нельзя. Как-никак женщина, которая носит твоего ребенка.

В-третьих, написал письмо активизировавшийся Август Брокленд.

Начал за здравие, сообщил, что на верфях все спокойно и в делах Джеса — тоже. А вот закончил за упокой. Сообщил, что первое же ущемление прав его кровиночки — и Джесу будет оторвано то место, которым он думать изволит. После чего граф Иртон сможет смело идти в альдоны — в его благонаравии не усомнится никто. И если Лилиюшка ему весной хотя бы слово плохое скажет...

Цени, кретин! Она с тобой до сих пор не развелась. Хотя я бы тебя давно гвоздями приколотил вместо носовой корабельной фигуры.

И в-четвертых, пришло письмо от короля.

«Граф Иртон.

Поражаюсь долготерпению вашей жены — пожалуй, ее пора причислить к лику Сияющих.

Ваше письмо неприемлемо. Извольте написать еще раз и переслать мне на проверку, чтобы не допустить откровенных глупостей.

И если до меня дойдут слухи о вашем некорректном поведении — пеняйте на себя. Мое терпение не безгранично.

Эдоард Восьмой, милостью

И внизу собственноручно королем приписано (обычно подобные письма диктовались секретарю, чтобы король не тратил время на переписывание набело):

«Джес, начинай думать головой! Еще немного — и ты будешь первым в истории страны разведенным графом. И я на твою супругу не повлияю, еще и поддержу».

Стоит ли удивляться, что граф Иртон был зол и неудовлетворен жизнью? Последнее — особенно, поскольку придворные дамы, предупрежденные ее величеством (по просьбе того же графа Лорта), держались от Джерисона Иртона подальше.

Так что благородный граф пару раз уже прогуливался по борделям, срывая злость на

проститутках. Рик ругался, но толку не было. Джес просто сорвался с цепи. И Рик подумывал сообщить отцу о существующем положении дел.

Рик честно отписал, что не в восторге от Анелии.

Эдоард же посоветовал приглядеться внимательнее. Поскольку соседи и лучше бы не ссориться. Нет, Ивернея его тоже вполне устроит. Но если Рик сам пока не знает... почему нет?

Рик не возражал. Тем более что полученный портрет Лидии Ивернейской привел его в расстройство чувств.

На портрете была изображена высокая и худая девица. Пышные юбки положения не исправили. Впалые ключицы не смогли замаскировать даже придворные живописцы, серые глаза смотрели холодно, а губы были сурово сжаты. Всем видом девушка словно предупреждала: «Не тронь! Укушу!»

Так что Анелия стала представляться весьма привлекательным вариантом. Она хотя бы улыбалась. А что глуповата... так ею и управлять легче. И от интриг можно удержать.

Ладно. Приглядимся еще.

Но примерно в середине зимы Рика вызвали к Гардвейгу.

Последний месяц у короля чертовски болела нога и он стал просто невыносим в общении. Единственными, кому от него не перепадало оплеух, были жена и молочный брат. На остальных Гардвейг орал, швырялся чем попало, а под настроение мог согнать со двора или вообще в темницу. Что не добавляло придворным радости.

Милия не отходила от мужа ни на шаг. Но... докторус показал, что она в очередной раз ждет ребенка. И женщине периодически становилось дурно.

Для королевы наставили ведер чуть ли не во всех углах дворца. Беременность протекала достаточно тяжело. Но так же было и в прошлые разы. И Милия опять надеялась родить мальчика.

Одно это смягчало характер Гардвейга.

А Альтрес... он был счастлив вместе с братом. И приглядывал за королевой.

Мало ли что.

Мало ли кто...

На Рика король произвел двойственное впечатление. С одной стороны — Гардвейг был страшен своей непредсказуемостью.

С другой же... стоило ему посмотреть на Милию, как лицо короля озарялось ласковой улыбкой.

И Рик невольно позавидовал. Вот ведь... отец, Гардвейг... все они нашли свою любовь. Неужели ему не повезет?

По молодости Рик упустил то, что до любви ведь и жизнь была... с ее разочарованиями, проблемами, склоками и ссорами...

А вот Гардвейг его взгляд не упустил. И кивком указал Рику на кресло рядом с собой.

— Садись.

Рик раскланялся и сел.

— Там вино на столе, разольешь?

— Да, ваше величество.

— Вот и отлично. Дорогая, оставь нас и распорядись, чтобы не беспокоили...

Милия послушно сделала реверанс, поцеловала мужа в щеку и вышла.

Гардвейг дождался, пока Рик подаст ему кубок, и кивнул на дверь, за которой скрылась жена.

— Ругается, если я вино пью. Докторы запрещают... А она им верит, беспокоится... хоть на старости лет мне повезло.

— Ее величество — одна из самых очаровательных женщин Уэльстера, — согласился Рик.

— Да, с лица воды не пить. Милия еще очень добрая. И сыновей мне родила. И меня любит без памяти. Что еще надо?

Гардвейг смотрел серьезно. И Рик решил:

— Чтобы любовь была взаимной.

Гардвейг улыбнулся. Не зло. А очень... понимающе.

— Эка ты куда хватил. Любовь — это роскошь, недоступная королям.

— Но...

— Хочешь сказать про меня? Так Милия у меня седьмая. А до того мне хлебнуть пришлось. И изменяли, и предавали, и отравить пытались. Или ты мне сейчас про отца скажешь?

Рик мог. Тем более что историю любви Джессимин и Эдоарда давно разнесли менестрели.

Но Гардвейг только улыбнулся. Почему-то грустно.

— А ты не задумывался, сколько пришлось ждать твоей мачехе? Она бы и сейчас ждала, если бы не умёрла твоя мать. Ты ее хоть помнишь?

— Нет, ваше величество.

— А я помню. Очень красивая женщина. И очень несчастная. Тяжело это — ложиться в постель с человеком и знать, что на твоём месте хотели бы видеть другую.

Рик только ресницами хлопнул. С такой точки зрения он эту историю не рассматривал. Да и мать почти не помнил.

Красивая? Да, достаточно. Высокая, светловолосая, на портрете в галерее настоящая красавица.

А в жизни вспоминаются недовольно поджатые губы. И резкий визгливый голос.

— Вы меня унижаете... — забывшись, прошептал Рик. — Выставляете напоказ дешевую шлюху!

Гардвейг кивнул:

— Это она так говорила?

— Да. Эдмон мне про нее рассказывал, но мало...

— Это жизнь. Кто-то счастлив, но кто-то обязательно будет и несчастен. Ты ведь думал про Анель, так?

— Думал.

— И решил съездить поглядеть на вторую девицу?

— Да, ваше величество.

Рик решил не отрицать. Глупо. Да и Гардвейг говорил как о давно решенном. Не злился, не ругался, просто констатировал факт.

— Твой отец тебя любит. Я вот не знаю, дал бы я своим детям выбирать, — вздохнул Гардвейг. — А что ты вообще думаешь о моей дочери? Ну, титьки у нее больше мозгов. Это понятно. А что еще?

Ричард пожал плечами:

— Простите, ваше величество...

— Боишься, что разозлюсь? А не надо. Я с тобой сейчас говорю не как король. А просто как мужчина с женщиной. Неужели сам еще не понял?

Понять Рик понял. А вот злить Гардвейга все равно не хотелось. И король, усмехнувшись, стал рассказывать:

— Мне было тогда лет девятнадцать. И я был женат. Первый мой брак определили давно. Еще когда мне четырнадцати лет не было, герцог Медерин организовал мою помолвку со своей дочерью. Отец тогда только умер, я не мог сопротивляться... Тисия Медерин была старше меня почти на пятнадцать лет. К тому же вдова. Но кого это волновало? И брак был заключен.

Рик сочувственно вздохнул.

Гардвейг смотрел куда-то вдаль.

— Тисия была умна. Мы поговорили еще в первую брачную ночь. И она стала мне другом. Мне, а не своему отцу, который с детства продавал ее, как породистую лошадь. Я сказал, что уничтожу ее отца. И она согласилась. А еще сказала, что даст мне свободу по первому же моему слову. И стала моей союзницей.

У меня не было от нее детей. Но этого требовали условия договора. Мой предшественник, за которого ее сговорил отец, оказался редким негодяем и любил избивать Тис. Так, что она однажды скинула ребенка и чуть не умерла. Докторы запретили ей рожать. Она не призналась напрямую. Но я подозревал, что мужа она отравила. Очень сильная натура. Неукротимая. Такие женщины — редкость. Которые до конца отдаются и любви и ненависти. Тебе такие не встречались?

Рик тряхнул головой:

— Альдонай милосерден.

— Вот-вот, лучше и не скажешь. Мне повезло. Тис стала моей подругой. И когда я разделался с ее отцом, согласилась и дальше побыть рядом. Пока я не найду ей замену. И я нашел. Мне было девятнадцать. Щенок, что я тогда понимал? А Алиа была красива. Анелия тоже, но в ее матери было что-то такое... она даже дышала так, что весь двор дыбом вставал. Ну и я тоже... Тисия видела, к чему идет. И предупреждала меня. Очень аккуратно, намеками... даже сейчас у меня характер не сахар. А тогда я был вообще бешеным. И хотел только одного... одну. Тис не спорила. Она дала мне развод, получила хорошие отступные, мы с ней до сих пор друзья. Она живет в своем поместье, разводит лошадей и счастлива.

Рик порадовался за неизвестную ему Тисию. И отпил глоток вина из кубка. А Гардвейг продолжал:

— Я женился на Алии. И год был счастлив. Родилась Анелия. Моя дочь. Но копия матери. Что есть — то есть. А потом... Я не сразу узнал про ее измены. И не хотел верить. Но мне предъявили доказательства. Алиа была умна по-своему. Она не связывалась с придворными, нет. Искала себе любовников среди конюхов, псарей, лакеев... тех, кто будет молчать. Но один из псарей оказался честным. И пришел ко мне.

Гардвейг на миг замолчал. Вообще-то псарь пришел не к нему, а к Альтресу Лорту. А уже брат уговорил Гардвейга спрятаться и подождать визита Алии. И застать ее на

месте преступления.

— Алия оправдывалась. Клялась, что никогда... Не помогло. Когда я узнал, скольких она перебрала, я казнил ее. И даже Анелию видеть не захотел. Она копия матери. Хотя и моя дочь, это я точно знаю.

Рик молчал, но, видимо, выглядел достаточно красноречиво. Гардвейг усмехнулся.

— Не веришь? Правильно. Я бы тоже не поверил. Но у нас в роду передается родимое пятно на пояснице. Небольшое. Размером с ноготь, в форме щита. У Анелии оно есть. И у меня. И у мальчишек. Показывать, уж прости старика, не буду.

— Да вы не старик...

— Старик. Я устал, Рик. Очень устал. И мне нужен мир.

Ричард кивнул:

— Нам тоже. Мы не хотим войны и ссоры.

— Именно поэтому твой отец не волнуется за тебя. Он многое обо мне знает, нас нельзя назвать друзьями, но, когда он стал искать поддержку против Авестера, с его умоленным Леонардом... сам понимаешь.

Рик понимал. Отец рассказывал ему практически все о своей политике. В том числе... Леонард был истово верующим. А у Гардвейга были нелады со святошами. Зато Леонард хотел мести за сестру. А Эдоард... нет, один на один он готов был признать свою вину. Только вот превращать Ативерну в филиал Авестера — увольте. Дружба дружбой, а кубки врозь.

Леонарду это не понравилось. Тем более что отец Эдоарда тоже отличался набожностью и следовал за святым престолом куда позовут. А вот Эдоард твердо считал, что альдоны должны молиться. И все. А государственные дела оставим тем, кто в них разбирается.

Церковь терпела это, сжав кулаки. Но вроде как на открытый конфликт пока не шли — и то хлеб.

— Отец говорил, что лучше иметь дело с вами, чем с церковью.

— Он прав. И мне приятно с ним общаться. Ты знаешь, что у него появилась новая игра?

— То есть?

Гардвейг кивнул на столик:

— Достань коробку.

Эти нарды тоже были роскошными. Доска из дорогих пород дерева, золотые и ониксовые фишки, золотые кубики...

— Что это?

— Нарды. Я потом тебя научу.

— Как скажете, ваше...

— Гардвейг.

— Как скажете, Гардвейг.

— А еще я хочу сделать тебе предложение.

— Какое, ваше величество?

— Когда помотришь на Лидию и убедишься, что она тебе не подходит, — возвращайся. Анель, конечно, дурочка, но вроде как не злая. Держать ее в узде ты сможешь. А если найдешь себе другую для души — я в претензии не буду. Лишь бы без огласки.

Рик кивнул. Предложение действительно было щедрым. Стоит только Леонарда вспомнить.

— И еще... С твоим отцом мы это уже обговорили. Он тебе сказал, что я дам в приданое за Анелью?

— Нет, ваше величество.

— Провинцию Бальи.

Рик только и смог, что присвистнуть.

Бальи. Оч-чень хорошее место. И более того. Серебряный рудник. Уэльстер вообще богат серебром и солью. А вот в Ативерне есть медь, есть железо, уголь, но с серебром проблемы.

— Я не стану скупиться.

Рик кивнул:

— Вы очень щедры, ваше величество.

Гардвейг тоже кивнул. Хотя пирожок был с гвоздями. Бальи — провинция хорошая, но там — лес. И всякая сволочь по нему шарится, как по своему дому. У него сейчас нет сил гонять и чистить. У сына еще когда появятся. А разбойники — та еще зараза. Лучше ее выводить сразу, а то по всей стране расползутся.

— Ваше величество, — Рик смотрел серьезно, — я обязан съездить в Ивернею. Но принцесса Анелия всегда может рассчитывать на мое возвращение.

Гардвейг усмехнулся. Рику? Своим мыслям?

— А ты станешь неплохим королем...

— Если доживу.

— Точно — неплохим. Ладно. Плесни еще вина. А я покажу тебе, как ходят фишки...

Альтрес Лорт тихо скользнул в потайной ход. Гард — молодец. Разговор был проведен идеально.

Немного грусти, намек на то, что любовь еще впереди и не должна мешать жизни, немного напоминаний о церкви, немного подкупа — и суп готов.

Рик в принципе согласен. Его отец — тоже.

Эдоард не зря отправил сына сначала в Уэльстер. Они с Гардвейгом действительно были в неплохих отношениях. Переписывались, общались — в меру, но достаточно дружески. И Эдоарду был выгоднее Уэльстер. Хотя и Ивернея...

Но там — Бернард Второй. Который прославился своей жадностью. Вряд ли он предложит что-то получше.

Альтрес вздохнул.

Если бы Гардвейг с самого начала поговорил с Риком... Но все сложилось так, как сложилось.

Он покрутился при дворе. Узнал Гардвейга, узнал свою будущую супругу... этого достаточно для умного. А Рик все-таки неглуп. Хотя опыта ему не хватает.

Надо поговорить с лэйрой Вельс. И дать ей инструкции. Вполне четкие и определенные.

Не стоит пускать важные вещи на самотек.

Пусть даже устная договоренность достигнута — надо еще сделать так, чтобы вторая принцесса скомпрометировала себя. И есть кое-какие планы.

Лиля была довольна собой и жизнью.

Два десятка кружевниц под руководством Марсии плели и вязали по восемь часов в сутки. И получались просто волшебные вещи.

Как много потеряли школьницы, когда им перестали преподавать домоводство. Теперь бедняжкам ни чулки заштопать, ни шаль связать... а Алевтине всегда было интересно. Да и...

Вот представьте себе. Вы уехали жить в чужой город. Родители вас поддерживать практически не могут. Ну разве что варенья с соленьями из дома перешлют. Стипухи хватает на оплату общаги ну и чтобы с голоду не умереть.

А ведь хочется и выглядеть не хуже других. Даже не так. Хочется — другое слово. Коллектив студентов — это достаточно жесткая компания. И если будешь выглядеть оборванкой, тебя просто задразнят. Загонят, как лань.

А есть ли у тебя до двадцати тысяч на разные модные шмотки?

Нету...

Подрабатывать можно. Но учеба съедает восемьдесят процентов времени.

И в дело вступает кружок «очумелые ручки».

Дешевые маечки расшиваются стразами.

Купить специальные краски — и вперед! Да, батик не получится за отсутствием всякого таланта художника, но авангард будет такой, что все вокруг только ахнут. И ведь их хватит надолго.

Покупается простая пряжа и вяжутся совершенно невообразимые вещи. Кружевное платье на чехле из дешевенького ситца будет смотреться королевским нарядом. Если у вас руки растут из плеч. И правильно подобрать цвета.

Да и простое вязаное платье можно сделать так... а ведь если умеешь — труда это не составит. Сидишь, читаешь терапию — и параллельно крутишь петли крючком. Почти автоматические движения. Даже считать не надо.

Это как у музыкантов.

Сначала, пока произведение новое, руки еще не привыкли, а потом движения доходят до такой степени автоматизма, что, если музыкант начинает думать, куда поставить пальцы, он собьется.

Одна подруга показывала Але такой номер. Завязывала себе глаза — и играла на пианино. И ни разу не ошиблась. Это уже впечатано в подкорке. На сколько сантиметров перенести руку, как, что, куда...

Нечто подобное Аля применила и здесь.

Каждая кружевница знала свой узор и свой кусок работы. Одна вязала цветы, вторая — ажурное кружево, третья, допустим, рукава... А соединяли все Марсия, Лидия и Ирэна. Ну и сама Лиля. И получалось нечто невероятное.

Длинные, в пол, кружевные платья, накидки, шали, перчатки, воротники, манжеты, болеро, вуали — всего не перечислишь. И всех цветов радуги. У Лилиан Иртон первой была куча ниток, иголок, всякой вышивальной мишуры, и Лиля все пустила в дело.

Что там! Розовую с золотом обивку и ту всю распустили на нитки! Шелк тут был плотный, не чета дерюжке, которую за него выдавали когда-то Алевтине Скороленок.

Сама же Лиля...

Кучу времени она проводила в лаборатории. Да, у нее была щелочь. Кислота. Несколько

солей. И куча образцов со всего Иртона. Крестьянские дети натащили.

И девушка проводила опыты, благословляя про себя преподавательницу аналитической химии, которая все зачеты проводила просто. Ставила перед человеком пробирку с неизвестной жидкостью — и валяйте, ребята. Угадывайте, что это. Проводите качественные реакции.

Не получилось? Приходи на пересдачу.

А Але никак нельзя было... вот и зубрила.

Итак, качественные реакции на карбонаты, сульфаты, серебро, барий, медь...

Делала она это не просто ради развития химической науки. Перебилась бы Ативерна без алхимии. Девушка решила сосредоточиться на трех направлениях.

Стекло. Разного вида и цвета.

И надо сказать, что сейчас у них уже получались и вполне приличные зеркала, и разноцветное стекло, и стеклодув даже пытался делать из него бокалы, блюдца, вазы...

Получалось иногда красиво. Иногда же... В общем — получалось.

Лиля пока еще экспериментировала. И поэтому часть изделий сразу шла в брак. Но часть получалась прочной. Так что она всерьез подумывала поговорить с отцом и сделать нечто вроде стекольного цеха. А что? Муранское стекло было? Было. И ценилось... Почему не быть иртонскому стеклу?

Хотя нет. Не иртонскому. Скажем, стеклу Мариэль. Так красивее. И главное — отдает должное его создательнице.

К этой же категории относились и зеркала. Но пока с ними было сложно. Максимум что удалось получить — зеркало размером сорок на пятьдесят сантиметров. Примерно. Но и это было невероятным.

А еще...

На мысль Лилю натолкнула Марта. Стекло — не только тарелки. Стекло еще и очки, монокли, бинокли... можно ведь сделать самый простой, по типу галилеевского?

Правда, встал вопрос, чем шлифовать линзы, но тут уже на помощь пришел Хельке, и к середине зимы Лиля криво-косо, но получила свою первую линзу.

И тут у нее было громадное преимущество. Она-то знала про оптическую ось, про преломление света, про первый телескоп Галилея... самый простой, так зачем больше-то?

Она просто делает первый шаг. За ней придут другие. Уже сейчас ее мальчики такое из стекла вытворяют! Уж молчим про бисер и бусины самых разных цветов и форм. Каторжный труд, но им только в удовольствие. Взяли себе подмастерьев — и работают. Причем Лиля заметила, что в мастерскую периодически заглядывает и Ирэна... Интересно, в Иртоне не будет демографического взрыва?

А на скромницу Марсию положил взгляд Ивар. Суровый вирманин просто таял при виде девушки.

Пришлось собрать всех дам в замке и прочесть лекцию. Лично Лиля не возражала. Но каждая, кто не хочет обзавестись ребенком раньше вступления в брак, пусть ходит к Джейми. Тот всю общался с травницей и противозачаточное у него было. Не самая полезная вещь, так, простите, дело-то серьезное.

Гулять до свадьбы не запрещалось. Но! Внебрачный ребенок в этом мире считался существом второго сорта. Как бы без благословения Альдоная. А раз Альдонай благословения не дал, то кто?

Правильно. Либо Мальдоная, либо так и болтайся всю жизнь, как сам захочешь. И считается, что на таких людей и бед сыплется больше, и болеют они чаще, и их близкие

тоже страдают — вот и...

Народные поверья — та еще пакость. А церковь тоже цепляется за все эти радости и клеймит позором тех, кто привел в этот мир новую жизнь без благословения. Самый прочный сплав — суеверия плюс религия.

Если в крестьянских семьях внебрачные дети еще не трагедия, то среди аристократии — ну, человек может поставить на себе крест.

За него не выдадут замуж дочь и не женят сына.

Внебрачный ребенок ни *при каких условиях* не наследует имущество родителей.

Фамилия для таких людей тоже не предусмотрена.

Допустим, вот она — Лилиан Иртон. Была — Брокленд. А если бы у нее родился внебрачный сын, она бы не имела права дать ему свою фамилию. Это сделал бы местный пастор.

Так что предохраняйтесь, девушки. И помните: лучшее средство — это чай.

До или после?

Лучше — вместо.

Глава 6

Я К ВАМ ПРИШЕЛ ИЗ ЗАГРАНИЦЫ

Ройс Релаймо осмотрел замок Иртон с холма.

Добрался. Так-то вот.

Хм... захолустье?

Замок сиял в морозном воздухе, словно бриллиант в короне.

Стены явно ремонтировали, сам замок тоже, а в окнах... неужели?

Ну да. Стекла. Вперемежку со слюдой — но стекла. Между прочим, дикая роскошь. Ибо непрочные (про закалку тут пока знала только Лиля — и то пока ничего не получалось). И дико дорогие.

И цветное стекло? Надо же...

Ройс поправил лютню за спиной и начал спускаться по холму.

Кого пустят в замок? Купца? Вот-вот, сто лет они в Иртон не ездили.

Воина? Может, да. А может — и нет.

А вот бродячего менестреля...

Менестреля в замок тоже пускать не собирались. Стражники у ворот были настроены весьма и весьма недружелюбно. После того как Миранду похитили, они такой втык получили лично от Лейса, а потом еще и от Лейфа с Эриком, что неделями икали. Так что сейчас твердили одно: ждем начальника караула. Это уже с подачи Лили ввели систему, близкую к армейской.

Ройс послушно уселся на свой дорожный мешок и приготовился ждать. Но ждать пришлось недолго. Лиле даже не доложили про менестреля. Но она собиралась проехаться верхом.

Ворота открылись. И оттуда появилось невероятное по красоте видение. Четыре человека верхом. Впереди — собственно, сначала Ройс только ее и заметил — ехала дама на аварце. Чистокровный солнечный конь гордо переставлял тонкие ноги и выгибал шею. Он явно гордился всадницей, и понятно почему.

Всадница была достойна своего коня. Алый плащ, отороченный белым мехом, золото длинных кос, перевитых блестящими бусами, сияние зеленых глаз...

Впрочем, это женщины смотрят, какой формы нос, а какой — уши. А мужчина просто воспринял весь образ целиком. Как икону. И задохнулся от восхищения.

Вскочил, поклонился, не отводя глаз, конечно, поскользнулся — и рухнул в снег.

Он не удивился бы хохоту. Но смеха не было. Наоборот, прекрасное видение кивнуло стражникам, и один тут же подскочил, помог подняться, отряхнул...

— Кто это?

Голос оказался под стать внешности. Низкий, грудной, глубокий...

— Р-ройс... Рел-лаймо. — Младший сын захолустного барона предусмотрительно не стал добавлять титул. — В-ваше сиятельство?

Лилия (а это была именно она) улыбнулась.

— Да, я графиня Иртон. А кто вы и что вы делаете у стен моего замка?

Ройс с трудом собрался с мыслями.

— В-ваше сиятельство, я странствующий менестрель. Брожу по свету, пою песни, вот, в Иртон забрел..!

— Далеко, однако.

Зеленые глаза были холодны и спокойны. Хотя Ройс считал себя весьма привлекательным мужчиной. Каштановые волосы, карие глаза, сильное тело... у него никогда не было недостатка в женском внимании. Но сейчас он даже не обиделся. Оно и понятно.

Графиня? Нет! Королева.

А королевы так и должны себя вести.

— А мы идем, пока ноги несут. Песенки поем, а нас за то кормят...

— Вас? Вы тут не один?

— Один, ваше сиятельство...

Лиля задумалась. Неизвестно, приняла бы она менестреля в замке или послала в деревню, но...

— Мам, я хочу песенки!

Иногда на Миранду еще накатывала «хочуха». И если речь шла о чем-то мелком — Лиля с ней не спорила.

В мелком уступить, в большом отыграть, пока ребенок не разбирается, что важнее, а что нет...

— Ладно. Пусть Лейс поговорит с менестрелем, расспросит, а мы пока поедem кататься. Вот вернемся — тогда и решим.

Миранда закивала.

— Мам, а ты мне книжку считаешь?

— Вернемся — вместе считаем.

Миранда расцвела, и Лиля тронула коня.

Вперед, Лидарх.

Вперед!

Третьим проектом Лилиан Иртон были книжки.

Это вполне достижимо даже при ее уровне знаний. Бумага у нее уже получалась. Криво-косо, серовато-зеленая, почти туалетная, но получалась же!

И оставалось дело за первопечатником. На роль такового Лиля скромно выбрала себя. Бумагу она еще получит приличную. А пока... Заказать доску с выемками для литер, заказать сами литеры кузнецу, правильно подобрать чернила — и вперед.

Для примера был выбран кусочек из «Жития Сияющей Мариэлы». Всего строчек десять, там, где она рассказывает о своей жизни до нисхождения на нее духа Альдоная... Но и этого хватило с лихвой.

В дело были посвящены Лонс Авельс и пастор Воплер. И если первый только смотрел на свою хозяйку громадными от удивления глазами, то второй — вообще прослезился.

Особенно когда понял, что бумагу легко получать из крапивы и конопли... ну не идеально легко, но реально. Нужно просто грамотно измельчать крапиву на волокна, потом специальная сетка (ее отлично заменила дорогущая шелковая ткань) — и пресс,

также сделанный кузнецом.

Сушилось все это дело в стеклодувной мастерской. И получались листы бумаги. Да, пока она была больше похожа на рыхлый картон. Ну и что? Здесь и такой не было!

А оттисков можно наделать хоть сотню. Хоть десять тысяч.

— Ваше сиятельство, так это ж...

— Да, пастор. Бумага недорогая, оттиски тоже, и слово Альдоная может быть хоть в каждом доме. Поучения о Сияющих, рассказы о их жизни... люди должны знать, к чему им стремиться, правда?

— Ваше сиятельство, вы сами — Сияющая!

Лиля искренне смутилась.

Если уж честно — плевать ей было на местную церковь. Не тронь — и тебя не тронут. А вот то, что можно внедрить буквари, кучу книг, повальную грамотность, и крупно на этом заработать, получив подряд от государства и патент... это да. Тут пахло миллионами. А Лиля не собиралась отдавать никому свои деньги.

Она прикидывала все варианты. Согласно одному, она договорится с супругом. Согласно второму — не договорится. И придется обеспечивать себя самостоятельно. Вот тут все пойдет в ход.

Лиля собиралась стать бумажно-книжным магнатом. Чтобы и спустя триста лет все книги выходили из ее мастерских. И у нее были все предпосылки.

Она примерно знает рецепт. Знает, куда стремиться. Знает о рекламе и как ее использовать во благо своего дела. Так почему бы нет?

Отец ее поддержит. Хотя... и тут не все так просто. Август Брокленд не вечен. Мало ли что, мало ли как...

Но Лиля полагала, что может и сама получить личное дворянство, закрепляя его за своим родом.

За шахматы и кружева такое не дадут. А вот за бумагу? Книги? Стекло и зеркала?

Рецепты знает она одна. По бумаге — только она. Она лично перетирала крапиву до нужной консистенции. Добавляла коноплю. Лен. Солому. Экспериментировала. И продолжала заниматься этим у себя в лаборатории.

Стекло и зеркала — еще два человека. Но им она тоже обрисовала последствия. И ребята понимали — лучше молчать о некоторых вещах.

Лиля дала им в руки золотую рыбку. Но надо быть очень осторожными в своих поступках, чтобы не похитили, не запытали, не стали шантажировать, не заперли навек в каменном мешке... вариантов много. И ни один мастерам не нравился.

Так что — тсс...

Конь нес свою всадницу по заснеженной дороге. И Лиля машинально отметила, что следов на ней нет. То есть гость в замок пришел через поля.

Зачем? Какого черта ему тут надо?

Если у вас паранойя — это не значит, что за вами никто не следит.

В следующие полчаса Ройс сильно пожалел, что пришел.

Пожалели и стражники у ворот, на которых Антрел отыгрался по полной программе. Разнос он устроил такой, что весь замок слышал.

— Вы!!! Вы почему постороннего подпустили к графине?! Да я вас... и... А если бы он убийцей был?!!

Речь капитана была весьма эмоциональна. Но Ройс понял, что на графиню уже было покушение. И наострил уши.

Увы... Ценной информации получить не удалось. Зато Антрел закончил разнос стражи и взялся за него.

— Откуда путь держим?

— По деревням брожу, где за песню кормят...

— А сюда какими путями?

— Да обычными. С востока. Заблудился случайно в лесу, потом выбрел...

— А питался чем?

— Да лепешки с собой были. Рыба вяленая. Зайцев силками ловил... Если погоните — хоть хлебушка черствого дайте. А то вовсе подохну, не дойдя до деревни...

Врал Ройс убедительно. По странному капризу природы — сколько бы он ни ел, всегда оставался тощим как щепка, с запавшими щеками. А остатки пищи из заплечного мешка — вяленое мясо, мед, мука, сахар — были надежно спрятаны неподалеку. Так чтобы зверье не добралось.

Лейс чувствовал, что где-то гость крутит, но докопаться до правды не мог. И поэтому менестреля пустили в замок. Хотя и предупредили, чтобы дальше людской не заходил. Там и покормят.

А если его еще где увидят — ноги вырвут.

Ройс послушно закивал. И отправился в людскую. Краем глаза отметив застекленные окна замка. И это — в такой глуши?

С ума сойти!

В людской было еще интереснее.

Во-первых, в окна людской тоже было вставлено стекло. Да не простое, а разноцветное. Так что свет играл на стенах яркими огоньками.

Это для Ройса было шоком.

Ладно, он мог допустить, что граф присылает деньги своей жене. И та тратит их на роскошь! Но на себя ведь! Не на холопов дворовых!

Ан нет, даже в людской было уютно. Столы и лавки сколочены на совесть, все буквально вылизано до блеска, он даже во дворцах такой чистоты не встречал. А на столе — стеклянная посуда.

Правда, кубки и тарелки сделаны не особо хорошо — там край покривился, там еще что-то, но ведь и это невероятно! Обычно слуги ели из деревянной посуды, а то и вовсе обходились корками хлеба. А тут?

А это что?

Подсунутый ему прибор сильно отличался от привычной ложки. Вроде маленьких вилок.

— Это госпожа придумала, — шепнула грудастая служанка. — Ты попробуй.

И показала как — утащив незнакомой штуковиной кусок рыбы из тарелки «менестреля».

Ройс попробовал. Вкусно. И удобно, кстати. Сначала — не очень, но, когда приспособишься, работать «вилкой» одно удовольствие. И рыба вкусная. Ей-ей... и соли, и специй в меру... для слуг?

— Ты мне никак господскую пищу принесла? — лукаво обратился он к служаночке. — А графиня не заругает?

Мэри покачала головой:

— Да что ты! Графиня такое не ест! Это для слуг.

— А графиня небось соловьиных язычков требует?

Ройс вроде бы и подшучивал, но информацию мотал на ус. И добротную одежду на служанке, и розовые щечки, и блестящие глаза — так не ведут себя слуги у богатой самодурки. О нет. Ни забитости, ни нервозности — девушка определенно довольна жизнью.

Не говоря уж о роскоши — кружевном цветке на платье с глубоким вырезом. Ройс и не слышал про такое... то есть кружево он знал. Знал, что оно — полосками. И дико дорогое. Но чтобы вот так, цветами? И у слуг? Невероятно!

Хотя ничего невероятного тут не было. Неудачные образцы Лиля распорядилась отдавать слугам. Что Марсия и делала. Ройс просто не знал, что у цветка половина петель — откровенный брак. Он-то в жизни ничего себе не шил и не штопал.

— Да нет! Графиня у нас золотая!

И Мэри пустилась болтать языком. Ройс слушал весьма внимательно, подбирая хлебом подливку.

Вот тоже... хлеб? Зимой? И ведь не лепешки из зернотерки, нет. Нормальный вкусный хлеб.

Только зимой слугам в такой глуши и того не достается.

Но, судя по словам служанки, графиня позаботилась о питании. Случилось это не сразу, а после потери ребенка. До того она тихо сидела у себя в комнате. А после выкидыша...

Первое, что она сделала, — уволила управляющего. С ним была какая-то темная ситуация — Ройс так и не понял. То ли он умер, то ли потом объявился... короче — спросим кого поумнее.

Второе — отправилась на ярмарку, где продала все, включая свои платья, и купила скот для поместья.

А заодно наняла вирман. Те принялись ловить, солить и коптить рыбу.

Соль? Говорят, те рыбу прямо в морской воде солят.

В это Ройс не поверил, но большего служанка и правда не знала, разливаясь в похвалах графине. И добрая, и порядок любит, и платьями жалуется... одно требование — чистота.

Раз в десять дней все дряют замок и моются. И тут уж никаких оправданий. Болен не болен, плохо, хорошо — шагом марш.

— Почему шагом марш? — удивился Ройс.

— А это госпожа любит так говорить.

«Госпожа» явно была любима слугами. Не всеми. Но на всех ведь и не угодишь.

Ройс удобно устроился у камина, пел под лютню незатейливые песенки, а в перерывах расспрашивал.

Вилка? Ее сиятельство приказала себе такую сделать. А за ней и все остальные потянулись.

Стекло? Так графиня мастера нашла в Альтвере. Вот он и...

Кружево? То же самое. Мастерницы из Альтвера вяжут. Говорят, графиня часто сидит с

мастерами, но уж чем они там заняты — только им и известно.

Госпожа графиня ненужного любопытства не одобряет. Строга.

Может и прикрикнуть, и нужники послать чистить... было уже такое... когда ее убить хотели, да вместе с ней чуть молодая госпожа не погибла. Ух как графиня тогда разозлилась.

Убить хотели?

Ой! Тут никто ничего не знает, кто, за что... господин королевский представитель был, тоже все расспрашивал — ан нет.

Вирмане знают, но те молчат. И господин Антрел. Только он тоже никому ничего не говорит. Зато графиню защищает как верный пес. А и то... был простым воякой, а стал капитаном замковой стражи. Госпожа его всячески обласкала, деньгами жалует... говорят, с одной из кружевниц-мастериц у него все очень даже серьезно... пастор уже намекал на весеннюю свадьбуку.

Вирмане? А что — вирмане? Конечно, всякое бывало. И драки, и ссоры... госпожа всех мирит. Сказала, что, если кто посмеет, прикажет высечь на конюшне и выгонит взащей. Все одно дело делаем...

Графиня, графиня, графиня...

Слуг не приходилось подталкивать — они сами говорили. Много. А вот что из этого было правдой?

Ройс не знал. Ему придется сильно потрудиться, отделяя выдумку от правды. И можно ли такое выдумать?

Для живущих в этом замке все происходило постепенно. А вот Ройсу рассказывали в один день. И он подозревал, что для женщины столько сделать — непосильно.

Но сделала ведь! Такое не подделаешь!

Но как?

Ответа не было. Были только сплетни и слухи. И впервые Релаймо терялся. Отделить одно от другого было невозможно.

Оставалось только ждать встречи с графиней.

Хотя встречей это назвать было нельзя.

Его просто пригласили петь, пока благородные господа изволят ужинать. Спеть несколько песен, повеселить хозяев...

В небольшом зале было тепло и уютно. Стол был накрыт на одиннадцать человек.

Сама графиня. Удивительно красивая, с толстой золотой косой, обнимала маленькую девочку. Юная виконтесса Иртон. Тоже симпатичная. Черные волосы, синие глаза — в отца...

Зеленорясый. И рядом с ним держится мальчик, похожий на него как две капли воды. Сын?

Мужчина — капитан стражи.

Ханган. Пожилой, но очень умный. Глядит остро и серьезно. Все уважительно обращаются к нему господин дин Дашшар. А графиня называет Тахир-джан. Уважительно. Он ее именует также Лилиан-джан. А это у ханганов обращение только к мужчине. Только! Или к женщине, которую ставят с собой на равных.

Но ханган? Странно.

«Заморский целитель, очень нашу госпожу уважает, говорит, что такие, как она, не

каждый век рождаются», — всплыли в памяти слова служаночки.

Светловолосый юноша. Одет достаточно дорого, но держится немного неуверенно. Графский лекарь.

Двое вирман. Мужчина и женщина. Он — здоровущий, насквозь просоленный ветрами моря. И она — тоненькая, хрупкая, глядящая на своего мужа с обожанием.

Еще один мужчина средних лет. Кажется, его зовут Тарис. Но кто это — Ройс не знает.

И мужчина моложе. Шевалье. Шевалье Лонс.

На миг Ройсу показалось, что шевалье его испугался. Метнулся в ярких глазах страх. Явно метнулся!.. Но почему?

Или показалось?

Ройс решил еще понаблюдать. И запел.

Пальцы привычно касались струн, слова сливались в песню, а Ройс внимательно наблюдал. Жизнь научила его, что за каждой женщиной должен стоять мужчина. Не бывает иначе. Плющ не живет без дерева, а женщина не может быть без опоры. И это обязательно проявится. Взглядами, движениями, неосознанными словами...

Ан нет. Если у Лилиан Иртон кто-то и был — здесь его не было.

Да и...

Трапезу привычно начинал пастор. Он прочел молитву, призывая благословение на дом и вкушаемую пищу.

Таких Ройс повидал достаточно. В голосе искренний восторг. Молится он от души. В Уэльстере, с легкой руки короля, было принято достаточно критично относиться к зеленорясым. И Ройс понимал — этот *верит*. Искренне и от всей души.

При дворе короля был один такой. Все выступал, обличал всех, ругался... пока случайно не упал с лестницы. Ходили слухи — не без помощи графа Лорта.

А этот... на графиню смотрит как на икону, не иначе.

Ну да. Графиня его и в замке поселила, и сына учить взяла вместе с виконтессой, и храмы отстроила... зачем на такую дыру, как Иртон, два храма?

Но этого все равно мало. Если бы графиня нарушала обеты или что-то еще в этом роде — он вмешался бы. Обязательно. Хотя бы словом.

И кто может за ней стоять?

Шевалье? Хм...

Ройс спел несколько песен, прервался ненадолго, промочил горло...

За столом царила на редкость... странная атмосфера.

Никто не напивался, не буянил, не задирали друг друга — вирманин с ханганом мирно вели беседу, пастор что-то говорил графине, дети, понимая, какую им честь оказали, допустив со взрослыми за стол, ели медленно и аккуратно... все ели вилками! И пользовались ими вполне умело и изящно.

Ройс глазам своим не верил. В любом другом месте служитель Альдоная начал бы обличать язычников, вирмане поругались бы с местными, ханганы вообще считали всех ниже себя...

Здесь же... Все были объединены общими интересами. И центром всего была сама Лилиан Иртон.

И с каждой минутой Ройсу было все интереснее.

Она не спорила, не ругалась, она просто выслушивала собеседника, улыбалась, потом говорила всего несколько слов... Это было как удар клинком. Прямо в сердце. Но она не фехтовала и не стремилась одержать победу. Она просто... была.

И была центром этого сообщества.

Странно.

Очень странно.

Лонс едва дождался конца трапезы.

Его трясло, колотило, руки были ледяными... сколько сил он потратил, чтобы не закричать: держи его?!

Остановивало только то, что Релаймо не узнал его. Такое не сыграешь. Если бы узнал... убил бы, наверное.

Лонс был в курсе всех слухов. И знал, что Релаймо — верный пес Гардвейга.

Что он делает здесь? Глупый вопрос. Уж точно не ромашки собирает.

А вот что делать ему? Пустить все на самотек?

Один раз так и было. Но что от него зависело в рабском трюме? Только одно: выжить.

Он выжил.

А вот что будет сейчас...

Лиля слушала песни.

С ее точки зрения — ничего сверхъестественного в них не было. Красиво, да. Но слушать одни баллады? Скучно!

Хотя весь стандартный набор присутствовал. Прекрасные девы, рыцари, подвиги, драконы и демоны, сама Мальдоная и та отметилась.

Пастор недовольно нахмурился, и менестрель вернулся к более политкорректному репертуару.

Симпатичный, кстати, менестрель. И не смотри, что кажется тощим. Не-эт...

Знала Аля Скороленок таких тощих. Жилистых, как сыромятный ремень.

Один сослуживец ее отца таким был. При ней качка уложил в три касания и не запыхался. Потом еще смеялся, мол, рельеф мышц — это для картинки хорошо. А в драке таким, как он, даже лучше. Дурное мясо на себе таскать не нужно...

Лиля поспорила бы, что и этот менестрель в драке, как мангусты Тахира. Жестокий и стремительный.

Станный менестрель. Подозрительный...

Попросить Лейса приглядеть дополнительно?

Не помешает.

Когда трапеза закончилась, Лиля послала менестрелю улыбку.

— Благодарю вас. Вы скрасили наш вечер.

— Ваше сиятельство, вы разрешите мне остаться еще на пару дней, передохнуть? — рискнул Ройс.

Уйти-то можно и завтра. Не пропадет. Но... Слишком много информации. Противоречивой. Невнятной.

Лиля кивнула.

— Если вы пообещаете развлекать нас и завтра вечером.

Ройс, конечно, пообещал. Отвесил несколько комплиментов хозяйке, выслушал ее похвалу своему искусству и склонился в поклоне, дожидаясь, пока графиня удалится.

Удалилась Лиля недалеко. Уложила Миранду и отправилась в кабинет.

Куда и постучался Лонс.

— Можно, ваше сиятельство?

Лиля кивнула:

— Входите, шевалье. Что случилось?

И Лонс словно в воду бросился:

— Ваше сиятельство, это не просто менестрель.

— Да неужели?

— Я вообще не знаю, может быть, он послан за моей головой.

Лиля мгновенно вскинулась. Как ни крути — Лонс ее человек. И она будет защищать его.

— Почему?

Лонс выдохнул:

— Ваше сиятельство, я ведь не просто так оказался на рабском корабле.

— Я догадалась.

— Я солгал тогда. На самом деле меня должны были убить.

Лиля слушала. Лонс честно рассказывал, как Анелия начала охоту, как он сдался, как ее решили выдать замуж, как у него отобрали документы и хотели убить...

Лиля слушала очень внимательно. И, когда он выговорился, подвела итог. В непечатных выражениях светлой памяти прапорщика Савельева. Коротко и по делу.

А потом приступила к расспросам:

— Это — за тобой?

— Не похоже. Но может быть и так...

Лиля покусала ноготь.

— Что может ему понадобиться здесь? В захолустье?

— Вы, ваше сиятельство. Или я. Или Тахир.

— Ты — понятно. Тахир?

— Он лекарь. А король болен. Сильно болен.

Лиля кивнула, закрывая эту тему.

— А я? Обычная тетеха из глуши?

Лонс позволил себе тонкую усмешку. Мол, прибедняйтесь, ваше сиятельство. Но я спорить не стану, пусть будет как скажете.

Лиля сморщила нос.

— Ладно. Почему бы нам не поступить просто?

— Как, ваше сиятельство?

— Позвать его сюда и расспросить.

— Н-но...

— Ты вообще спрячешься за шкафом. Или еще где. А Лейф поможет мне. Скажет, что видел его...

Лонс пожал плечами:

— Можно попробовать.

Лиля вздохнула.

М-да. Надо организовать СБ. Или КГБ. Комитет графской безопасности. Только вот кто этим заниматься будет?

Она не потянет. Не та специализация.

Ладно. Подумаем об этом позже. А сейчас...

— Шевалье, пригласите ко мне Лейфа. Только потихоньку.

Поговорим, как шпиона лучше брать. Или вообще убрать? Только вот что это изменит? Ведь другие понаедут... кто сказал, что средневековые спецслужбы хуже?

Ладно. Разберемся.

Сейчас и начнем.

Вызов к графине Ройсу не понравился. Но как тут откажешься, когда у двери стоит пара вирман размером с медведя и так многообещающе поигрывает ножичками длиной в локоть.

Ой, не о капризе скучающей аристократочки тут речь идет...

Впрочем, кабинет удивил Ройса больше всего остального.

Стол. Книжные полки. На столе куча свитков, книги, за столом сидит графиня и смотрит весьма неприветливо.

За плечом графини стоит тот вирманин, который присутствовал на ужине. На этот раз без жены. И многозначительно ухмыляется.

Графиня заговорила первой:

— Лэйр Релаймо, вы мне ни о чем рассказать не хотите?

Сказано это было так, что Ройс понял, знает. Все не все, но многое. Но это же не повод сдаваться? Поборемся...

— Ваше сиятельство, я вас не понимаю...

— Правда, лэйр Релаймо? А если я сейчас попрошу Лейфа и пуцу по вашему следу парочку собак? Найдут они что-нибудь интересное?

Ройс похолодел. Найдут ли? Еще как найдут.

— Ваше сиятельство, к чему нам крайние меры?

— А к чему нам шпионы в Иртоне? — Лиля хлопнула ресницами. — Или вы чисто мимо проходили? Не верю!

Ройс вздохнул:

— Госпожа графиня, а...

— Лейф опознал вас, — просто объяснила графиня. — Надо больше внимания обращать на вирман. Но я так понимаю, для вас они все на одно лицо...

Ройс недовольно фыркнул. Ну не на одно. Но...

— Лейф бывал в Уэльстере. Поэтому рассказывайте, лэйр Релаймо, что от меня нужно вашему господину.

Рука графини поигрывала небольшим зеркальцем в серебряной оправе.

Ройс пожал плечами.

— Да ничего особенного, ваше сиятельство. Если вы в курсе, ваш супруг...

— Отправился вместе с его высочеством Ричардом ко двору Уэльстера.

— А моего начальника весьма заинтересовала ваша переписка.

Лиля сдвинула брови:

— То есть?

Вроде бы она ничего такого супругу не писала. Одного письма — за глаза. И он ей тоже. Нет, пришло недавно письмецо, но что в нем важного?

Шесть фраз.

«Дорогая супруга, я доволен всем, что вы сделали. Надеюсь, сейчас у вас все в порядке? Как поживает Миранда? Отпишите мне, если что-нибудь потребуется. По окончании посольства я надеюсь на нашу встречу при дворе его величества.

Любовницам письма подробнее пишут.

— На вас были покушения, реакция графа была весьма...

— Своеобразной, — пришла на помощь Лиля, примерно представляя себе эту реакцию. Либо нажрался, либо вообще крыша поехала. Оставлял на хозяйстве курицу, а получил крокодила. Тут кто хочешь ошалееет.

Шпион взглянул с благодарностью.

— Да, ваше сиятельство. И графа Лорта весьма заинтересовал Иртон. В первую очередь — вы, а затем и само графство.

— И что же интересует... графа Лорта?

Лиля чуть запнулась. Она вообще-то полагала, что это король послал шпиона. А кто такой граф Лорт? Лонс в порыве откровенности не упоминал его имени и обзывал шутом. Впрочем, Ройс не обратил на эту заминку внимания.

— Все, ваше сиятельство. Кто, что, как... сбор общей информации. Сами видите — у меня даже история толком не проработана...

Лиля кивнула. Нет, могло бы и пройти. Но Лонс с его исповедью спутал мужику все карты.

— Так что вы хотите узнать, лэйр?

— Ваше сиятельство?

— Спрашивайте. Я отвечу, а завтра утром мои люди проводят вас... Куда вам удобнее?

— Наверное, в Альтвер, — призадумался Ройс. — Оттуда я отправлю письмо и получу новые инструкции.

Графиня немного подумала. Мастера работали ударно, так что можно попутно и посылочку Торию отправить. И заодно...

Отправить письмо отцу.

Тарис больше по торговле. Лонс — идеальный секретарь. Лейф и Антрел — вояки. А нужен эсбээшник. Так что надо спросить у отца. Ведь есть же у него кто-нибудь на верфях, разве нет? Обязан быть!

— Вирмане вас проводят. Я обещаю, что вам не причинят вреда. Лейф, это понятно?

— Все равно лучше бы в колодец, — проворчал вирманин. — Или хотя бы в допросную часика на три, чтобы впредь неповадно было.

Лиля пожала плечами.

— Зачем? Дело самое житейское, шпион сопредельной державы... К тому же человек подневольный. Ему приказали — он пошел. Его хозяин — дело другое. Но опять же работа такая. Да и особых секретов у нас нет. Покушения и те не секрет...

Лейф проворчал по-вирмански, куда он хотел бы отлюбить и шпиона, и его хозяина, и работу. Ройс невольно поежился. Лиля усмехнулась. Но больше ничем не выдала, что уже понимает по-вирмански. Тут хочешь не хочешь научишься. Говорила она пока плохо, на уровне «моя твоя сказать пойти в болото». Но понять, куда кого послали, уже могла.

— Ладно, лэйр Релаймо. Спрашивайте. А то поздно уже, мне спать хочется...

Ройс присвистнул про себя и принялся задавать вопросы. Графиня отвечала. Хотя и не на все.

Спустя час шпиона отправили под охрану вирман, с гудящей от впечатлений головой и в полном шоке.

Теперь главное было ничего не перепутать. Так что в выделенной ему комнатухе он достал пергамент и принялся записывать.

Многое он ожидал. Но чтобы *такое?! От благородной дамы? Графини?*

Альтрес Лорт тоже будет в шоке. И что-то подсказывало Ройсу, что сюда приедет еще не один шпион. Только вот вряд ли кому-то повезет так, как ему.

Могли ведь и в пыточную, и топором... м-да...

Обязательно надо добраться до Альтвера и отправить донесение.

— Ваше сиятельство?

Лиля посмотрела на Лонса.

— Да...

— Вы...

— Лонс, ну ты же сам все слышал.

Слышал. Прятался в шкафу. И невольно восхищался Лилей. Которая изворачивалась как уж на сковородке, но ничего про него не сказала.

— Да, ваше сиятельство...

Лиля устало вздохнула. Посмотрела на мужчину. А ведь волнуется. И у него есть

серьезные причины.

— Лонс, я никому ничего про тебя не сказала. И не скажу. Но хочу заметить — это долго не продлится. Весной мне ехать ко двору...

— Вы же не будете представлять своего секретаря. А я поменяю внешность. Бороду отращу, волосы покрашу...

Лиля кивнула.

— Так тоже можно. Ладно. И постараемся дать знать Анелии, что ты жив.

— Прошу вас, госпожа графиня...

— Не проси. Лучше подумай, она согласится жить с тобой в глуши?

— Мы так и жили...

Лиля изобразила участие. Хотя... Чисто логически — для соплюшки из глуши Лонс действительно принц. А вот если взять соплюшку ко двору? Да показать настоящего принца? И дать потрогать?

Не снесет ли у девочки крышу?

Все возможно...

Ладно. Сейчас — не суть важно. У нее хватает других дел. А говорить кому-то про тайну Лонса... Она что, самоубийца? Обладающие такими знаниями долго не живут. Нет уж.

Сначала проясним для себя все политические расклады. Потом будем думать, куда пристроить информацию.

Лиля попрощалась с Лонсом, кое-как добрела до спальни и не раздеваясь упала в кровать. Последние часы вымотали ее до предела.

Легко ли вести беседу? Продумывая каждое свое слово, не говоря ничего лишнего, не показывая, что ты ничего не знаешь, и задавая вопросы словно бы мимоходом?

Ну кому как. У кардинала Ришелье проблем не возникло бы. А вот у Лилиан Иртон...

Да еще провести все это в форме доверительной беседы, приказав принести вина для менестреля и воды для себя, что-нибудь перекусить... боги, есть-то как хочется...

Лиля потеряла ладонью недовольно заурчавший желудок.

Интересно: дипломатические переговоры сжигают калории?

Лиля постаралась четко дать понять — она ничего не имеет против Уэльстера.

Стекло? Да.

Кружево. Может быть, и кое-что еще интересное. А может и не быть.

Договариваться мы все равно будем не с вами, любезнейший. А с вашим шефом. Ваше дело отдать ему собранную информацию, получить указания — и вообще, не разводите секреты Полишинеля.

Рецепты? Да вы, любезнейший, шутить изволите?

Как говорил незабвенный Федя Соколов: «Я буду разговаривать с пастухом, а не с его безмозглым бараном». Другой вопрос — пастуху надо себя еще прорекламирровать. Этим Лиля и занималась.

А попутно выяснила, что Гардвейг очень болен. Что Альтрес Лорт за него кого хочешь сожрет. Что короля лечат, как и последнего пастуха этого мира, клистирами и кровопусканиями... Железное у мужика здоровье, если он еще и детей делать умудряется.

Что граф Иртон сейчас при дворе в Уэльстере. И заработал себе репутацию блестящего кавалера... переводим как бабника?

Жене, конечно, этого не скажут. Но не объяснишь же, что жене он по барабану?

Ну и кучку подробностей про королевский двор Уэльстера. Нужных ей, как тот граф Иртон.

Написала его величеству кучу вопросов по здоровью — пока она сама не может попасть к венценосному пациенту, пусть хотя бы анамнез соберут. И то хлеб. Рекомендаций никаких не даем, ну так она и не святая, чтобы лечить на расстоянии. Умному хватит.

Удочку она забросила. А что на нее поймается?

Вытащим — разберемся.

Глава 7

ЗИМА РАСКРЫЛА СНЕЖНЫЕ ОБЪЯТИЯ...

Зима шла своим чередом.

Как оказалось — Новый год тут не отмечали. А вот праздник перелома зимы на лето был.

У Лили руки чесались, но по здравом размышлении она решила не морочить никому голову. Елки, игрушки, подарки — это хорошо. Только вот... и так за ней много странностей. Народ не поймет. Поэтому Лиля ограничилась выходным днем для всех обитателей замка, вечеринкой с танцами и угощением.

Сама она пить не стала и с интересом наблюдала за веселящимися людьми.

Вино снимало все ограничения. И даже вирмане хотя и не избавились от своей вечной настороженности, но как-то расслабились. Саму Лилю приглашали на танец и Тахир, и Лонс, и Тарис, и даже Лейф, с великодушного разрешения смеющейся Ингрид. Эрик покушался на целых три танца, но Лиля следила жестко. Один танец. Два — максимум. Как объяснил Лонс, это закон для высокородной дамы. Один танец — со случайным знакомым, два — с друзьями и родными. Три и больше — только с мужем. В крайнем случае с любовником. И Лиля заранее зазубривала весь этот чертов этикет.

При дворе она будет... ну не ниже плинтуса, но близко к тому.

Дочь купца, не наследная аристократка — этого уже достаточно, чтобы облить ее презрением.

А ведь еще и манеры. Лиля шлифовала что могла, но твердо знала — она не из этой стаи. Это будет ощущаться, ее будут травить и давить, и она может только приготовиться к буре.

Она приготовится.

Любезный мой супруг.

(Черти бы тебя взяли.)

Должна сообщить, что у нас все в порядке.

(Твоими молитвами...)

Миранда жива и здорова, она посылает вам приветы и поцелуи. Я также жива, но здоровье мое оставляет желать лучшего. После потери ребенка и отравления мое тело истощено. И это подтверждает знаменитый лекарь, волей судьбы посетивший ваш замок. Полагаю, вы слышали про Тахира Джаамана дин Дашшара?

В любом случае по приезде вы сможете лично переговорить с ним и узнать о возможности нового зачатия ребенка.

Пока же вкратце. Докторус считает, что мне необходимо долгое лечение, прежде чем я смогу зачать новую жизнь и успешно выносить плод.

(Лет пять. Или шесть. Или вообще посмотрим.)

Я счастлива получить ваше одобрение и также надеюсь на встречу.

(Уже и скалку приготовила, и чугунную сковородку, и еще десяток увесистых аргументов...)

Надеюсь, у вас все благополучно.

(Чтоб ты благополучно провалился куда поглубже!)

Молюсь за вас.

(За упокой.)

Письмо Миранды Кэтрин Иртон.

«Папа!

Здесь здорово!

Лиля замечательная! А еще у меня столько друзей! Они хорошие! И у меня есть своя собака! И новые платья! А Лиля обещала мне жеребенка!

Но я хочу настоящего аварца, а Лиля сказала, что тогда мы его выпишем! Из Ханганата!

Я уже умею писать, читать, считать... Лиля говорит, что женщина должна много знать, чтобы управляющие не воровали!

Мы к тебе приедем весной, правда?

Я тебя люблю и молюсь за тебя. И Лиля тоже молится.

Письма Джес читал в компании Рика. И тихо сходил с ума.

— Рик, я, кажется, готов поверить в пришествие Альдоная.

— С чего вдруг?

Джес взъерошил темные волосы.

— Знаешь, я уже ничему не удивлюсь. Как-то все перевернулось с ног на голову...

— Разве?

— Сам посуди. Я оставляю дома жирную дуру, которая способна только на молитвы... и что я получаю?

— Что же?

— Дядя ее хвалит. Миранда счастлива. В поместье порядок, зато моя любовница, оказывается... Знаешь, я просто с ума схожу! Я уже ничего не понимаю!

— А ты попробуй подумать иначе. Твоя жена, видимо, неплохой человек. Раз ребенок так о ней пишет.

— Да уж. Чтение, письмо, счет... да иные того отродясь не умели... кстати, я думал, что и Лилиан тоже. Ни разу ее не видел с книгой в руках.

— Если ее опаивали?

— Тут ты прав. А все остальное? Ладно еще платья. Но собака-то девочке зачем? Птичка в клетке...

— Где ты в Иртоне возьмешь птичку в клетке? Сам же сказал — захоlustье.

— А с кем тогда дружит моя дочь?

Рик пожал плечами:

— Может быть, с детьми соседей?

— Да там на десять дней пути никаких соседей! Разве что Донтер... неплохой охотник, кстати... так он не женат...

О своих столкновениях с бароном Лиля супругу не написала. Решила выложить лично. Или пусть король пишет. Вот его величеству — во всех подробностях. А муж перебьется.

— Не хотелось бы, чтобы Миранда общалась с простолюдинами...

— Отпиши об этом жене.

— Отпишу. Я уже не знаю, чего от нее ждать.

— Книгу Альдоная помнишь?

— Никто не знает, чего ждать от женщины, потому что она сама этого не знает?

— Примерно так.

Джес вздохнул. Встряхнул головой, как норовистая лошадь, отгоняя проблемы.

— Как у тебя с Анелией?

— Скучно. Она неплохая, но...

— Ладно. Посмотришь на вторую — сам убедишься, что эта не столь плоха.

— Может быть, и так.

Вообще, Ричард больше склонялся к кандидатуре Анелии. Эдоард знал, что делает, когда отправлял сына в Уэльстер. Сначала Ричард сопротивлялся автоматически — не хочу жениться! Потом сопротивление перегорело: и стала появляться мысль: «На безрыбье...»

А сейчас уже Ричард размышлял не о сопротивлении, а скорее подсчитывал плюсы и минусы свадьбы. То есть смирился.

— Напиши жене. Да и дочери тоже, — посоветовал Рик.

Джес вздохнул:

— Знаешь, я по-прежнему ничего не понимаю. Но...

— Со временем все разъяснится. Даже не сомневайся.

— Мне даже в Иртон сейчас никого не отправить!

Рик понимающе кивнул. Еще бы. Пока письмо дойдет в Альтвер, пока посланец доберется до Иртона (если вообще доберется, у нас, на минутку, сезон зимних штормов), пока там, пока вернется и отпишется господину...

Ну-ну... Как раз к лету что и дойдет. А в Ивернею — к осени.

Джерисон это отлично понимал и злился. И с ума сходил от неопределенности. Ну что это такое? Совершенно другой человек, как подменили! И узнать не от кого!

Тут кто угодно с ума сойдет.

Альтрес Лорт читал донесение своего шпиона почти со священным ужасом.

Что происходит?! Он многого ждал от графини Иртон. Но чтобы *так*?!

По словам Джерисона Иртона — она страшная. По словам Ройса — она красавица.

Джерисон считал свою супругу глупой? Увиденное Ройсом в Иртоне говорило о чем угодно, только не о глупости.

Графиня каким-то образом наладила производство соли. Стекла. Кружева. Образцы прилагаются.

Образцы Ройсу дала сама Лиля. Отлично понимая, что товар сначала рекламируют, а уж потом...

Маленькое стеклянное зеркало поразило Альтреса. Кружевной воротник заставил в восхищении качнуть головой. А соль, извлеченная из моря, на вкус ничем не отличалась от обычной. Разве что чуть горчила?

Но изделия не заставили бы графа задуматься. А вот другое...

Ройс писал, что в гостях у графини находится тот самый Тахир Джааман дин Дашшар. Он лично наблюдал лекаря, беседовал с ним и даже пригласил в Уэльстер, на что мужчина ответил отказом. Он-де придет только со своей ученицей, графиней Иртон, в свите которой состоит.

Да и вообще, у графини наблюдается недюжинный талант к излечению и Тахир не хочет оставлять ее.

Альтрес задумался.

Ладно. Может быть, и имеет смысл.

Если Рик женится на принцессе, Гардвейг обязан быть на свадьбе. Там и с графиней поговорим. Обязательно.

А это что? Список вопросов для его величества? Ну и наглость... А с другой стороны...

Напоследок Альтрес Лорт взял в руки письмо от графини.

Почитаем, что пишет женщина. Посмотрим...

«Граф Лорт.

Полагаю, ваш шпион узнал достаточно и про меня, и про мои дела.

В дальнейшем, если вы захотите что-то уточнить, напишите мне лично. Два умных человека всегда могут договориться ко взаимной выгоде.

Посылаю вам список вопросов, на которые хотела бы получить ответы. Показывать их его величеству или нет — решать вам.

Также посылаю вам образцы продукции, производимой в Иртоне.

Его величество Эдоард в курсе, так что вопросы поставок можно решить через него.

С уважением,

Альтресу оставалось только присвистнуть. И есть-то десяток строчек, а как много этим сказано?

«Граф Лорт». Не «ваше сиятельство», не почтительное «милостивый государь», о нет. Граф Лорт. Намекая, что речь идет о равных.

«Шпион узнал достаточно...» Более чем достаточно. Ровно столько, сколько ему позволили.

«Два умных человека...» Мы не враги и не союзники. Пока. Мы те, кем нам предстоит стать. И многое зависит от вас. Я уже поняла, что вы не дурак. Вы подслали ко мне шпиона — я это простила и готова договариваться. О чем мы договоримся — пока неизвестно. Но я готова к любому варианту развития событий.

Образцы продукции — тоже интересно. Но вот другое... Кажется, графиня представляет, насколько Альтрес предан своему брату. Но не афиширует это. Просто говорит, что готова помочь. А вот примет он помощь или нет? Покажет вопросы брату или нет? Это все в его воле.

А вот все остальное...

«Его величество Эдоард в курсе...» Так что не надейтесь на силовые акции. И о визите шпиона будет доложено, если уже не... и о его вопросах, и о самом Альтресе.

То, что зависит от графини, она готова сделать. Но действовать во вред своему государству не будет. Это понятно. И даже заслуживает уважения. Как и само письмо. Так не пишут женщины. Минимум текста, но сколько в нем скрыто?

Определенно, очень умная женщина.

Альтрес отложил письмо в сторону. Потом он еще перечитает его.

А вот сейчас... вопросы?

Свиток развернулся легко. От края до края заполненный тем же стремительным и четким почерком. Альтрес скользил глазами по строчкам.

Питание... алкоголь... возраст... одежда, обувь... частота сердцебиения... Создавалось впечатление, что графиня стремилась узнать все. Вплоть до частоты посещений королем спальни ее величества. Впрочем, в конце была кратенькая приписка: «Полагаю, даже данных сведений может оказаться недостаточно для опознания болезни».

И ничего больше. Просто — вот тебе сведения, а ты, Альт, что хочешь — то и делай.

А что делать будем?

Альтрес проказливо ухмыльнулся.

А делать мы будем вот что...

— Граф Иртон...

Джес смотрел на Гардвейга не без трепета. Все-таки самодержец. И самодур.

Только весьма и весьма немногие знали, что дурил Гардвейг больше по необходимости. Политика-с...

Пусть считают несдержанным тираном. Лишь бы боялись и слушались. А при болезни дурить — так и вовсе милое дело...

— Ваше величество, я счастлив видеть...

— Не надо много слов, граф. У меня к вам просьба.

Угу, то есть переводы — приказ. Джес дядю любил, но оценивал трезво. Для Эдоарда Ативерна — первое. Потом идут государственные интересы. Потом — семья. А место графа Иртона — в пятом десятке.

— Ваше величество, я счастлив буду...

— Привезите ко двору вашу супругу. Мы хотим ее видеть.

Многого ожидал Джес. Но чтобы такое?

Гардвейгу стоило больших усилий не рассмеяться, глядя на ошарашенное лицо мужчины. А Альтрес так и вовсе мерзко хихикал. Должность придворного шута позволяет, знаете ли...

— М-мою суп-пругу...

— Ее сиятельство графиню Лилиан Элизабетту Мариэлу Иртон. Я буду рад ее видеть.

Джес (сказалась придворная выучка) все-таки опомнился и рассыпался в уверениях, что обязательно и всенепременно. Только вот сейчас супруга в Иртоне, а весной его величество Эдоард уже того-с...

Гардвейг выслушал его с легкой улыбкой.

— Я не возражаю. Приезжайте летом. Или даже осенью. Но чем раньше, тем лучше. А вашему королю я сам отпишу.

Граф Иртон раскланялся и кое-как бочком отполз в укромный угол. Где его и атаковала леди Вельс.

— Джес!

Граф дернулся и зло посмотрел на навязчивую даму.

— Аделаида.

— Нам надо поговорить!

— Мне с тобой говорить не о чем, — пожал плечами Джес.

— А наш ребенок?

— Твой ребенок. Не наш. Что хочешь с ним, то и делай. А если не оставишь меня раз и навсегда — по возвращении домой будем говорить в другом месте. Ты пыталась убить мою дочь. И жену. И я об этом не забыл.

— Это не я! Это Алекс!

— С которым ты спала, — добил Джес. — А еще раз приблизишься, попрошу, чтобы тебя отправили в Ативерну. Пошла вон!

Аделаида прикусила губу и растворилась в толпе. А Джес облегченно прислонился горячим лбом к холодному мрамору стены. Голова у графа шла кругом. Без преувеличений.

Раньше все было... если и не просто, то достаточно ясно.

Есть король. Дело, которое он поручает, надо делать быстро и хорошо.

Есть семейное дело. Там за всем приглядывают надежные управляющие. Его же обязанность — контролировать и пресекать воровство.

Есть верфи. Это выгодно и полезно. Они могут перейти детям, поэтому их надо освоить.

Есть супруга. Это противный довесок к верфям. Она жирная, глупая, истеричная и склочная. Ее надо терпеть. Никуда не денешься.

Есть Миранда. Родной ребенок. Ее надо любить и баловать.

Есть Рик. Надежный друг.

Есть любовницы для приятного времяпрепровождения.

А сейчас мир бедняги рушился по всем системам координат.

Дело, порученное дядей, сделать качественно не удавалось. В семейном деле наметились явные прорехи. И ворье, и янтарь... ничего себе разрывы!

Верфи... ну тут еще посмотрим. Знай Джес, что Август им недоволен, почва шаталась бы еще больше.

Супруга. Самый страшный камень преткновения.

Джес решительно ничего не понимал. Вообще. Как глупая и толстая истеричка могла оказаться тем... кем оказалась? Ему что, жену подменили? Или кто-то ей диктует, что делать?

Оба варианта были равно невероятными. Но третьего Джес даже придумать не мог.

А что можно сделать? А вот ничего.

Поехать в Иртон? Дядя и так недоволен. А за такую выходку... как бы там в Иртоне и жить не остаться. Года на три.

Вызвать к себе супругу? Тоже не получится. Весной она с Мирандой едет ко двору.

Вызвать Миранду? Ага, ребенка через две страны... чего умнее не придумал?

Джесу оставалось только одно. А именно — сесть и написать всем. Сестре. Матери. Мужу сестры. Августу. И дяде.

И ждать хоть какой-то информации. Потому что уже имеющаяся в картину мира не укладывалась.

Лиля пришло письмо от отца. Он многое накопал про Кариста Трелони. Но не знал, что главное, а что второстепенное. Поэтому посылал все. К сожалению, Лиля тоже не знала, что тут важнее. И запросила у отца что-то вроде аналитической справки. Пусть не присылает, но хотя бы собрать можно? Кто с кем дружит, кто с кем торгует в высшем свете...

Ей все равно нужен эсбээшник. Вот и пусть. Любой человек, которого отец найдет на эту должность, обязан уметь работать с информацией. Пусть собирают сведения. А обобщить, структурировать, сделать выводы... Это уже ее работа.

Медиков тоже учат работать с информацией. И в чем-то не хуже, чем оперативных работников.

Время шло. И бились в окна снежные вихри, и завывал ветер за окнами замка...

Время шло неумолимо.

«Ваше величество.

Спешу сообщить, что деятельностью в Иртоне заинтересовались службы его величества Гардвейга.

У меня побывал его человек. Ничего особенно важного он не узнал, но я полагаю, что вслед за ним придут и другие.

Опасности это не представляет, но такие вещи, как секрет стекла, кружева, выпаривания соли, и многое другое лучше хранить в своем королевстве.

В связи с этим прошу у вас разрешения перенести производство в другое место, которое по моей просьбе подбирает мой отец. Иртон — захолустье, и здесь мы достаточно уязвимы.

Остаюсь искренне преданная вам,

Эдоард только хмыкнул.

Что ж, Гардвейг не дурак. Далеко не дурак. И его интерес к Иртону обоснован. А вот действия графини...

Хорошо. Поговорим с Августом Броклендом.

Август явился по первому вызову короля.

Раскланялся, отметил, что в этот раз ему подали уже не табурет, но кресло, — и присел на самый край.

— Ваше величество?..

Эдоард не стал ходить вокруг да около.

— Август, дочь писала тебе, чтобы ты подобрал место для ее мастеров?

— Да, ваше величество. Более того, она прислала мне просьбу найти человека, который будет собирать информацию... как она выразилась — главу личной шпионской службы. Потому что против шпионов — только такие же шпионы.

Эдоард покачал головой:

— Неожиданно...

— Ваше величество?

— У твоей дочери мужской ум.

— Это моя дочь... — Август явно был горд за своего ребенка.

— И весьма похвальна ее преданность Ативерне.

— Нам хорошо в Ативерне, ваше величество. Это наша родина, и мы ее любим.

Эдоард усмехнулся, четко отследив подтекст: «Пока нам хорошо — мы в Ативерне».

Но это и понятно. Много ли наработаешь из-под палки?

Глупо принуждать птицу летать. Она сама должна захотеть вернуться на твою руку.

— Ты выполнил ее просьбу?

— Да, ваше величество.

Дальше разговор скатился в обсуждение места, его защиты, охраны и эксплуатации. А также экспорта изделий с клеймом в виде красного креста в другие страны.

Но беседой Эдоард остался доволен.

Несмотря на все косяки Джерисона, графиня пока не собиралась требовать защиты своих прав. Сначала она побывает при дворе, поговорит еще раз с супругом... умная женщина. А это — большая редкость.

Нет, ну как Джес мог ее проглядеть?

Август шел к выходу из дворца, когда...

— Достопочтенный Брокленд?

Мужчина обернулся — и расплылся в улыбке.

— Лэйр Тримейн! Рад вас видеть!

Ганц Тримейн раскланялся по всем правилам, но тратить время на светскую болтовню не считал нужным.

— Как у вас дела? Как ее сиятельство?

— Более-менее. Собирается весной в столицу, передавала вам пожелания всего самого наилучшего...

— Я буду счастлив ее видеть...

— Полагаю, она вам тоже обрадуется, — не покривил душой Август. Лиля писала ему, что Тримейн человек неплохой. И общий язык они нашли, так что... И тут Августу пришла в голову одна идея. — Лэйр Ганц, не знаете ли вы какого-нибудь человека, который хотел бы поработать на ее сиятельство?

— Кем, достопочтенный Брокленд?

— А вот как вы. Как выразилась дочка — начальником личной маленькой разведки.

Ганц задумался.

— И что туда будет входить? В разведку?

— А вот это и будет. Слухи, сплетни, шпионы, конкуренты, сбор информации, ее сортировка... фактически то, чем вы занимаетесь сейчас.

Мужчина кивнул.

— Понял. Это надо обдумать.

— Будьте любезны. Как идет дело о покушении?

— Ну как... Того негодяя, который нанимал убийц, недавно повесили.

— А что будет с его сообщницей? — Август был в курсе всей интриги.

— Ссылка. Ее приплести сложно. Даже если она спала с кузеном — от всего отопрется. Слово против слова.

— И она опять будет...

— Полагаю, что не будет. Его величество уже приказал над этим подумать.

— А нашли того, кто нанимал докторуса?

— Нет, достопочтенный Август. Негодяй все ниточки рубит...

Брокленд сдвинул брови.

— Этак мою дочку и прирежут — никто ухом не поведет!

Ганц сверкнул глазами.

— Нет уж! Не говорите так! Моя бы воля...

Хотя мужчинам и так было все ясно. Алекс — дрянь мелкая. Его и поймать легко. А вот другой, который подослал докторуса...

— С Ивельенами я даже поговорить толком не могу. Питер ничего не знает, Амалия на последних месяцах беременности...

И след обрывается.

Август это тоже понимал. И понимал, что Ганц не прыгнет выше головы. Он умный, хороший профессионал, но не король. А некоторых аристократов может допросить только король.

Мужчины поговорили еще пару минут и разошлись.

Ганц отправился во дворец, но все время, пока он шел до королевской приемной, в голове у него вертелась одна мысль.

А почему бы нет?

Королевские представители на пенсию не уходят. Раньше — к Альдонаю. Этого Ганцу не хотелось. А ведь Лилиан Иртон важна для короны...

Так, может быть...

Додумать он пока боялся. Но идея уже зрела.

Торий Авермаль редко терял дар речи.

Но при виде трех кораблей из Ханганата его проняло. Да так, что минуты три он мог только открывать и закрывать рот.

Капитаны ждали, не пытаясь заговорить первыми. Но наконец Торий справился с собой. И поклонился по всем правилам. Даже если он барон, а они простолюдины — мужчины, которые вышли в море зимой, достойны уважения.

— Господа, я рад приветствовать вас в Альтвере. Позвольте представиться. Я градоправитель Альтвера, мое имя Торий Авермаль. Барон Авермаль.

Мужчины переглянулись, и вперед выступил самый важный из всех троих. Важный не по

одежде, нет. Все трое были одеты примерно одинаково — в свободные матросские штаны и рубашки. А сверху наброшена матросская же меховая куртка. Но у того, кто выступил, борода была ухожена и умащена благовонными маслами, а на пальце левой руки сверкал рубин размером чуть не с два голубиных яйца.

— Достопочтенный Торий Авермаль, мы благодарны вам за гостеприимство. — Мужчина ответно поклонился, давая понять, что не ставит себя выше собеседника. — Мое имя Рашад Омар дин Дарашшайя. Я из рода Стражей оазисов.

Торий еще раз поклонился.

В Ханганате нет аристократии, как в Ативерне. Но там есть Стражи оазисов, Стражи караванных троп и Идущие к воде. И все эти роды пользуются уважением. Даже Ханган трижды подумает, прежде чем связываться с ними.

— Господа, окажите мне честь принимать вас под кровлей своего дома! Я не могу предложить достойной вашему вниманию трапезы, но то, что есть, к вашим услугам...

На губах Рашада мелькнула улыбка.

— Достопочтенный Торий, в иное время не было бы для меня и моих друзей предложения лучше. Но сейчас по дороге надежды нас гонит великая тревога. — Мужчина говорил очень чисто, и только непривычные обороты выдавали в нем чужака. — Так случилось, что Великий Ханган поручил нам самое ценное, что есть у него, — его сына. И подобно тому, как иссыхающий в пустыне от жажды тянется за водой даже к миражу, повелел доставить юношу в Иртон.

— Иртон?! — Торий аж пошатнулся от такой новости. — Но... зачем?

— Повелитель сказал, что там может быть средство, способное излечить его сына. И мы отправились в путь.

Авермаль вздохнул:

— Тогда, господа, вам все равно придется задержаться на один день.

Ханганы ждали продолжения. И Торий не разочаровал их.

— Я веду тесную переписку с ее сиятельством.

— Графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон, — пробормотал Рашад.

— Вы абсолютно точны, — поклонился Торий. — Сейчас у меня в доме находятся двое ее людей, которые привезли мне письмо. Полагаю, проводники, да и лоцманы, чтобы подняться по Ирте, не станут для вас лишними?

Рашад смотрел внимательно. Этот человек, как и все, кто не осенен милостью Звездной Кобылицы, был слаб. Не верил даже в себя. Но и не желал зла. Наоборот, он стремился помочь, пусть в меру своих сил, но стремился же...

И Рашад поклонился еще раз, высоко оценивая добрые намерения.

— Полагаю, что, задержавшись на один день, мы выиграем десять. Да и корабли наши потрепаны, а матросы устали. Пусть отдохнут и пополнят запасы пищи и воды. В проливе у нас треснуло несколько десятков бочек...

Торий только головой покачал. Через проклятый пролив? Зимой? Безумцы!

Но ведь прошли. И стоят и улыбаются, словно и не сделали невозможное.

— Я буду молиться за успех вашей миссии. А теперь — прошу.

Торий предлагал гостеприимство не без задней мысли. Голуби — птицы быстрые. Уж всяко быстрее, чем корабли.

И надо еще раз сделать внушение сыночку. А то еще вылезет... хотя в последнее время Дарий немного поумнел. Раздражителя — то есть графини Иртон и эввиров — перед

глазами не было, а деньги капали. В том числе и на его прихоти. Так что...

Можно ненавидеть.

Но пользоваться — выгоднее.

Лиля радовалась сложившейся обстановке. Сейчас ей было спокойно и уютно.

Она работала в лаборатории, писала книги по медицине, занималась с Мирандой, обучала Тахира и Джейми...

Все было прекрасно, пока не прилетел голубь от барона Авермаля.

— Тахир! Ставлю вас в известность, что ваши соотечественники будут здесь, и скоро. Они поднимаются вверх по течению на трех кораблях.

— Ваше сиятельство?

— И на одном из кораблей плывет ваш принц. Судя по записке Тория — на последнем издыхании.

— Я могу...

Лиля толкнула к мужчине расшифровку. Стенографии в этом мире не было, но была почти сотня значков, обозначающих то или иное понятие. Так, корона — коронованную особу. Четырехлистник — герцога, трилистник — графа, два лепестка — барона... и многое другое в том же духе.

Голубятники, да и многие дворяне знали все эти значки. Лиля была исключением, но Лонс помог и тут. Да и Тарис в стороне не оставался.

«Ваше сиятельство.

К вам направляются три корабля ханганов. На одном из них умирающий принц.

Все, что вы просили, передам с ними.

— С голубем много не напишешь. — Лиля не скрывала беспокойства. — Тахир, чем нам грозит смерть вашего принца в Ирhone?

— Мне — смертью.

— А мне?

— Вам — ничем, ваше сиятельство. Это я предложил, это мое письмо приняли к сведению... что бы ни случилось — копыта Звездной Кобылицы растопчут только мою дорогу судьбы.

Вазочка только свистнула в воздухе — и осыпалась об стену градом осколков.

— Тахир, вы что, с ума сошли?! — Лиля не выбирала выражений. — Я должна отдать своего человека на расправу, потому что кто-то там потравил вашего принца? А если это не отравление? Если рак?

— Рак?

— Ладно... не важно! Это может быть любая болезнь! И не известно еще ничего! Но вы предлагаете мне выдать вас на расправу, если что-то пойдет не так? Я вам не Понтий Пилат!

— Кто это, ваше сиятельство?

— Да был один такой... пожертвовал человеком, спасая свою шкурку, а потом всю жизнь каялся, — проворчала Лиля, успокаиваясь. Так можно и о чем-то серьезнее проговориться. Спокойнее, девочка. — Значит, так! — Она хлопнула ладонью по столу,

добавляя веса своим словам. — Если что-то пойдет не так, я слышать не хочу про вашу ответственность. Будете прятаться в Донтере.

— Ваше сиятельство... — Глаза Тахира стали почти черными, так расширился зрачок. — Не берите на себя слишком много...

— Тахир, вы уже взвалили на меня очень многое. Чуть больше, чуть меньше... разве это важно?

Мужчина пожал плечами:

— Все дороги подвластны Звездной Кобылице. И никто не знает, которую она выберет...
Тьфу! Фаталист паршивый.

Ханганы поднялись по Ирте достаточно быстро. И Лиля встречала их во дворе замка.

Целую делегацию. С носилками типа паланкин, из которых курился благовонный дымок. Лиля пристально смотрела на ханганов. Оценивала. И приходила к выводу, что с этими лучше не играть в дипломатию. Проиграешь. Слишком уж умными они выглядели.

Поэтому она сделала шаг вперед, чуть присела в реверансе и улыбнулась. Этого достаточно.

Графиня рада гостям, она как бы делает первый шаг, но просители здесь — они.

И именно поэтому вместо нее заговорил Лонс:

— Позвольте представить вам, господа, ее сиятельство графиню Лилиан Иртон.

Лиля еще раз чуть присела.

— А также ее дочь, виконтессу Миранду Кэтрин Иртон.

Миранда повторила подвиг Лили. Девочка ужасно гордилась собой. И выглядела умилительно.

Дома и Лиля и Миранда одевались одинаково. Юбка-брюки, рубашка, жилет... сейчас рубашки были богато отделаны кружевом, а к жилету приколоты небольшие броши из янтаря. Очень просто.

Очень дорого.

Кажется, ханганы это оценили. Потому что старший сделал шаг вперед и поклонился.

— Ваше сиятельство, для нас огромная честь ступить на вашу землю. Мое имя Рашад Омар дин Дарашшайя. Я из рода Стражей оазисов.

Лиля кивнула Лонсу. И еще раз поблагодарила небо за работоторговцев.

— Нам известны традиции Ханганата, — медленно проговорил Лонс. — Ваш визит — честь для графства Иртон.

Ханганы оценили и переглядывания, и слова Лонса — и обстановка стала чуть менее напряженной.

— Ваше сиятельство, это капитаны кораблей Алим Рамар дин Шарраджи также из рода Стражей оазисов, и Назар Халим дин Харнари из рода Ищущих воду.

Лиля чуть склонила голову.

— Мы рады приветствовать всех, кого тропа привела под наш кров. Все во власти Звездной Кобылицы, — перевел Лонс.

И Лиля подумала, что Торию с нее причитается. Если бы не он — сейчас бы свалились им эти друзья на голову без предупреждения. Вот где кошмар-то!

Ханганы, кажется, поняли, что их принимают как друзей, стараясь оказать все полагающееся уважение, — и расслабились. Позы стали менее напряженными. И опять заговорил старший:

— Слава о графстве Иртон, равно как и о красоте и уме его хозяйки, достигла слуха Великого. И в неизъяснимой мудрости своей повелел нам Ханган привезти сюда отраду очей его — старшего сына от любимой жены Гизьяр, в надежде, что не прервется ни его, ни наш путь. Нам сопутствовала удача, и волны несли нас через проклятый пролив к порту Альтвер. Там мы нашли проводника и теперь припадаем с просьбой к ногам госпожи.

Лонс опять вмешался вовремя:

— Госпожа будет счастлива сделать для вас все возможное. Все дороги раскинуты под ногами Звездной Кобылицы, и не нам определять ее путь, но нам выращивать траву на ее тропах...

В переводе на нормальный язык это означало — все в воле божьей. Ну или Кобылицы. Но мы сделаем все от нас зависящее.

Мужчины склонились и открыли дорогу к носилкам.

Лиля сделала шаг, второй... поджилки тряслись — что она может?! Она — еще девчонка! Она и отравление ртутью знает-то...

В гарнизоне, где работала ее мама, был весьма любвеобильный полковник. Жена от него ушла, и мужик пустился во все тяжкие. Месяца на два.

А вот потом... Ох как же ему стало плохо...

Татьяна Викторовна голову сломала... Кладешь в стационар — вроде легче. Возвращается домой — рецидив. Наконец плюнула, внаглую заявила к мужику домой, пока он был в больнице, и принялась искать. Причину, следствие, да что угодно! Хоть и восковую куклу в подушке! Бред? Суеверия?

Да плевать на бред, пациент погибает!!!

Полковник к тому времени был в таком состоянии, что не протестовал.

Оказалось все намного проще. Мстительная дама перед уходом подняла паркетину у батареи и разбила туда штук сорок термометров. Судя по количеству ртути.

Мужика вылечили. Но кобелировать он перестал. Радикальный оказался способ.

С тех пор Лиля и помнила эти симптомы.

Но то, что открылось ей на носилках... Как бы лучше выразиться — живой скелет. Весь бледный, с запавшими глазами, тяжелым дыханием и явными признаками отравления ртутью... Господи!

— Немедленно в замок! В лазарет!

Лиля позабыла обо всем. Мальчишка ведь, если приглядеться — ему лет пятнадцать-шестнадцать. Нет уж! Никого она смерти не отдаст! До последнего драться будет!

— Джейми! Тахир! Немедленно ко мне!

Капитаны переглянулись, но Лонс успел первым.

— Позвольте мне проводить вас в замок. Клянусь, графиня не причинит мальчику никакого вреда. И вы в этом сами убедитесь, как только перекусите с дороги.

А Лиля уже распорядилась. И Тахир делал теплую хвойную ванну. А Джейми готовил адсорбенты. Как бы ни получил свою дозу бедняга — лечение одно. Выведение ртути и очищение организма. Его бы на гемодиализ, но нету ведь!

Значит, сбор для печени, почек, настаивать травы на молоке...

Она должна справиться...

Ты смог приехать сюда, мальчик. И я должна оправдать твои надежды. Только продержись еще чуть-чуть! Обещаю! Тебе будет легче!

Когда паренька раздели и положили в ванну — Лиля прикусила губу.

Мальчишку явно травили давно. Когда-то это был симпатичный парень. Высокий, темноволосый, может быть, даже мускулистый... сколько ж бедняге придется лечиться?

Сейчас в ванне лежал...

Руки сами собой в кулаки сжимались. Хочешь убить — так убей! Но травить, вот так, медленно...

Мрази!

Тахир с надеждой смотрел на графиню.

— Ваше сиятельство...

— Если он выдержал путь до Иртона — значит, травили его небольшими дозами. Вопрос — как. Потому что, если мы начнем лечить, а его продолжают травить, улучшения не будет. Тахир, я думала, вы лучше знаете яды.

Мужчина развел руками.

— Ваше сиятельство, в том-то и дело, что я начал лечить паренька не сразу. Лечили и до меня. И наверняка в свите принца есть докторус.

— Джейми?

Парень понимал все с полуслова. Он вышел в коридор и вернулся через пару минут.

— Обещались найти. Их даже трое.

— Удивительно, что мальчишка до сих пор жив.

Понадобилось много времени, чтобы искупать больного — несмотря на крайнюю худобу, юноша был ширококостным и потому тяжелым.

На нем не оставили ни одной привезенной ниточки, ничего... Лилия не знала, откуда у него такое сильное отравление, но не собиралась давать неизвестным злоумышленникам ни единого шанса.

Потом его осторожно поили с ложечки молоком со взбитыми белками, потом пропихивали сквозь непослушные губы активированный уголь, потом опять поили — главное тут было дать пациенту по максимуму жидкости... Боги! Полцарства за капельницу! И физрастворы!

Но даже активированный уголь приходилось получать с громадным трудом.

Слава богам, здесь были березы. И две штуки Лилия извела полностью, пытаясь вспомнить *как!* Получить простой березовый уголь несложно. Но ты его активируй! Надо же обработать водяным паром! Да не просто так...

На помощь опять пришли кузнец со стеклодувом, и в итоге появилась конструкция в виде змеевика с двумя колбами. В одну, маленькую, Лилия напихала березового угля. Во вторую была налита самая обыкновенная вода. И процесс нагрева пошел.

Водяной пар тоже подойдет для активации. Только придется повторять процесс несколько раз.

В итоге из двух берез Лиля получила дай бог пять килограммов активированного угля. Но, глядя на паренька на кровати, думала, что надо опять начинать процесс. Ох, есть подозрение, что и пяти берез мало будет.

Там ведь не только ртуть. Там наверняка еще и лекарства... да и кишечник работает не лучшим образом...

Сколько там ртуть выводится? Период полувыведения — дней сорок?

М-да. Придется мальчика оставить здесь до весны. А то и подольше.

В итоге она вышла только к ужину. Бледная, усталая и с кругами под глазами. Раскланялась со всеми и заняла свое законное место во главе стола. Под бочок тут же подкатилась Миранда.

— Мам, как пациент?

— Плохо, — честно ответила Лиля. — Если хотя бы дней двадцать продержится — шансы есть. Если нет... я так понимаю, что на корабле его было травить на порядок сложнее. Иначе бы и сюда не доехал...

Ханганы переглядывались.

Лонс посмотрел на графиню:

— Ваше сиятельство, я распорядился разместить ваших гостей в левом крыле...

Лиля кивнула.

Ну да. И вирман, и эввиров, да и всех, кто приезжал, селили пока в правом крыле, благо места хватало. Но ханганы — отдельная статья. Али много ей рассказывал — и Лиля постаралась предоставить гостям максимум уединения. Пусть устраивают свой быт, как им больше нравится.

— А команды кораблей?

— Я распорядился собрать старост — раскидаем по деревням, по паре десятков человек на деревню. И оставим часть для дежурства на кораблях.

— Прокормим?

Вопрос был уже к Ингрид, которая энергично кивнула:

— До весны дотянуть должны. Хотя в Альтвер я бы еще сходила...

— Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство, — заговорил один из ханганов. — Мы привезли с собой много провизии. И не станем камнем на вашей шее...

Лиля взмахнула рукой. Теперь, когда ее признали и к ней обратились как к равной, можно отвечать.

— Не извольте беспокоиться. Если тропа, проложенная Звездной Кобылицей, привела вас под мой кров, я сделаю все, дабы вы не испытывали нужды и бедствий.

— Ваше сиятельство, пребывать под вашим кровом — честь для нас. Но хотелось бы узнать подробнее о состоянии юного Амира Гулима.

Вот, значит, как зовут принца. До этого Лиля и не задумывалась. Больной и больной.

— Он пока жив. Состояние очень тяжелое. Внешние симптомы — полбеда. Неизвестно, насколько поражены его внутренние органы. Будем наблюдать. Ну и лечить тоже.

Лиля просто не знала, как объяснить про поражение печени, почек, кишечника... сейчас начнешь перечислять — так и в ведьмы угодишь. Хорошо хоть тут инквизиции нет.

Мужчины выслушали со вниманием и осведомились о посещениях.

Лиля разрешила. Но честно предупредила:

— Яд не мог попасть в кровь сам по себе. Поэтому при больном будет неотлучно находиться сиделка. Если вы желаете мальчику блага — учтите. Первая же попытка отослать ее будет приравнена к признанию вины.

Ханганы засверкали глазами. Но куда там. Лиля уперлась так, что быками не сдвинешь.

— Это — больной. Я сейчас отвечаю за его жизнь и здоровье. И любой, кто пойдет против моих приказаний, станет моим личным врагом.

Напряжение за столом сгладил Тахир Джааман, который постучал вилкой по кубку.

— Лилиан-джан, прошу вас... наши гости не привыкли еще к такой манере общения.

Ханганы настолько изумились, что даже возмущаться перестали. Чтобы Тахир дин Дашшар, один из самых знаменитых врачей и ученых Ханганата, так обращался к женщине? Невероятно!

Еще более невероятной выглядела реакция Лилиан. Женщина улыбнулась.

— Господа, прошу простить меня за несдержанность. Извинением мне может служить только одно. Я ненавижу, когда от руки злодея, действующего подло, исподтишка, уходят те, кому бы жить и жить... Тахир, друг мой, прошу вас. Вы же хотели собрать анамнез...

И Тахир пустился в расспросы. Что ел больной? Завтраки, обеды, ужины на корабле... меню в подробностях... Что пил? В каких дозах?

Как ходил в туалет? Во что был одет? Какие есть любимые игрушки? Животные?

Кто ему прислуживал? Чем были отделаны стены в покоях принца?

А также симптомы, состояние, реакции, чем лечили и кто лечил...

Ханганских докторусов за стол не пригласили. Лиля хотела, но Тахир отговорил. Не по чину. Лучше уж потом расспросить. По-тихому.

Пока все было неутешительно. Лиля никак не могла выцепить: откуда в организм больного попала ртуть.

Мальчик предпочитал самую простую пищу, старался быть умерен в еде, был страстным охотником, не интересовался минералами, не пользовался косметикой... Да, Лиля и про это спросила, вспомнив свинцовые белила.

Все было впустую.

Но яд-то был?!

Лиля подозревала, что ядовитые камушки спрятали где-нибудь в покоях принца. Но... Тогда бы ему стало легче после переезда. Или он что-то привез с собой?

Ничего не ясно.

Ладно. Будем лечить.

Что у нас от отравления ртутью? Таурин?

М-да. Бычья желчь — вопрос сложный. Не так уж и много у нее быков. А вот морепродукты...

Лейс Антрел проверил караулы на стене и решил подождать со спуском во двор.

Приятно было стоять здесь, ловить разгоряченным лицом ночной ветерок, смотреть на полосу леса... Это ненадолго. Скоро он спустится вниз — и будет командовать. Но пара

минут отдыха — его.

М-да... Думал ли он еще летом...

Лейс Антрел служил еще Джайсу Иртону. Звезд с неба он не хватал, но свои обязанности выполнял добросовестно. Джайс это тоже ценил, ничего сверхсерьезного не поручал, но дела были. И деньги тоже.

Хуже стало после его смерти.

Джерисон Иртон был... Он был не глупее своего отца, нет. Разница была в другом. Джайс видел людей насквозь. И знал, где их достоинства и недостатки принесут пользу. Он не пренебрегал ничем и никем. Если бы ему понадобилось — он бы и с Мальдонаей договорился.

Джерисон же... Он не был глуп. Вовсе нет. Но вот это полупрезрительное-полубрезгливое отношение к людям... оно Лейса корбило.

В чем-то все правильно, Лейс и отдаленно себя с Джерисоном не сравнивал. Кто он такой? Не шевалье, не дворянин, просто воин. Хотя и потомственный. А Джерисон? Племянник короля, красавец, богач, женщины на шею вешаются, деньги рекой текут...

Только вот Джайс Иртон был не хуже. И деньги, и все остальное, но он никогда и никем не брезговал. А у Джерисона это было на первом месте. Ладно, я снизойду до тебя... фи... в чем только копать не приходится.

Нет, вслух ничего не говорилось. Но мимика, движения, интонация — часто это говорит о человеке больше, чем он сам того желает.

Поэтому Лейс потихонечку устранялся от дел, благо скопил более чем достаточно, и намеревался уйти на покой. Не юноша уже, за сорок перевалило...

Все изменилось в Иртоне.

Лейс помнил свои ожидания — развалины, истеричная хозяйка, тоска и скука...

И как же это отличалось от реальности?

Развалины ремонтировались. Тоска и скука удрали еще до начала ремонта. А хозяйка замка...

В детстве Лейс любил сказки. И иногда ему казалось, что именно такой должна быть сказочная принцесса. Доброй, умной, веселой, все понимающей и никогда не опускающей руки. В его жизни вот такой девушки не нашлось.

А Джерисону Иртону и тут повезло. Непонятно только, почему он так отзывался о жене? Не на людях, конечно. Но если бы вы знали, сколько слышат слуги... И как они любят сплетничать о своих хозяевах...

Лейс еще поразбирался бы в своих ощущениях, но не успел. Покушение произошло в первую же ночь. И мужчина ощутил себя...

Дураком? Виноватым?

Да, наверное, и то и другое... Он почти двадцать лет служил Иртонам — и тут вдруг такое. Сам привез убийцу к графине! От такого позора только на меч бросаться!

Лейс и об этом подумывал. Но Лилиан Иртон не винила его. Уж это-то он видел. Пыталась обвинять, но не винила.

Зато предложила способ искупления. И Лейс решил не противиться судьбе.

Графиня Иртон в отсутствие супруга имеет право распоряжаться его людьми. Если граф не отдавал противоположного распоряжения.

А он отдавал? Нет. Вот и чудненько.

Разговоры о графине к делу не пришьешь. Мало ли кто. Мало ли о чем сплетничают.

А в реальности — милая умная женщина. Звание капитана замка пожаловала, делами нагрозила, деньгами жалует, за стол зовет, как равного... Вот! Вот оно — главное звено цепочки.

Лириан Иртон относилась равно доброжелательно и к нему и к эввирам, и к вирманам. Она никого не выделяла, но все живущие в замке ощущали ее заботу и участие. И Лейс не стал исключением.

Ему было хорошо в Иртоне...

Хотя, а при чем тут Иртон? Без графини это просто куча камней в захолустье. Лириан Иртон вдохнула в него жизнь. И в замок, и в Лейса. И мужчина собирался делать то, что умел лучше всего.

Служить.

Служить человеку, который оценит его по достоинству. Как графиня. Не будет унижать, показывая свою снисходительность. Не будет цедить приказы свысока, а то и вовсе передавать их через управляющего. Нет... Этого Лейс накушался с избытком.

Он не был слепым. И понимал, что между графом и графиней наверняка будет столкновение. Примет ли граф свою жену такой?

Неизвестно.

А вот какую сторону примет сам Лейс?

Иногда мужчине казалось, что он уже знает.

Ладно... чего он тут замечтался? Надо и остальные караулы проверить...

И намекнуть ребятам насчет ханганов. Пусть тщательнее приглядывают. Кто их знает, чужаков...

Боль.

Она в очередной раз пронизывает все тело. И привычно растворяется в области живота. Уже привычно... Он успел притерпеться к ней, как к старой знакомой. И иногда даже радуется ее приходу.

Он жив.

Если ему больно — он еще жив!

А умирать не надо. Нет, ему еще рано умирать.

Почему? Он уже не помнил.

Все растворялось в боли и слабости, тонули в красноватом тумане мысли, стучали в висках железные молоты... забытье прерывалось судорогами рвоты — и опять пустота.

Юноша не знал, что часть пути его старались держать на снотворных и обезболивающих, опасаясь, что иначе он не перенесет дороги. Это было дело врачей.

А он выпивал очередной горький настой и погружался в видения. Там он был здоров.

Во имя Звездной Кобылицы, как же мало мы ценим ее самый великий дар — наше здоровье?! Почему мы понимаем это, только утратив его?

Амир понял слишком поздно.

Болезнь подкралась незаметно. словно бы исподволь, змеей вползла во сне в его горло.

Он боролся с ней, сколько мог. Смирал приступы слабости и тошноты. Превозмогал

себя... Пока однажды его не вывернуло наизнанку на глазах у отца.

Сначала отец не беспокоился. Но когда состояние наследника начало ухудшаться...

За эти полгода кто только не перебивал у его постели. Докторы, травники, знахари...

Травяные отвары, прочистительные клистиры, кровопускания...

Лучше не становилось. Становилось только хуже.

Его окуривали благовонными дымами, о нем молились в храмах... но все было напрасно.

Единственный, кого он запомнил из всей плеяды докторов, был Тахир Джаман дин Дашшар. Который пришел и честно сказал: «Принц, я не знаю, чем вас можно вылечить».

Амир тогда был в одном из немногих просветлений, поэтому хорошо помнил печальные глаза лекаря.

— Я прожил много лет, но есть что-то, чего и я не знаю...

— Я умру?

— Не знаю, господин.

— Тогда тебе надо уходить.

Тахир пожал плечами:

— Я думал об этом. Но я стар и много прожил...

— Мой отец возьмет твою жизнь. А я не хочу. — Приступ боли согнул юношу, но он был только рад этому. Боль проясняла разум. — Ты единственный, у кого хватило смелости сказать мне правду.

Тахир смотрел тоскливо и безнадежно. Он дрался бы до конца — но как? И с чем?

— Если бы я мог — я бы отдал свою жизнь вместо вашей.

— Ты не можешь. А я... Сейчас ты напишешь приказ. Я приложу печать. И тебя выпустят из города. Уплывай из Ханганата. Так надо... пусть хотя бы один из нас останется жив...

И второе просветление, за которое он цеплялся что есть силы.

Ему стало немного легче. Его поили молоком, купали в воде со странным запахом, а потом пришел отец. Сел рядом на кровать, погладил по волосам.

Рабы выскользнули за дверь, оставляя повелителя наедине с сыном.

— Амир, ты умираешь.

— Я знаю, отец.

— Мне написал Тахир Джаман дин Дашшар.

— Да, отец.

— Я знаю, ты отпустил его. Почему?

— Он тоже знал, что я умираю. И... не лгал мне.

— Вот, значит, как... Я не противился тогда. И не стал ловить его. И преследовать тех, кто ему помог. Как оказалось — не зря.

Вспыхнувшая надежда отозвалась острой болью. Но к боли юноша давно притерпелся.

— Отец?

— Он пишет, что тебе дают яд. Он не знает как, но знает человека, который распознал отраву с его слов и может тебя вылечить.

— Так пусть...

— Это — женщина. Ативернская графиня Иртон. Я расспросил людей. И она действительно творит чудеса. Но сюда я ее вызвать не могу. Пока я спишусь с Эдоардом, пока он напишет ей, пока она приедет...

Юноша кивнул. Полгода. Минимум. Он столько не протянет. Докторусы давали ему месяца три. Максимум.

— Я придумал иначе. Ты отправишься в Иртон.

— Н-но...

— Если это яд, отравителю сложнее будет давать его на корабле. Я знаю, что сейчас зима, что пролив опасен... Я знаю. Но выбора у нас нет.

— Здесь я умру. Там же...

— Это — шанс. Крохотный, но шанс. И заодно я напишу Эдоарду. Тебе с собой я дам золото, дам людей, дам почтовых птиц... и буду ждать вестей, сын.

— Я сделаю все, чтобы выжить, отец.

Амир смотрел твердо и серьезно. И Ханган вздохнул.

— Верно говорят мудрецы, что только от любимой и любящей женщины рождаются настоящие дети. Гизьяр готова была войти в огонь ради меня. А я любил ее без меры и памяти. И тебя люблю. Ты мой первенец. Остальные мои сыновья... Селим глуп и слаб. Шаран шалееет от женщин — Ханганатом будет править не он, а его гарем. Мехмед скорее ученый, чем правитель. Рашад — воин. Ему нельзя доверять страну. Джиан и Зуртан слишком малы. И неизвестно, что из них получится. Ты — единственный, кому я бы доверил страну.

— Кому-то это не понравилось.

— После твоего отъезда я объявлю, что наследником станет Рашад. И посмотрю, что получится.

— Не...

— Остальные еще хуже.

— А если...

— Я знаю. Я подставляю под удар еще одного сына. Будь оно все проклято...

Амир впервые видел на лице отца слезы.

— Вернись живым, сынок. Только вернись.

— Я постараюсь, отец...

Обрывки мыслей, слов, чувств... неужели когда-то он просто жил?

И — боль.

В какой-то момент стало легче. А потом... Грохотнуло так, что Амир попытался открыть глаза. Солнечный свет резко ударил по ним, и юноша зажмурился, чувствуя, как из-под ресниц покатались слезы.

— Какого... вы... и... тут делаете?!

Голос был звонким, женским и отчетливо властным. Да и текст... Амир настолько удивился, что вторая попытка открыть глаза оказалась удачной.

Он был уже не на корабле. Лежал в просторной комнате, из окон лился солнечный свет, вокруг все было белым и удивительно чистым, пахло чем-то резким, и посреди комнаты стояла *она*.

Таких женщин Амир еще не видел.

Он успел познать женщину, но ни на рынках, ни в гареме ему не встречалось что-то подобное... если бы Амир видел вирманских женщин — он бы так не удивился. Но вирманки редко приплывали в Ханганат по своей воле. А рабыни, они в первую очередь рабыни и только во вторую — люди.

Эта же... Высокая, с толстой золотой косой, в чем-то зеленовато-белом, она стояла посреди комнаты и отчитывала его докторусов, не выбирая выражений.

— Вы что, с ума сошли?! Какие курильницы в больнице? В... нос себе их засуньте для большей устойчивости! И зачем вы приволокли сюда эту грязную шкуру?!

— Это шкура нерожденного жеребенка, освященная в храме...

— А стирать вы ее не пытались? Вон отсюда с этой пакостью! И если я еще раз ее увижу рядом с пациентом — вы у меня сами родите! Тахир, какого лешего меня не позвали сразу же?!

Лиля была, мягко говоря, не в настроении. Она до поздней ночи сидела рядом с бессознательным пациентом, из ложечки поила его взбитым белком, пыталась скормить активированный уголь... потом еще инструктировала сиделок — с легкой руки Ингрид всех вирманских женщин Лиля готовила как медсестер.

Уснула она ближе к рассвету.

А через пару часов ее разбудил Джейми, который начал так целенаправленно ломиться в дверь, что даже вирмане не остановили.

— Что случилось?

— Госпожа, там ханганские докторусы... Вы же велели, чтобы никто не подходил к больному, кроме вас.

— Где Тахир?

— Пока там, держит оборону. — Последние слова Джейми договаривал уже в закрытую дверь.

Лиля швырнула одеяло прямо на пол и заметалась по комнате. Натянуть рубашку, прыгнуть в юбку-брюки, накинуть жилет — и вперед. Косу на ходу переплетем.

В палату она влетела ураганом и вовремя.

У кровати пациента последним заслоном стояла одна из вирманок, уперев руки в бока с таким выражением, словно сейчас топор возьмет...

Тахир героически держал оборону от трех осанистых старцев с бородами, один из которых потрясал тяжелой бронзовой курильницей так, словно намеревался въехать оппоненту по голове, второй размахивал куском грязной тряпки непонятного назначения, а третий был обвешан пучками трав и перьями птиц.

С трав сыпался мусор, с тряпки сыпался мусор, курильница дымила так нещадно, что Лиля едва не расчихалась.

И озверела.

Бог не обидел графиню ни ростом, ни массой. А за последние несколько месяцев масса стала уже не творожной, а скорее мышечной.

Так что первым делом Лиля выхватила курильницу. И от души грохнула об пол, разметав

содержимое по полу.

Уберут!

Мужчины обернулись на нее с искренним возмущением, но прежде, чем кто-то успел рот открыть, Лилиан Иртон перешла в атаку.

— Ваше сиятельство, я сразу же...

— Значит, так. — Голос Лили не предвещал ничего хорошего. — Вы, господа, сейчас вымоетесь, выстираете свои шмотки, и чтобы я ни одного из вас не видела грязным рядом с больным. Это первое. Второе. Прежде чем явиться сюда, будете получать разрешение либо от меня, либо от Тахира. Любого, кто придет сюда в наше отсутствие, я прикажу схватить как отравителя. И третье. Подробно напишете мне, чем и как лечили мальчика. И предоставьте образцы лекарств. А сейчас — вон!

Сказано было увесисто. А может, убедительности словам придали двое вирман, которые примчались в лазарет вслед за графиней и сейчас ненавязчиво поигрывали топорами.

Старцы попятились к двери, даже и не думая убрать за собой.

Лиля проследила гневным взглядом ошметки грязи, падающие с их обуви. Ей-ей, она бы сейчас приказала вирманам вытереть этими придурками пол. Но с кровати раздался то ли вздох, то ли стон — и графиня забыла обо всем, кроме пациента.

Метнулась к кровати, опустилась рядом на колени.

Мальчик открыл глаза и смотрел вполне осмысленно.

— Кто вы...

— Я — графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон. Вы в моем доме.

— Мое имя Амир Гулим. Я старший сын Великого Хангана от его любимой жены Гизьяр.

— А еще у вас сильное отравление. Ну не настолько сильное, как я опасалась. Но все равно приятного мало. И лечиться придется долго и упорно.

В глазах мальчика (ну не могла Лиля воспринимать его как взрослого человека, ребенок ведь! Больной ребенок!) что-то блеснуло.

— Я полагал, что моя болезнь неизлечима.

— Не стану лгать, я ждала худшего. Но постараюсь не дать вам умереть. Хотя опасность очень велика.

— Если вы поможете мне, мой отец...

Лиля прикрыла рот мальчика ладонью:

— Помолчи. Сначала выздоровей. А сейчас я буду тебе осматривать. А ты будешь говорить мне, где болит. Понял?

Амир кивнул. Неуверенно... еще бы, откуда ему знать про пальпацию, перкуссию, аускультацию — до этих методов здесь еще лет пятьсот расти...

Лиля откинула одеяло — и принялась прощупывать пациента.

— Здесь — больно?.. А здесь?.. А вот так?..

Парнишка краснел и бледнел, но отвечал честно. Задергался он, только когда Лиля стащила одеяло до конца и принялась пощупывать живот.

— Да лежи ты смирно, тоже мне скульптура нашлась, было бы чем любоваться... можно подумать, я голых детей не видела, — проворчала Лиля.

И от души чихнула.

Курильница все равно продолжала дымить.

— Окно откройте, — попросила Лиля. И проветрить надо будет.

Воняло, надо сказать, немилосердно. И запах какой-то противный... овечий навоз, что ли, туда запихивают? Даже интересно стало.

Лиля закончила осмотр, укрыла пациента одеялом и кивнула сиделке.

— Молоко, белки, активированный уголь. Если не будет рвоты — завтра-послезавтра попробуем дать что-нибудь еще. Пока не стоит, желудок явно отвык от нормальной пищи... тюрю, что ли, какую сварганить...

Сиделка принялась поить пациента с ложечки разбавленным молоком с белками. Потом скормила адсорбент и продолжила процесс.

Лиля подошла к курильнице, которую Тахир аккуратно составил в угол у окна, принялась...

— Нич-чего не понимаю.

Эх, хорошо было Колобкову с Булочкиным. Полосатого слона в Иртоне она бы нашла. А как найти, чем травят мальчишку?

Хм...

На стенках курильницы была засохшая корка. Явно что бы тут ни горело, оно осело на стенках. Травы? Ага, тогда бы трубки не курили. Если бы такой осадок был. А что тогда?

Лиля подумала, подозвала Тахира, но и от него внятного ответа не дождалась. Мало ли что... благовония часто жгут. Окуривают дымом священных трав.

Какие травы дают такой налет? Священные. Однозначно. А уж какие... Священники как-то не делаются тайнами.

Лиля вздохнула. Стянула со стула полотенце и осторожно завернула в него курильницу. Подумала, вторым куском ткани сгрела с пола весь высыпавшийся мусор.

— Я — в лабораторию.

— Зачем, ваше сиятельство?

— Да есть одна идея...

Стоило Лиле выйти из «палаты», как ее атаковал Лонс Авельс.

— Ваше сиятельство...

— Да?

— Я тут письмо написал... Вы не посмотрите?

Лиля кивнула.

— Лонс, ты просто чудо.

— Ваше сиятельство, я стараюсь...

Лиля протянула руку за бумагой. Лонс оценил ее первым и с удовольствием пользовался.

«Ваше величество.

Довожу до вашего сведения, что в Иртон приехал старший сын и наследник Великого Хангана — Амир Гулим. Лечиться у Тахира Джиамана дин Дашшара.

Юноша серьезно болен. Но я буду молиться, чтобы болезнь оставила его.

Остаюсь искренне расположенная к вам,

Второе письмо было еще конкретнее.

«Дорогой отец.

В Иртон приехал наследник Хангана — и надеется, что здесь его здоровье поправится. Мы сделаем все возможное, но в результате я не уверена. Так что пересмотри свои дела в Ханганате с учетом обстоятельств.

Лонс, ты чудо! И ведь знаешь, кто тут кого лечит. Но соблюдаешь хорошую мину при плохой игре. Его величеству вовсе не надо знать лишнего. А отец... Все — при встрече.

Джерисону Иртону отписать Лиля и не подумала. Ну супруг. Но если он против — пусть лично сообщит об этом Хангану. А у нее и так дел невпроворот...

— Птицами пошлем?

— Да, ваше сиятельство.

Лиля тряхнула волосами.

— Ладно. Перепиши и отправь, хорошо?

Лонс поклонился. Лиля улыбнулась своему секретарю. Все-таки ей повезло. Но вот как его везти с собой?

Хотя в последнее время она кое-что придумала. Извернемся. Мама родная не узнает!

В лаборатории было спокойно и тихо.

Лиля осмотрела ряды склянок. Вздохнула.

Сколько трудов!

Хлориды выделила из морской соли. Кислоты и щелочи закупила еще в Альтвере. У кожевников, кузнецов, оружейника... Да, назывались они вовсе не так. Но щелок — он и есть щелок. А уж получить более-менее чистый гидроксид — дело времени и терпения. Да и кислоты... как бы азотная кислота ни называлась — а вещь полезная.

А вот сейчас...

Качественные реакции на ртуть. Что мы можем припомнить?

Если ртуть двухвалентна, а в природе чаще так и есть, — она дает желтый осадок со щелочами. И что приятно — получить ее можно тоже. Сколько захочешь.

Получить, почистить...

А можно еще йодид калия. Тогда осадок будет красный.

Попробуем?

Или связаться с солями меди и йода? Нет, там долго возиться с бумагой, пропитывать несколько раз, сушить... это в лаборатории хорошо. Здесь — неудобно.

Хотя... медяки здесь есть. И из настоящей меди. Бросим в раствор монетку. А уж ртуть узнать несложно. Да и...

Лиля сильно подозревала, что пациенту крупно повезло.

Кто его травил дома, она не знала. Но во время путешествия он ртуть явно получал в небольших дозах и не слишком часто. И молодой организм начал избавляться от яда.

Но как? Как ему давали яд?

Идея была. Судя по осадку — это явно не трава, а нечто минерального происхождения. Вот и посмотрим.

Лиля перебрала все, что высыпалось из курильницы. Не все же там сгорело? Вот это, это, это... главное, концентрацию побольше, глядишь, что и получится... Разделила мусор на примерно одинаковые фракции, разболтала в колбах и принялась доливать щелочь.

И глазам своим не поверила, когда в колбе промелькнуло желтоватое среди серого. Муть такая...

Муть?

Ртуть!

Черт, так и стихами заговоришь...

Да и на монетке поблескивал подозрительный налет...

Тахир наблюдал за ней с удивлением. А Лиля резко поставила колбу на стол, едва не расколотив, и развернулась к нему.

— Не знаю, как это начиналось, но часть яда есть в курильнице.

— Курильница... это Сулан Маввар дин Шарайя.

— Где он?!

Если бы не Тахир, Лиля точно спровоцировала бы международный скандал. Уж очень ей хотелось оторвать голову идиоту (убийце), который вздумал травить парнишку парами ртути.

Сдержалась.

И вместо этого в лабораторию был призван Рашад Омар дин Дарашшайя. Который выслушал ученых, задумался и дал добро на обыск каюты.

Теперь Лиля знала, что искать. И курильницы со стен были сняты в первую очередь. Проверены ковры, постель... Нет, ничего подозрительного не было. Да и зачем?

Если добавлять соли ртути в курильницу — этого хватит. Для поддержания количества яда в организме. Вот вопрос — зачем?

По дури или специально травили? Лиля склонялась к первому. А то ведь за специально могли и того-с... Тахир недаром сбежал из Ханганата.

Проверка курильниц дала ту же самую легкую желтоватую муть. И Лиля приняла как факт — соли ртути там были. Как только паренек выдержал?

И Рашад приказал позвать к себе Сулана. Того самого докторуса с курильницей. А Лиля занялась обыском. И очень быстро обнаружила вещество, при виде которого радостно завизжала.

В шкатулке, богато украшенной полудрагоценными камнями, лежала киноварь. Уж ее-то Лиля знала. Показывали когда-то. Да и кто еще даст такой насыщенный цвет, если не сульфид ртути?

Для проверки опять взяли щелочь — и желтизна была несомненной. Оставалось только хватать и тащить. Но всю радость Лиле испортил Тахир.

— А ведь он мог и не со зла...

— А как?

— У нас есть предание, как однажды Звездная Кобылица решила спуститься на землю. Нашелся нехороший человек, который ранил ее. И вот капли ее крови...

Лиля кивнула:

— Ага. Ясенько. И где вы их используете?

- В храмах жрецы раскрашивают себе лица.
- А в пищу?
- Это святотатство.
- А в курильницу?
- Если только из лучших побуждений. Чтобы Кобылица смилостивилась.

Тьфу!

«Следственный комитет» заседал уже два часа. Лиля, Тахир, Джейми, Рашад и два его капитана, имен которых Лиля пока не выучила.

Лонс и Тарис для полноты картины, пастор для благолепия, Мири у мачехи на коленях, две собаки в углу. Двое вирман у дверей. Звали еще и Хельке, но ювелир отговорился занятостью. Почему-то он не любил ханганов.

И вся компания пыталась прояснить вопрос: как?! Но пока решения не было.

Киноварь — это однозначно. Но курильница — это поддерживающие дозы. А исходники? Кто травить-то начинал?

Рашад тоже всерьез задумался. Сулан вообще не состоял при дворце. Или как это правильно — в дворцовом штате? Это место ранее занимал Тахир. Но мужчина клялся и божился, что никогда не давал никому киноварь. Еще не хватало! Нет, он пробовал ею лечить кожные болезни, добавляя в мази, но получалось через два раза на третий, и он забросил эту идею. А уж чтобы в пищу подмешивать или как-то еще?

Нет уж. Видел он жрецов при храмах. Из старых. И решил, что не так уж это вещество безобидно.

Изучить свойства? Ну... может, и стоило бы. Но его интересовала медицина. Травы. И вообще, нельзя объять необъятное.

Тут Лиля полностью была с ним согласна. Либо — либо.

Или ты практик, или исследователь. По нынешним временам — именно так. А ставить опыты на больных... простите, совесть замучает. Или не лечи, или не издевайся.

Как ни странно, первым додумался Джейми.

— Ваше сиятельство, — тихо окликнул он Лилиан, — а эту кровь можно так легко достать? Я ее ни разу не видел...

Лиля затеребила косу. А ведь и правда.

— Тахир-джан?

— Лилиан-джан, это священное вещество. Купить его? Нельзя. А продавать — только в храмы. Иначе — святотатство.

Рашад задумался.

— Это надо писать. И повелитель...

— А так подумать? У меня вот пастор...

Пастор Воплер мягко улыбнулся:

— Ваше сиятельство, это вы меня так жалуете. И то недавно. А в других приходах и того хуже бывает...

Лиля почесала нос.

— То есть во дворце Хангана нет храма?

Мужчины дружно покачали головами.

— А как же богу молиться? — не поняла Лиля. — Жены, наложницы, служанки...

— А они ходят в городской храм. Один раз в десять дней, — ответил Тахир.

— Для симпатии и любви — мало, — задумалась Лиля. — А вот если... знать бы точнее...

— А есть варианты, ваше сиятельство?

Ответил Лонс:

— Самое простое — если у тебя брат служит в храме. Или кузен, дядя, племянник... короче, родственник. Тогда женщина могла знать и о свойствах ки... ва...

— Киновари, — подсказала Лиля.

— Вот. Полагаю, жрецы знают, что эта вещь приносит вред.

— Так это же кровь из раны Кобылицы, — пожал плечами Тахир. — Было бы удивительно, приносит она пользу. От такого только зла и ждать!

— А жрецы...

— Это чтобы мы не забывали о несовершенстве мира и не гневил Кобылицу. Лилианджан, я вам потом расскажу о тонкостях нашей веры, ладно?

Лиля согласилась.

Итак, в текущих данных задача решения не имела. Тахир как-то не интересовался родственными связями жен Хангана, Рашад тоже... оставался только один выход. Спросить у самого наследника.

Амир был в сознании. Сиделка рассказывала ему какую-то балладу и кормила с ложечки взбитым белком, а он слушал, стараясь не морщиться от боли. И явление всей компании воспринял с удивлением.

Слово дали Рашаду, как самому внушительному.

— Господин, мы выяснили, как вам давали яд. И знаем, что это. Но не знаем — кто.

— Вот как?

Рашад вкратце рассказал о курильнице, о сделанных выводах...

Амир задумался. Потом покачал головой:

— Не знаю. Это надо писать письмо... я не слишком интересовался отцовским гаремом...

— Ну еще бы, — мрачно фыркнула Лиля. — Какому настоящему мужчине могут быть интересны бабские дразги и сплетни? Доходить начинает, когда едва в могилу не сведут. А до некоторых и не доходит.

Мальчишка густо покраснел.

— Ваше сиятельство! — возмутился Рашад.

Лиля отмахнулась.

— Ладно. Пишите письмо, господин дин Дарашшайя. И пусть ваш повелитель разбирается со своими кобылицами лично. А теперь оставляем палату. Больному вредно такое количество народу.

Джерисон Иртон, между прочим, потомственный граф, галантный кавалер и дамский угодник, стоял посреди комнаты и матерился, как кузнец, который на ногу себе наковальню уронил.

Наверное, он бы продолжал это делать еще долго, но в комнату вошел Рик.

— Ты чего?

Вместо ответа ему в руки полетел свиток.

Рик поймал. Пригляделся. Печать Ханганата. Интересно.

— Твои торговые...

— НЕТ!

Рявканье было такой силы, что Рик немедля развернул свиток. Пробежал глазами раз. Другой. Третий. И тоже выругался.

Свиток был лично от Хангана. Лично. А по традициям Ханганата Великий там царь и бог. И ясно солнышко. И писать какому-нибудь графу?

Это примерно как Эдоард решил бы пообщаться с чистильщиком каминов.

Письмо было коротким. Но и такое...

«Ваше сиятельство.

Сим письмом извещаю вас, что мой старший сын и наследник отправлен на лечение в графство Иртон.

Будьте любезны, отпишите своим людям, дабы те не паниковали, а встретили мальчика и оказали ему всю необходимую помощь.

Вашему правителю я напишу отдельно.

Если мой сын умрет, я не стану винить вас. Если же выздоровеет — моя благодарность будет безмерна».

Подпись.

Печать Хангана.

— Что за бред? У тебя в Иртоне святой чудотворец завелся?

— Ни... и... чудотворцев! — рявкнул Джес. — Я вообще ничего не понимаю!

— Да уж. Если там твою жену едва не угробили...

— Жену... — Джес на миг задумался, а потом бросился к шкатулке с письмами. — Вот! Жену!

«...Это подтверждает знаменитый лекарь, волей судьбы посетивший ваш замок. Полагаю, вы слышали про Тахира Джиамана дин Дашшара?..»

— Это что?

— Это докторус в Иртоне.

Рик пожал плечами:

— Значит, принца просто привезли ему на исцеление. А твоя забота — отписать в Иртон, чтобы там все было спокойно.

— Отпишу, куда я денусь.

— Заодно жене напиши, что ли?

Джес взъерошил волосы.

— Знаешь, Рик, я уже ничего не понимаю. Вообще ничего. Тихое место, захолустье... ну откуда там все это?! И кому нужна эта дура?

— Как видишь — не такая дура.

Джес закатил глаза. Да видит он все. Но поверить?

Проще поверить, что в его жену вселилась Мальдоная. Лично!

Сулан Маввар дин Шарайя вообще пребывал в шоке.

Женщина не может постигнуть мудрость исцеления. Женщина должна молчать, опустив глаза в пол. Женщина обязана повиноваться мужчинам. И уж конечно не должна вести себя так, как графиня Иртон. Ругаться, орать...

Впрочем, Рашад орал втрое громче.

Где взял «ки... вар»?

Чего? Ах, кровь Звездной Кобылицы? Так в храме присоветовали.

Кто? Когда?

Он как раз приходил молиться за успех излечения. И к нему подошел младший жрец столичного храма. Сказал, что тоже будет молиться. Ну и... поспособствовал.

Как зовут?

Так они мирские имена отвергают. Сказал — Шараджи.

Рашад готов был голову оторвать идиоту. Только вот не поможет. Кто ж знал...

Знал тот самый неизвестный Шараджи. Так что Сулана предстояло любить и беречь. Чтобы опознал негодяя.

А принца — лечить. И еще раз — лечить.

И Лиля сильно подозревала, что парня придется привезти ко двору. Без присмотра она мальчишку не оставит. А Эдоард вряд ли примет во внимание период полувыведения ртути из организма.

«Мой венценосный собрат.

Да коснется твоего чела благодать Звездной Кобылицы...»

Письмо изобиловало поэтическими образами и восточными красотами. Но главное было сказано абсолютно четко.

Его собрат, Великий Ханган, направил своего сына на излечение в Иртон. И очень надеется, что:

— ребенку помогут;

— царственный собрат не против;

— тот же собрат создаст самые благоприятные условия для ее сиятельства и всех, кого ей будет угодно привлечь для лечения наследника;

— его величество Ханган надеется на лучшее и в случае выздоровления парнишки засыплет весь Иртон золотом.

Его величество едва не взвыл. Да что ж это такое?! Действительно, создается

впечатление, что вокруг Иртона раскручивается смерч. Было тихое захолустье... Стоило Джесу направить туда жену...

Нет, знать бы заранее — он бы ее в состав посольства включил, чтобы Гардвейг маялся.

Эдоард вздохнул и сел писать письма.

Одно — «венценосному собрату». Что обязательно сделаем все возможное, золота не надо, надеюсь на ваше доброе отношение, и куча прочих дипломатических изысков...

Второе — графине Иртон.

Чтобы сделала все возможное. И сверх того. Обещание всяческих благ за излечение. И...

О кнуте его величество не упоминал. Но умная женщина и так все поймет.

Глава 8

ПРИНЦ В ХОЗЯЙСТВЕ НЕ ПОМЕХА

Амир лежал на кровати и смотрел в потолок. Чистый, белый, без росписи.

Но смотреть было приятно.

Уже дней десять как он был в Иртоне. И ему здесь нравилось. Тихо, спокойно, за ним ухаживают, как за малым ребенком, кстати, и зловердная болезнь чуть разжала когти.

Да, парню все еще было плохо. И иногда случались приступы, которые снимало только сильное успокоительное. Но графиня Иртон, каждый день уделявшая ему по часу, говорила, что теперь все зависит от самого пациента. Справится организм — жить будет. Нет — на все воля Кобылицы.

Как Амир понял, его спас отец.

Изначально, когда Тахир написал ему про отравление, он тут же изолировал сына от всех. Взял новых докторусов, вышвырнул старых, разогнал всех слуг... И отравитель не смог давать ему яд. А принятые меры позволили хоть что-то вывести из организма.

На корабле же... Да, Сулан добавлял яд в курильницу. Но в небольших дозах. Да и... Корабль есть корабль. Курильница то сорвется, то загухнет, то травы отсыреют... короче, полноценной дозы Амир не получал. За что хвала всем богам сразу. А то бы точно не довели.

Но что ж это за гадина такая? И как? Эх, знать бы! Он бы...

Парень невольно сжал кулаки.

— Привет...

Амир повернул голову. Рядом с его кроватью стояла Миранда Кэтрин Иртон.

Посетителей к юноше пускали. Но под строгим присмотром Тахира или Джейми — местного травника, который поил больного горькими очищающими настоями и уверял, что от них быстрее обновится кровь.

Но запретить что-то виконтессе Иртон? Ну-ну...

— Привет...

— Не спишь?

Девчонка обращалась с Амиром как с обычным парнем. И это было любопытно. Так же держалась и ее мачеха. Остальные невольно вспоминали, что перед ними сын Великого Хангана. А вот для Лилиан Иртон он был просто больным мальчишкой. Сам изумился, когда понял.

И для Миранды, кажется, тоже...

— Не сплю. А зачем ты пришла?

— Посмотреть. Никогда живого принца не видела.

— И как? Нравлюсь?

— Нет. Ты слишком худой и страшный.

— Яд никого не красит.

— Знаю. Мама Лиля мне все рассказала. Но ты не бойся. Она тебя вылечит. Она всех лечить умеет. Она мою собаку спасла, когда ту отравили.

— Мама Лиля? Сколько же ей лет?

— Мало. Я ей не родная дочка. Моя мама умерла, а потом папа женился на маме Лиле. Я тогда совсем маленькая была...

— И Лиля стала тебе мамой?

Принцу действительно было интересно. Но Миранда весело хихикнула и помотала головой.

— Не-а. Мы с Лилей не общались до этой осени. Я жила с папой, а Лиля — здесь.

— А почему?

— Не знаю... надо будет спросить. А осенью папа уезжал, поэтому меня хотели куда-нибудь отправить. Можно было или сюда, или к тетке. А я запросилась сюда.

— А почему? Тетка такая противная?

— Да! — Сказано было от души. — И дети у нее противные, и сама она... а муж ее — как жаба в сахаре!

— А других родственников в столице у тебя нет?

Миранда усиленно чесала нос.

— Кажется, есть. Но папа с ними не ладит. Так что я приехала сюда.

— И тебе здесь понравилось?

— Ага... я сначала Лилю боялась. А потом оказалось, что она классная!

— Классная?

— Замечательная. У меня куча друзей, я столько всего знаю... а какие она сказки рассказывает!

— Какие же?

— Разные...

— И все кончаются свадьбой? — шутливо спросил принц.

— Нет. Они разные... кстати! А что ты умеешь делать?

— В каком смысле?

Вопрос был настолько неожиданным, что Амир даже растерялся.

— В прямом. Ты умеешь шить? Зеркала лить? Парчу ткать?

— Нет... я же принц.

— А что умеют принцы?

— Управлять государством.

Миранда смерила юношу непередаваемым взглядом.

— Лиля была права. Принц в хозяйстве существо бесполезное.

Хорошо, что Амир лежал. А то упал бы с кровати.

— Это почему?

— А что ты умеешь делать?

— А ты сама?

— А меня всему учат! Шить, вязать, кружево плести, за больными ухаживать, Лиля

обещала с мастером Хельке поговорить, чтобы он и нас с Марком поучил своему делу, а то и со стеклодувом...

— Зачем? Ты же графиня...

Миранда смотрела с явным превосходством.

— И что? Графство к телу не пришито! Кто знает, куда тебя завтра занесет... Есть такая сказка... рассказать?

Спустя час Джейми застал такую картину.

Миранда с ногами сидела на кровати у знатного пациента и что-то ему увлеченно рассказывала. Амир слушал с интересом. Про утомление принца никто и не подумал.

— Так, мелкая, брысь с кровати, — шуганул девочку Джейми.

— Не брысь, а ваше сиятельство, виконтесса Иртон, не изволите ли брысь, — поправила Миранда.

Амир невольно фыркнул.

— Не ругайся на девочку. Она классная.

— Та-ак...

Вечером Джейми обсудил это с Лилиан.

Графиня согласилась, что слишком близкая дружба Мири и Амира ей ни к чему. Но было поздно.

Малявка при первой возможности пробиралась в медпункт, Амир ее не гнал, а постепенно к Мири присоединился еще и Марк.

И Лиля махнула рукой. Хотите? Ладно. Получите.

Так что ее сиятельство виконтесса Иртон помогала купать принца, кормила его с ложечки и даже мыла ночной горшок. Возражения Амира были отвергнуты Лилей как несущественные.

Ребенка надо учить всему — это первое.

И графине не зазорно за принцем выносить. А если зазорно ухаживать, то и общаться тоже. Вопросы?

Неприлично?

Простите, но что неприличного в скелете? Который, кстати, прикрыт в стратегическом месте набедренной повязкой. Вы что, полагаете, Мири полуголых сверстников не видела?

Ах, разница в масштабе? Ну-ну... Я бы на вашем месте сначала в зеркало погляделась.

Как мы получаем эти зеркала? Извините. Секрет-с...

Заплатите золотом? Ну-ну... Обсудите это с его величеством Эдоардом.

Когда? Да вот весной и... Как дороги просохнут, я обязана явиться ко двору. А поскольку вас пока еще без присмотра не оставишь — есть два варианта. Или ваш отец согласовывает с моим правителем мой визит, и тот откладывается на годик. Или мы едем вместе. А я за вами приглядываю.

Амир задумался. Хотя в глубине души знал — отец возражать не станет. Еще и порадует. Все-таки сын должен мир посмотреть... потом-то ему из Ханганата дорога закрыта. С другой стороны — он ведь знает ативернские обычаи. Для графини тоже

много что закрыто. И?

Лилян Иртон вводила для себя новые правила. И окружающие были вынуждены следовать им. Кстати, не без удовольствия и выгоды для себя.

Сейчас Лиля работала вместе с Хельке. Мастер только за голову хватался.

Ладно еще стекла! Хотя стеклодув тоже был в шоке от идеи подзорной трубы. Но сделали ведь! После долгих мучений выдули образец линзы правильно, сделали форму и принялись отливать и шлифовать стекла для телескопов и микроскопов. Про кольца Ньютона Лиля помнила мало, но методом проб и ошибок линзе так на пятой до нее дошло, как надо делать.

Сделали несколько линз, закрепили в трубке... И первый же экземпляр подзорной трубы со скандалом забрал себе Лейф. Даже не со скандалом. Суровый вирманин чуть ли не прыгал от радости. Даже эта линза позволяла разглядеть предметы, находящиеся втрое дальше. А Лиля планировала сделать еще и микроскоп. И уже с его помощью...

Капельница! Мечта жизни! Полцарства за капельницу!

Но ведь делали их еще в советское время, до пластика... главное — игла. Ну и трубка с запорным устройством. Но это вполне реально изготовить из подручных материалов. Стеклянные флаконы она выдует, пробку вырезать — не проблема. Да, часть лекарства будет теряться, но это уже мелочи!

Эх, где вы, родные каучуковые деревья? Сколько бы всего сразу упростилось!

С другой стороны — запаковать этот мир полиэтиленом? Надо ли? Родной загадили так, что чихнуть некуда. В небе уже не птицы, а полиэтиленовые пакеты летают.

Может, и не надо.

А вот стерилизовать иглу кипячением... да и переливание крови, плазмы, простого физраствора — сколько бы жизней это спасло!

Так что Лиля надела на Хельке — и мастер, бросив изготовление поделок на подмастерьев и учеников, работал вместе с Лилей. Отлично понимая: если он это сделает, речь идет уже не о деньгах.

О бессмертии.

Он навсегда останется в памяти человеческой. И спустя пятьсот лет его вспомнят.

Как же ему повезло в Альтвере, когда на пороге лавки появилась графиня Иртон!

Хельке, безусловно, видел все ее странности. Но молчал.

Кто бы ни была графиня. Что бы она ни делала — с ней было выгодно и безопасно. И эти соображения перевешивали все остальное.

А еще она судила о человеке по его способностям. А не по происхождению или знатности. И это было ново.

Сама Лиля готовилась к поездке в столицу. Учила этикет. Танцы. Шлифовала свои манеры.

Лонс помогал ей по мере сил. Сейчас, когда его тайна открылась Лиле, она понимала, что ходит по лезвию ножа.

Она не знает, что выгоднее королям. Брак или его отсутствие?

Если первое — и ее, и Лонса просто закопают. Если второе — есть шанс выжить. Но небольшой.

Выход один — молчать.

Молчать, пока не разберемся в раскладе. А если представится возможность умыкнуть принцессу, пусть Лонс сам для себя решает: оно ему надо или не надо? Его жена — его проблемы.

Пока же мужчина усиленно отращивал бороду.

Лиля собиралась одеть шевалье в одежды ханганов. Их и так много будет в ее свите — одним больше, одним меньше... Добавить загар. Поменять форму бровей. И закрыть один глаз повязкой.

Ханган в свите принца Амира — самая заурядная деталь интерьера. Штукой больше, штукой меньше... сейчас Лонс упорно учил ханганский. А вместе с ним — Миранда, Марк, Лилиан и все вирманские дети. А почему нет?

Амир мог говорить по-ативернски. Но... не бывает лишних знаний! Бывают дураки, которые этого не понимают. И дорого платят за свою самонадеянность и слова: «На кой мне это надо?»

Платят — и дай бог, если только они. Когда-то Аля Скороленок этого не понимала. Но поверила родителям и сейчас искренне благодарила их. За все. За кружки, увлечения, медицину... воистину есть профессии, с которыми нигде не пропадешь.

А еще Лиля готовила шоу.

Даже не так.

ШОУ.

Она должна стать самой яркой звездой двора.

Нет, не в смысле королевской фаворитки. Судя по письмам отца, Эдоарду уже за полтинник. Что с ним в постели делать — о свойствах стекла беседовать? Ладно еще в двадцать первом веке! Там (хоть и орут на всех углах про плохую экологию), но живут-то дольше. А здесь и сейчас Эдоард уже считается стариком. По аналогии с ее родным миром ему уже за семьдесят.

А в смысле стать той деталью, которую не изъять без ущерба для конструкции.

Рискованно? Очень. Только вот и выбора нет.

Лиля ни на миг не забывала, что где-то вдали есть Джерисон, граф Иртон. Который полностью властен в ее судьбе. И что ему ударит в голову — неизвестно.

Поэтому она обязана стать незаменимой.

Медицина?

Лилиан Иртон.

Стекло?

Лилиан Иртон.

Кружево, косметика, духи...

«Маркиза, маркиза, маркиза Карабаса»...

Лиля фыркнула. Но суть-то верна!

Соответственно, реши Джес ограничить ее свободу...

Церковь отгрызет ему голову за книги. Моряки — за подозрные трубы. Ученые за микроскопы и телескопы. Докторы — за новые знания и приборы. Женщины... Одним словом — жить мужику придется в скафандре. И в герметичном бункере.

Но пока ее переписка с супругом оптимизма не внушала.

Супруг писал, осведомляясь о делах поместья.

Лиля отписывала, что у них все замечательно, Миранда растет, передает отцу приветы, лично Лиля за него молится...

Мири писала, как все здорово — и почему папа ее раньше в Иртон не отправил?

Джерисон писал в ответ, что очень доволен знаниями дочери, но чтобы та не роняла свое дворянское достоинство.

Миранда в ответ написала (по совету Лили), что изучает ханганский под руководством принца Амира.

Что подумал Джес — неизвестно, но в письме он это одобрил.

Лиля читала всю переписку. Как свою, так и Мири. И не скрывала улыбок.

У Джеса явно ум за разум заходил. И винить его в этом было сложно.

Вы оставляете в деревне, допустим, слабоумную сестру. И уезжаете... в Австралию.

Вырваться оттуда не получается.

А потом вашу слабоумную родственницу начинают нахваливать по всем каналам, она изобретает авангардную методику подводного дыхания или излечения проказы, у нее лично лечится президент Франции, деревня медленно, но верно превращается в этакие Нью-Васюки, а вы сидите с кенгуру и чувствуете себя как... последний утконос Австралии.

А что делать, если происходящее не укладывается в вашу картину мира?

Впрямую Джес ничего не писал. Но... Вопрос: «Что происходит?!» просто читался между строк.

Лиля предпочла притвориться тупой. Что происходит... Раньше думать головой надо было!

А пока...

У нее было несколько причин для опасения.

Первая — любовница Джерисона с ее активным кузеном.

Тут можно было почти успокоиться. Кузена по-тихому удавили, а любовница была далеко. И особой опасности больше не представляла. Ганц Тримейн честно отписал, что поднимать шум никто не хочет, но, как только девица вернется, — ее срочно выдадут замуж за какого-нибудь крестьянина и сплавят в дикие леса.

Открытым оставался вопрос, что при этом сделает Джес. Но... не идиот же он? На его супругу покушаются как-никак. Да еще и на его деньги.

На всякий случай Лиля отписала Ганцу с большой просьбой: найти проданные Алексом драгоценности и выкупить. А потом предъявить отцу.

Поручение Ганц обещал выполнить в ближайшее время. И показать кольца Августу Брокленду.

Своих-то драгоценностей Лиля почти не видела. Казалось бы, чего проще? Продай побрякушки — и живи. Ан нет...

У нее была всякая ювелирка с изумрудами — Лиля так поняла, что это от старой графини в замке осталось. Бабка не была сильно дружна ни с сыном, ни с внуком, поэтому и драгоценности невестке не передала. А настаивать Джайс почему-то не стал.

Лиля с радостью бы подпрягла Хельке на переделку этих кирпичей, но некогда. Времени не было совершенно.

А вот где баронские сапфиры? Где жемчуг, который ей дарил отец? Где полудрагоценные камни? И прочие радости из ее девичьей доли?

Надо полагать, остались у супруга. Но одна сторона монеты — это когда они просто лежат или вложены в дело. А другая — когда побрякушка подарена любовнице и ею проплачено убийство законной графини.

Если что-то такое обнаружится, она Джерисона лично носом об стену возить будет, пока он профилем с персидским котом не сравняется!

Но ладно. Эта опасность уже почти нейтрализована.

Вторая по величине — это Йерби. И Дамис Рейс, сидящий в подвале на цепи.

Какого черта им потребовалось нанимать жиголо для Лили? Хотели, чтобы у графа Иртона не было законных наследников, кроме Мири? Вполне возможно.

Лиля опять-таки отписала Ганцу, прося навести справки. Но и тут она сильно не боялась. Против нее явно ничего не направлено. Это — против ее супруга. А пока она не собирается иметь от Джеса детей — да Йерби ее сами охранять будут. Другая-то может и не оказаться такой... удачной? В плане незачатия.

Сама Лиля пока сделала такие выводы. Незаконные дети здесь наследовать не могут. В принципе. Браков разрешено не больше четырех. Вот и считаем. Этот у Джеса третий. Единственная наследница — Миранда Кэтрин. Случись что с графом — кто будет опекуном?

Варианты: жена, сестра с зятем, мамаша. И родственники его второй жены Магдалены.

Девочки тут наследовать могут только при определенных условиях, поэтому майорат будет заморожен, а второй сын Миранды будет его наследовать как граф Иртон. Но есть ведь еще и деньги. И ими опекун распорядится в свое удовольствие. Да и Мири выдаст замуж за кого захочет.

Выдал бы.

Сейчас, как Лиля сильно подозревала, безопаснее будет гремучую змею скрещивать. Миранда уже сорвалась с поводка и в общепринятые рамки ее не загонишь. Слишком умна.

Но раньше много чего прошло бы. Если тетку ребенок не любит, он легко поддастся чужому влиянию.

Итак следует ждать покушения на Джеса Иртона? Если Лиля соберется в столицу, а там граф — и возможность сделать наследника...

Может быть. Но лично Лиля не собиралась ничего предпринимать.

Она в одиночку от убийц отмахивается? Вот и вы пожалуйста, дорогой супруг. Отобьетесь — я рада. Нет? Я буду долго плакать.

А вот третье... Третье ее тревожило всерьез.

Кто-то отправил по ее душу докторуса Крейби. И убил его.

Кто-то настропалил семейство Дарси.

Кто-то держал связь через Кариста Трелони. Кстати, и письмоцо пришло, что деньги ему перечислены. Задаток.

Умирать Лиля не собиралась. А собиралась, оказавшись в Альтвере, взять купца за химок. И порасспрашивать. С применением подручных средств. Типа топор обыкновенный, железо каленое, иглы крученые и прочее.

Жестоко? Уж извиняйте. Вот когда сами от убийц поотмахиваетесь — и от наркотиков поломаетесь, тогда и будете осуждать. А Лиле и одного раза хватило.

По уши!

Так что идите-ка вы, товарищи моралисты... в Организацию Определенных Наций.

Лиля твердо знала: если на одной чаше весов ее жизнь, а на другой чужая — она выберет себя. Ну разве что с Мири будет колебаться. А все остальные...

Они ей кто? Братья? Сватья? Родители?

Ее семья погибла. Там, в двадцать первом веке. Там же остался и любимый человек. Вот за них она бы глотку перегрызла.

Миранда — это другое. Девочку она полюбила. Хотя и не знала, готова ли ради нее рискнуть своей жизнью. А все остальные...

Ну не святая она. Ни разу. Что бы там ни утверждал пастор Воплер.

Не святая.

Итак, три опасности. Три кита. Но если первые две она понимала, то что ведет третью группу? И кто это такие?

Оставалось только гадать. И отписать, что она при смерти. Ну и Миранда тоже. А почему нет?

Потравилась, подавилась... да что угодно.

Написать отцу и попросить соблюдать секретность было делом минуты. Ганц Тримейн тоже не спорил. Но оставалась еще Алисия.

Свекровь писала Лиле раз в двадцать дней. А то и чаще. Сплетни, слухи, дворцовые интриги — в ее письмах было все. Лиля в ответ отписывалась о своем и Миранды самочувствии, настроении и погоде в Ирhone. А о чем тут еще писать?

Не высказывать же свое мнение по поводу того, что графиня Н. спит с герцогом М., а ее супруг полностью в курсе и закрывает на все глаза.

Хотя карту королевского двора Лиля составлять начала. Идея принадлежала не ей, но почему бы не воспользоваться?

Нарисовала кучу карточек, надписала их «граф Н.», «графиня М.», «барон Д.» и так далее — и на каждой карточке список. Муж, жена, дети, с кем спит, с кем дружит и враждует.

Когда есть бумага, это несложно. Хотя и жаль ее переводить на такие мелочи.

Пастор все время порывался написать Светлому Престолу про изобретение графини, но Лиля удерживала его от опрометчивого поступка. Мол, подождите. Вот предъявим им что-нибудь, тогда оценят. А просто так... нет, не пойдет. Не по-графски.

Ох, сколько же предстоит еще дел...

Лиля начинала понимать бизнесменов двадцать первого века. И серьезно задумалась над изобретением ежедневника. А почему бы нет? В перспективе. Надо только улучшить вид бумаги.

Еще немного времени есть. Она должна справиться.

О болезни Аделаиды Вельс Ричарду донесли почти сразу. Джес, который сидел у него в это время, нахмурился.

— Что еще?

— Не знаю. Но проведать ее надо.

Аделаиду они застали в кровати. Дама была мраморно-белой, с синими губами и запавшими глазами. И производила жуткое впечатление.

— Что с вами? — Рик был учтив и спокоен. Но уже обратил внимание на кучу окровавленных тряпок у кровати. Они были прикрыты, но...

Аделаида всхлипнула:

— Я... потеряла... ребенка...

И слезы хлынули водопадом.

Рик вздохнул. Посмотрел на Джеса.

— Разбейся.

И вышел.

Джерисон с удовольствием послал бы Аделаиду куда подальше и ушел, но...

— Как это случилось?

— Я нервничала. Докторус сказал, что от переживаний такое бывает...

На самом деле Аделаида просто сходила к ведьме за порошком, вызывающим обильные месячные кровотечения. И приняла его. Ну и...

Мало какая женщина хорошо выглядит в такие дни. А если еще и кровопотеря значительная...

Джес вздохнул:

— Ладно. Не плачь. Все к лучшему...

Вот этого говорить ему не стоило.

— К лучшему?! — Голос женщины взвился до визга. — К ЛУЧШЕМУ?!!

Джес понял, что совершил тактическую ошибку. Но отступить было поздно.

— Ребенок был бы незаконным...

— Из-за тебя!!! — взвизгнула Адель. — Только из-за тебя!!! Ты его ненавидел, ты желал ему смерти... О мой бедный малыш!!! — И залилась слезами, упав в подушку.

Джес тяжело вздохнул. Утешать? Не хотелось. Ну и не надо.

— Ваше сиятельство... — Одна из служанок мышью шмыгнула к нему. — Вы бы... она же сейчас еще больше расстроится...

Джес понял все правильно. Иди-ка ты отсюда, не изводи женщину. Так что граф развернулся и вышел из комнаты.

Адель порыдала еще минут десять для порядка, а потом уселась поудобнее на кровати.

Итак. Ребенка нет. А Джерисон знает, что он во всем виноват. Тут граф Лорт не солгал.

Теперь ей предстоит поездка в Ивернею. Там ее встретят люди графа Лорта. И она сделает, что они попросят. Просто потому, что ей надо где-то жить. Ативерна уже не подойдет. А Альтрес Лорт обещал в случае успеха выгодное замужество. И проживание где-нибудь в уэльстерской глуши.

Не идеал. Но...

Если бы Алексу все удалось, она бы выиграла. Но раз уж этот кретин даже умереть не смог, не подставляя ее...

Сейчас она будет цепляться за любую соломинку.

Она все сделает. Пройдет по раскаленным углям, ляжет в постель с кем угодно, съест живую жабу...

Жить хочется...

Амир выздоравливал. Медленно, но уверенно. Приступы острой боли прекратились. И тошнота тоже отступала. Ему было намного лучше.

Пришло письмо от отца.

По предложению Лили Сулана расспросили. Мало того, сделали «фоторобот» — портрет того самого Шараджи — и отправили его в Ханганат. С громадными благодарностями лично от графини за грамотные и своевременные действия Великого Хангана.

«Если бы твой отец сразу тебя не изолировал... могли и не довести. А так — изоляция, и отравители спешно ищут, как тебе подбросить яд. Нашли. Но в спешке и сами засветились. Сулан сильно и не виноват. Глуп, суеверен, но ведь хотел как лучше...»

Амира это не утешило. Даже если тебя травят с лучшими намерениями — итог все равно один. Но повезло. А потом — еще больше.

Великий Ханган нашел-таки того самого Шараджи из храма. И спросил.

Служитель оказался весьма нестойким товарищем, боль терпел недолго и вскоре во всем признался. Оказалось, что в смерти Гизьяр и в болезни Амира была виновна Батита. Вторая (теперь уже первая) жена Хангана, мать Селима.

Лиля сперва недоумевала, но потом дело прояснилось. В семнадцать лет наследнику подарили пять девушек. Гизьяр юный Ханган полюбил. Но и остальных... хм... тоже полюбил. Только уже не душой, а другой частью организма.

Аккурат после того, как любимая женщина забеременела. В этот период ханганы к женщинам не прикасаются, чтобы не повредить ребенку. Вот второй и была Батита.

Были бы девчонки умные — договорились бы. Но тут... Гизьяр хотела любви, Батита — власти, еще три бабы тоже тянули одеяло на себя... Договориться не удалось.

Амир родился первенцем. И стал наследником. Мать его умерла ровно через шесть лет.

Отчего?

Грибы есть не хотела? Простите, какие грибы? Ах, от яда? Да, наверное. Симптомы были весьма похожи.

Почему ребенка раньше не отравили? Так отец, подозревая что-то, отправил его на воспитание к одному из Стражей караванных троп. Амир узнал красоту пустыни и полюбил ее. Там бы и жил. Но пришлось возвращаться во дворец. Ну и...

Результат — налицо.

Лечиться еще полгода, оправляться от последствий отравления — два года.

Батита, конечно, поплатилась головой. Как и Селим — на всякий случай. Но здоровье мальчишки было уже подорвано.

Откуда она узнала о свойствах ртути? Так Шараджи был пятым сыном ее отца. Был когда-то влюблен в свою сестрицу, но, когда красавицу подарили Хангану (тогда еще наследнику), с горя ушел в храм. И сам видел, что бывает от частого употребления киновари.

Теперь жизнь Амира была в безопасности. Но возвращаться домой было рано. Лиля весьма резко заявила докторусам, что, пока больной не вылечится полностью, она никуда мальчишку не отпустит. Вас что-то не устраивает?

А вы пока тоже не теряйте времени. Вы учитесь. У Тахира.

Что докторусы и сделали.

Ознакомились с записями старого лекаря, пришли в тихий шок, и спустя две десятинки Лиля учила уже не двоих, а пятерых.

Ханганы были далеко не глупы.

Женщина? Да! И пусть! Звездная Кобылица тоже не мужского рода! А Лилиан Иртон смогла распознать яд, знает противоядие... Да будь она хоть кто — если бы Амир умер, с них шкуру бы спустили, не с нее.

И особенно старался Сулан. Понимание того, что он чуть не угробил пациента, лежало на плечах бедняги каменной плитой. Он-то хотел блага. А вышло...

Докторусы учились.

Лилия учила.

Пастор Воплер старался проводить беседы о пользе веры в Альдоная. Получалось плохо, но открытым текстом его никто не посылал. Зачем? Старается ведь человек...

Лилия вообще решила забрать его с собой.

Она потихоньку составляла список людей, которых нельзя оставлять в Иртоне, и получалось что-то кошмарное, метровой длины.

Мастеров. Вирман. Ханганов. Эввиров. Солдат. Своих людей (тот же Лонс и Марта...) с ума сойти можно! Одним словом — привет Интернационалу! Сбылась мечта о единении всех народов под одной крышей...

Реально в замке оставались Эмма и подчиненный ей гарнизон. Оставались слуги. Парочку Лилия забирала с собой, но именно парочку. Тащить всех слуг в столицу было просто глупо. Да и незачем. Платье натянуть дело нехитрое. С этим ей и девочки-кружевницы помогут.

Но за Иртон Лилия не волновалась.

Коптильня остается здесь. Солеварня тоже. Принцип оброка Лилия на пальцах объяснила Арту Видрасу, и мужчина принял его с восторгом. Господские поля надо было сдать в аренду, за десятую часть урожая. В Иртон выписать еще одного пастора, а то и двух. И выделить им содержание. Часть деньгами, из того, что продадут на ярмарке. Часть продуктами. Жить будут в замке. И ездить по деревням, чтобы никто без пригляда не оставался.

Пастор Воплер уверял, что на таких условиях недостатка в желающих не будет. Но Лилия и сама собиралась поговорить об этом с патером Лейдером. Воплер нужен был ей самой. Умный и искренне верующий — идеальное для нее сочетание.

Присылать деньги на содержание поместья Лилия будет. Можно — Эмме. Но вряд ли в этом возникнет нужда. База скота есть, приплод они приносить начнут, система трехполюя была воспринята без удовольствия, но более-менее. Оставались деревенские девушки-кружевницы.

Но те буквально рвались с графиней в Лавери.

Лилия подумала. И махнула рукой. Почему бы нет? Пусть едут. Найдется и где поселить, и к какому делу приставить...

Писал ей Ганц Тримейн. Он договорился с Августом Броклендом, вооружился крупной суммой денег и выкупил все заложенные Алексом драгоценности. Благо тот и описал их, и рассказал, куда сплавил...

Август Брокленд, увидев их, взвился до небес. Среди колец было одно, которое он сам подарил матери Лилиан. Простенькое такое, с круглым сапфиром в окружении бирюзы. Не слишком дорогое. Но — первое. Август передал его дочери, как память о любимой.

Лиля задумалась, почему она не взяла с собой свои побрякушки. Расспросила Марту. И узнала, что после свадьбы ходила вся в соплях. Куда там до бижутерии. Могла и оставить, и перепутать, и что угодно... после такой-то брачной ночи.

А теперь оно было подарено любовнице и заложено, чтобы оплатить убийство его дочери.

Лиля с большим трудом уговорила отца не убивать зятя сразу. Хотя Август рвал и метал. На верфях Джесу уже ничего не светило. А его письма Август принялся рвать, не распечатывая.

Джерисон написал об этом королю, и его величество вызвал барона для беседы. Где Август, не выбирая выражений, и спустил на Джеса такого кобеля, что собака Баскервильей щеночком бы показалась. И в завершение добавил, что его дочь — явно в Сияющие готовится, с таким-то муженьком. А мучительную смерть ей любовницы мужа обеспечат. На его же деньги.

Это оказалось последней каплей. И Эдоард отписал графу Иртону.

Устроил Джесу качественную головомойку, искренне удивился, что у такого отца, как Джайс, вырос такой осел, и пообещал, что, если Джес сделает хоть один неверный шаг, хоть словом намекнет жене, что он недоволен, если графиня Иртон хоть бровью поведет — следующим местом службы короне для графа будет такое захолустье, что Иртон рядом с ним столицей покажется.

Нет, ну надо же быть таким болваном?!

Гуляешь ты? Гуляй! Сам грешен! Но осторожнее надо быть!

И уж точно не дарить колец жены любовнице.

Да, у него была Джессимин! Но ведь Джесси не устраивала покушений на Имоджин. Она не пыталась сжить со света принцессу. Не стремилась блистать при дворе, не выпрашивала подарки... Кстати, драгоценностей короны Эдоард ей и не дарил. Тем более — побрякушек Имоджин. Она просто жила и любила.

Получила письмо от Эдоарда и Лиля.

Его величество выражал уверенность в лекарских способностях Тахира, надеялся на лучшее...

Первый раз Лиля отписала ему тотчас же, что боится за жизнь мальчика и ни за что не ручается.

Получила письмо, что Эдоард на нее сильно надеется. Лично на нее. И отписала второй раз, когда кризис миновал и стало видно, что пациент идет на поправку.

Мол, так и так, мальчик выздоравливает, но ранней весной, как просохнут дороги, мне надо явиться к вашему двору. А я не могу. Никак. Ибо оставлять здесь юношу...

Эдоард подумал, проникся — и уточнил, может ли она приехать летом.

Лиля серьезно задумалась.

Летом? Почему бы нет. К осени супруг с посольством вернется — вот и встретимся.

И до осени она должна стать... Короче, у нее должно быть столько союзников, чтобы условия игры диктовала она.

Лиля до истерики боялась самого простого варианта. А вот скажет Джерисон, что жена — это его собственность, и все тут. И король мало чем поможет. Запрет в башне и начнет активно делать наследника.

Не то чтобы Лиля собиралась идти на конфликт. Скорее это было: «Кто к нам с чем и зачем, тот от того — и того-с...» Она просто страховала себя на случай самодурства. Жить хотелось. А еще были ее люди, были определенные обязательства, были идеи...

Из Альтвера постоянно писал Торий Авермаль.

Барона осаждали купцы, которых не останавливал ни сезон, ни бешеные цены. Всем требовалось кружево, зеркала, ювелирка...

Лейф пару раз спустился на корабле до устья Ирты с грузом, но, по его собственным словам, чудом вывернулся. Зима, шторма...

Зато подозрную трубу опробовал. И был в восторге. По его словам — за такое изобретение любой вирманин душу продаст.

Лиля тут же отмахнулась, что души, мол, без надобности, хорошие отношения — они ценнее. Лейф понял все правильно и предложил летом сходить на Вирму. Показать, что, как... Обстоятельства графской жизни он знал, поэтому дружеского договора с родом Иртон не предлагал. А вот с Броклендами — запросто. И лично с графиней Иртон.

Лиля согласилась. Хотя и предложила оставить вирманских женщин в ее свите. Мол, нечего народ по морю таскать. Лейф подумал и предложил вариант лучше. На Вирму он сходит весной. А к лету как раз вернется...

Это уже меньше понравилось Лиле.

В честности Лейфа у нее сомнений не было. Проверила. А вот в честности чертовой прорвы вирман...

Что, вот так они и упустят возможность обеспечить себя отличной новинкой? Которая даст им преимущество перед другими странами?

Ну-ну...

А пиратствовать им не впервой. Это от работорговцев они отбились. И то повезло. А от десятка вирманских кораблей?

Лиля не взялась бы организовать оборону.

Даже не так.

У нее была азотная кислота. И нитроглицерин она могла бы сделать. И порох. Селитру выделить тоже было несложно. Только вот...

Приносить в этот мир такое зло? Нет уж. Этого она не хотела.

А уж как вопил инстинкт самосохранения! Просто истерически требуя: МОЛЧАТЬ!!! Ладно еще стекло, бумага, медицина... Это все мирное. А вот оборонка...

Запрягут моментально. И убьют тоже очень быстро. Чтобы еще чего не выдумала. Не свои убьют, чужие.

Так что решили полюбовно, как Лиля и предлагала. Вирмане отправляются с ней. Потом в Альтвере народ разделяется. Эрик отправляется на Вирму с новинкой, раз уж Лейфу туда нельзя. Ладно, официально можно, но зачем клан подставлять и в стычки лезть? А сама Лиля аж на шести кораблях (Лейф, два работорговческих, три ханганских) отправляется в Лавери, пред светлы Эдоардовы очи.

Это было одобрено всеми.

И люди принялись прикидывать, что и сколько надо взять с собой. Можно докупить необходимое в Альтвере, но зачем зря деньги тратить? Если и так все есть?

— Ваше величество... — Джерисон вежливо раскланялся перед королевой.

— Граф Иртон, мы были рады видеть вас при дворе.

Особенно женская часть. Кобель... ну да ладно.

— Ваше величество, пребывание при вашем дворе доставило мне искреннее удовольствие...

— И мы просим вас об одолжении, граф.

— Ваше величество, моя жизнь в вашем распоряжении...

— Что вы, граф, так много мы не попросим.

Джес изобразил напряженное внимание.

— По королевству идут слухи о вашей супруге.

— Ваше величество?

— О ее красоте, уме, талантах. — Милия старательно озвучивала заученный текст, наслаждаясь вытянувшимся лицом Джерисона. — И я хотела бы пообщаться с ней.

— Ваше величество, это большая честь для меня...

— Так не забудьте — вместе с женой и дочерью.

Как Джес ни владел собой — удивления скрыть ему не удалось.

— В-ваше величество?

— Да. Мы хотели бы видеть при дворе вас, вашу жену и дочь.

Джес овладел собой и поклонился.

— Ваше величество, это большая честь для меня. Разумеется, я исполню ваше повеление...

— Наше желание, граф.

— Ваше желание — закон, ваше величество...

Милия кивнула и улыбнулась, отпуская мужчину. Джес отошел в сторону — и попал в руки Рика.

— Джес?

Граф посмотрел ошалелыми глазами.

— Ее величество тоже пожелала, чтобы я еще раз приехал в Уэльстер.

— Ну и?

— С женой и дочерью.

— Зачем?

— Н-не знаю.

— Надо написать отцу. Он должен знать.

Получив письмо, Эдоард только выругался. Что знает Гардвейг о Лилиан Иртон?

Его шпион был в Иртоне. Жаль, конечно, что графиня его не казнила. Но — женщина...

Отпускать Лилиан Иртон в Уэльстер Эдоард не собирался. Но и отказать?

Будем надеяться, что Рик выберет Анелию. Тогда на свадьбе и...

Но если нет — придется что-нибудь придумать. Лучше всего, конечно, беременность. О чем Эдоард и отписал Джесу.

«Граф Иртон.

Летом поговорите с женой. Надеюсь на ваше благоразумие.

А если вы найдете общий язык, имеет смысл поговорить и о детях».

И кратенькая приписка:

«Джес, я тебе настрого запрещаю обижать жену.

Она слишком важна для короны».

Получив письмо, Джес схватился за голову.

Джес ведь не был вовсе дураком. И понимал, что беременность — лучший способ не выпускать женщину из страны. Пока носишь ребенка, пока кормишь, а за три года столько воды утечет...

Нет, ну что важного в его жене? Три года сидела сиднем, а теперь здрасте вам! И всем она важна, и всем она нужна... Нет, ну что в ней такого?

Почему ее нельзя вывезти в Уэльстер? И узнать-то не у кого!

Тестю не напишешь.

Сестра отписала, что Лилиан Иртон прислала ей шикарные подарки. Но ни слова о самой Лилиан.

Мать... Та отписала Джесу, что Лилиан прислала подарки и ей, и всему двору — и все это изготовлено в Иртоне. Зеркала, кружево...

Но откуда?!

Иртон был словно заколдованная страна из детской сказки. Где все превращалось в нечто волшебное, но оттуда не получишь ни вестей, ни писем... и выйти оттуда тоже не удается.

Дядя написал все что мог. А что-то более серьезное...

— Рик, как ты думаешь, мы можем заехать в Иртон?

— Нет. А зачем?

— Хотелось бы посмотреть своими глазами, что там и как...

— Джес, это нереально.

— Даже мне на десятинку вырваться?

— Ты бы лучше сидел ровно и не злил отца больше меры.

Джес сверкнул глазами:

— Куда уж больше! Из-за этой... мне так достается...

Рик прищурился.

— Джес, а кто тебе мешал поднять задницу немного раньше? — Некрасиво, да. Но достал его уже кузен своим нытьем. — Проверить своих людей, содрать с воров шкуру... а уж про убийц вообще молчу. Миранда чуть не погибла, а ты все на жену обижаешься!

Джес засопел.

— Я с Мирандой людей отправил. Ты не путай, если бы на мою корову не покушались...

— Пока она была Лилиан Брокленд — на нее и не покушались.

— Хочешь сказать, я во всем виноват?

— Если и не во всем, то очень во многом.

Джес вылетел вон, хлопнув дверью. Рик улегся на кровать и задумался о будущем.

Весна на носу. Скоро надо уже выезжать в Ивернею. А тут...

Джес то дуется, то злится... переживает. Оно и неудивительно. С детства парень так качественно по ушам не получал. Поэтому, когда получил, для начала ушел в загул по борделям. А потом стал знакомиться с достоинствами уэльстерских придворных дам. Обстоятельно так. Видимо, стараясь восстановить разрушенную самооценку. Рик не ругался. Все было тихо и по добровольному согласию.

Ну да ладно. Переживет.

Теперь у него впереди лето. И лето он должен провести в Ивернее. А как зарядят дожди — отправляться домой. И уже всерьез выбирать, кто, кого...

Хотя...

Анелия Уэльстерская ему не очень нравилась. Глуповата, избыточно кокетлива, да и сразу видно — будь он не принцем, плевать бы она на него хотела.

Но... Одновременно с этим были и плюсы.

Она достаточно молода, чуть ли не в два раза младше Рика. На нее легко влиять.

А Гардвейг чуть ли не прямым текстом сказал, что ему важен союз, а не чувства Анелии. Так что сделай наследника — и гуляй, Ричард.

Как к такой постановке вопроса отнесется Бернард Ивернейский? Вряд ли корректно. Рик слышал, что тот души в дочке не чаял. Как же... младшенькая, любимица... после шести сыновей.

Так что тут — минус.

Рик вообще склонялся к кандидатуре Анелии. Жениться все равно придется, как ни оттягивай... а эта хоть симпатичная. А если что-то не устроит...

Пример Гардвейга перед глазами был. Интересно, тещь сильно обидится, если зять пойдет по его стопам?

А может, и идти не придется.

Рик все еще надеялся повстречать любовь.

Но не стоит возносить принца на пьедестал.

Любовь — да. Но пока она не пришла, спокойно можно сделать наследника. А в промежутках между обязанностями еще и поразвлечься заглянуть. Чем плохо?

Да ничем.

Поживем — посмотрим, куда судьба выведет.

«Господин.

До малявки пока добраться не удастся. Но корову я достал. Докторысы не надеются ее вытащить».

«За малявку доплачу. Напиши, когда корова сдохнет.

Деньги заберешь у Трелони».

Альтрес Лорт нахмурился, когда ему донесли о разговоре гостей. И перо полетело по бумаге.

Лилиан Иртон он оценил и решил заранее подстраховаться.

Благодарность умной женщины? Это дорогого стоит. Та же Тисия Медерин...

Умница, хоть и не красotka. Но ведь Гарду она помогла в свое время. И всерьез. Если Лилиан Иртон той же породы — пользы от нее будет на порядок больше, чем от графа Иртона. А с учетом пришедшего недавно письма...

Ройс пока оставался в Альтвере. И о принце, направленном на излечение в Иртон, был вполне осведомлен. Как и о том, что тот пока жив.

Вирмане хоть и старались не болтать, но погулять по кабакам себе позволяли. Не в Иртоне ж этим заниматься? Лейф нарочно брал с собой самых сорвиголов, чтобы парстравливали. Они и развлекались.

И один проговорился Ройсу, что так и так, принца направили на лечение, госпожа графиня долго ругалась на ханганских докторусов, но мальчишка явно выздоравливает.

А докторусы? А они хвостом ходят за графиней и Тахиром дин Дашшаром.

Ройс обдумал это дело и написал Альтресу, что есть в этом загадка.

Вроде бы сама графиня не докторус, но вот... лечит же! А если учесть, что в деревне (до замка-то он не сразу добрался) ему рассказали про вылеченного крестьянского мальчишку, а потом как графиня лечила раненых после налета (слуги проболтались своим семьям, а те молчать не стали)... картина складывается интересная. Вот Сияющая Арлинда лечила наложением рук. Может быть, и здесь что-то подобное? А молчит графиня о своих талантах, потому как жить хочется.

Да и Сияющими становятся только после смерти... а ведь если о ее талантах узнают — прибить не побрезгуют.

Альтрес обдумал этот вопрос — и решил, что показать сюзерена и брата ханганским лекарям не помешает. В случае если принц останется жив.

Но это до лета. У Альтреса были подозрения, что Рик таки выберет Анелию. И свадьба состоится в Ативерне. Гардвейг обязательно поедет. Там и встретимся с графиней.

А пока...

Перо быстро летало по бумаге.

«Ваше сиятельство.

Я надеюсь, вы не обиделись на моего человека. Ройс весьма лестно отзывался о вас.

И поэтому, как умный человек, я хотел бы поинтересоваться: не желаете ли вы нанести визит в Уэльстер? Его величество будет рад видеть вас при дворе, а я со своей стороны сделаю все возможное, чтобы ваш визит оказался успешным, а наше сотрудничество плодотворным.

Разумеется, с согласия его величества Эдоарда.

Список вопросов, который вы приложили, прочитан его величеством. Но подробные ответы он решил дать при личной встрече.

Хочу также проинформировать вас о поведении вашего супруга.

Полагаю, вам известно, что в составе посольства находится его бывшая любовница, которая покушалась на вашу жизнь.

Должен с прискорбием заметить, что выводов ваш супруг не сделал — и во всех своих бедах винит лишь вас. Супружескую верность он также блюсти не собирается, поэтому вы можете в любой момент потребовать раздельного проживания — я готов предоставить вам всех его любовниц. Мое положение при дворе позволяет это сделать.

Безусловно, меня интересуют зеркала, стекло и прочее, что производится в Иртоне, но

это всего лишь вещи. А люди намного ценнее.

И я готов пожертвовать многим ради добрых отношений между двумя умными людьми.

Искренне расположенный к вам

Вот так. Переслать это письмо Ройсу — и пусть подсуетится.

Даже если графиня Иртон не сможет вылечить Гарда — все равно. Такая графиня нужна самому.

Намек она понять должна. Если умная.

А если нет?

Тем хуже для нее же.

Лиля получила письмо графа Лорта в середине весны. И задумалась.

Картина вырисовывалась неприятная. У сильного всегда слабейший виноват. Однозначно. Если для Джерисона Иртона она — крайняя...

Плохо. Вопрос в другом: а правду ли ей написали?

Хорошо. Допустим, Альтрес ей соврал. Возможно.

Что мы получаем?

Что с супругом можно договориться. Почему нет? Это она и так планировала сделать. Альтресу при таких раскладах веры больше нет. И он это понимает.

Вариант второй. Ей не лгут. И Джерисону Иртону под хвост попали шлея, кактус и перец. Одновременно.

При таком раскладе ей остается только взвыть и бежать. И Альтрес ненавязчиво намекает, что в Уэльстере ей всегда будут рады. Это мы еще с отцом обсудим, конечно. Но Лиля предпочла бы Вирму, если что.

Блондинка, там она будет самой обычной деталью пейзажа. Остров, так что корабели востребованы. Медики же...

Двадцать первый век породил кучу нежизнеспособных профессий, но врачи... она всегда найдет работу.

И на Вирме скорее, чем где-либо. Выйти замуж за главу клана, основать свою школу медиков, народ будет в очередь становиться, от Вирмы до Ханганата...

Уэльстер нравился Лиле меньше. С другой стороны, выход к морю есть и там, врачи нужны и там... а если придется бежать...

Короче! Отношения с графом портить нельзя.

И Лиля принялась сочинять вежливое письмо Альтресу Лорту.

А письмо она напечатает. На пергаменте, но напечатает. И посмотрит на реакцию графа. Почему нет?

Боги, сколько ж забот, сколько дел... Лиля просто разрывалась.

Времени иногда не оставалось даже на сказки. Но сделано было очень многое. Сейчас, глядя назад, она могла сказать, что зима прошла не напрасно.

Она осталась в живых. Это немало.

Она знает, кто хочет ее убить. И знает, за какие ниточки тянуть, чтобы выловить остальных убийц.

Она разобралась со стеклом и линзами. Это важно.

Она организовала кружевниц.

Устроила курсы для докторусов и отдельно — для медсестер. Вирманские женщины высоко оценили ее знания и слушали с открытыми ртами.

Сделала первую бумагу. И попробовала сделать литеры. Были даже отпечатаны несколько первых страниц. В Иртоне с этим просто не развернуться. Да и ее ребятам уже нужны ученики.

Но это лучше в столице.

Там, где есть поставки химикатов, где не надо самых простых вещей ждать неделями...

Остается вопрос секретности. Надо создавать свою СБ.

Отец писал, что присмотрел для нее трех человек на роль начальника разведки. Но это все требует ее присутствия.

Предстоит столько сделать...

Лиля махнула рукой и завела отдельный свиток. Записывала туда все, что удавалось вспомнить. А можно или нельзя это сделать при современном уровне технологий... а вот посмотрим!

Технологии дело такое — дашь пинок, и они полетят.

Вон как за десять лет рванули. В двухтысячном году сотовый телефон был редкостью. В две тысячи десятом — человек без сотового телефона стал еще большей редкостью. Хорошо это или плохо?

Не важно. Но здесь она сделает все возможное...

А деньги...

Лиля уже сейчас готовилась к будущему. Часть денег она тратила на Иртон. А часть Торий Авермаль по ее просьбе вкладывал в разные предприятия.

Останется она с графом или нет, но свой капитал у нее быть должен. О котором не знает никто.

Останется или не останется?

Лиля никому не говорила об этом, но... Женщина она или уже где?

Гормоны брали свое. Нельзя сказать, что она чувствовала себя как кошка в течке, нет. Она — молодая, симпатичная женщина. Ей хочется семью, в которой будет хорошо и уютно. Хочется встречать любимого мужа поцелуем, когда он приходит домой. Хочется взять на руки своего ребенка. Не только Миранду. Хочется и еще детей. Родных и по крови.

И иногда ночами Лиля тихо плакала в подушку.

А ведь нельзя. Пока ничего нельзя.

В своем мире Лиля видела много семей, где жена была умнее мужа. И жили. И счастливо. Допустим, она замдиректора в государственной организации, он — прораб на стройке. У нее мозги — у него руки и способность заработать деньги, даже продавая пингвинам холодильники.

Но ни одной семьи, где жена изменяла мужу, а он терпел и они были счастливы, Лиле видеть не приходилось.

Рано или поздно все кончалось разрывом. И скандалом. Даже если муж сам подкладывал жену под других мужчин.

Так что пока...

Лиля ловила на себе чисто мужские взгляды. Вирмане народ непринужденный. Да и ханганы восхищались ею вполне искренне. Но — нельзя.

Никому.

И Лиля держалась со всеми по-дружески, никого не выделяя.

Хотя так хотелось обрести опору. Хотя бы на ночь. Уткнуться в чье-то сильное плечо и на одну минуту поверить, что ты защищена от всего мира. Хотя бы так...

Даже этого она не могла себе позволить.

Но Лиля уже привыкла давить эти эмоции.

Вперед, и только вперед. Рано или поздно ты найдешь свою тихую гавань, Лириан Иртон.

А сейчас — навстречу шторму. И буре. И пусть они не надеются, что Лиля сломается! Она все пройдет.

И обязательно будет счастлива!

Она это знает!

Поздней весной, когда поля уже покрылись травой, Лиля уезжала из Иртона.

В плавание уходили семь кораблей.

Три корабля ханганов шли в Лавери. На борту флагмана находился Амир Гулим. К нему примкнула Миранда. Девочка сильно сдружилась с принцем и они часами играли в нарды, шашки, шахматы. Амир оказался просто талантом. Там же плыл Тахир — для постоянного присмотра за пациентом. Три докторуса ханганов составляли его свиту.

Корабль Эрика. С небольшим, но ценным грузом он шел на Вирму. Но это уже из Альтвера.

Корабль Лейфа. С ним были все вирмане. Лиля предлагала им остаться в Иртоне, но наткнулась на непреклонное: «Мы клятву давали». Так что... куда она, туда и вирмане. Все, вплоть до детей. Но Лиля не возражала. Пусть так.

Два корабля работоторговцев. Лиля подумала и переименовала их во «Владимира» и «Татьяну». Здесь это были просто красивые звукосочетания, принятые «на ура».

Лиля разбила по бутылке вина о нос каждого корабля. И сейчас плыла на «Татьяне». Сюда же погрузились пастор Воплер с сыном, Лонс, Лейс, эввиры, кузнец, стеклодув... На борт «Владимира» Лиля в приказном порядке отправила всех учителей и кружевниц. Туда же навязался и Джейми.

В Иртоне оставались Тарис Брок — для управления и Иртоном, и временно бесхозным Донтером, пока Август не найдет ему замену. По весне потихоньку началась добыча янтаря — и доверить это кому попало? Нет уж. Лиля не настолько богата.

Эмма. Как бессменная домоправительница.

Гарнизон, за зиму обученный Лейсом. Кстати, «Владимира» и «Татьяну» Лиля планировала отослать обратно в Иртон. Почему нет?

Слуги.

Обязанности по деревням Лиля распределила между Ианом Лейгом, Артом Вирдасом и Шерлом Ферни. На долю Иана достались разработка болот и заготовка торфа. Арт получил под присмотр коптильню. Шерл — солеварню.

Кроме того, новых старост Лиля выбирать не стала. Так что на Иане повисла Ручейка, а

на Шерле — Буковица. Арт, как самый сообразительный, отвечал теперь за трехполье и графское стадо.

Лиля распорядилась заменить барщину оброком и попросила Тариса выдавать людям молоко, яйца... короче — сельхозпродукты. Тем, кто нуждается.

И продолжить ремонт поместья. Даже если она не станет там жить, Миранде оно может понадобиться. Так что нечего разводить свинарник.

Лиля мрачно смотрела с корабля на берег.

Она бы лучше пешочком, по суше... но это долго и невыгодно. Тут караваны не водят. А вот всякой шушеры на дорогах...

Так что выбора нет.

А вот тошнота уже есть.

Лиля сглотнула комок в горле. Мутило даже на реке. Господи, как же она до столицы-то доплывет?

Лиля крепилась до последнего, пока Иртон не скрылся из глаз. А потом ушла в каюту. И согнулась над тазиком.

Верная Марта гладила ее по волосам. Она знала, что Лилиюшка ненавидит морские путешествия.

А Лилиан мрачно думала, что по крайней мере похудеет. Ну и проведет очистку организма.

Тяжко жить на белом свете...

Кабюта была тесной, тошнота сильной, запах омерзительным...

Ничего.

Я все вытерплю.

Что бы мне ни предстояло — я все вытерплю.

Я — графиня Лилиан Элизабетта Маризэла Иртон. И впереди меня ждет много дел.

Река Ирта несла корабль к Альтверу.

Примечания

1

И. А. Крылов, «Волк и ягненок».

2

Какой красавчик (*ит.*).

3

Ж.-Б. Мольер. «Тартюф, или Обманщик». *(Перевод М. Донского.)*